

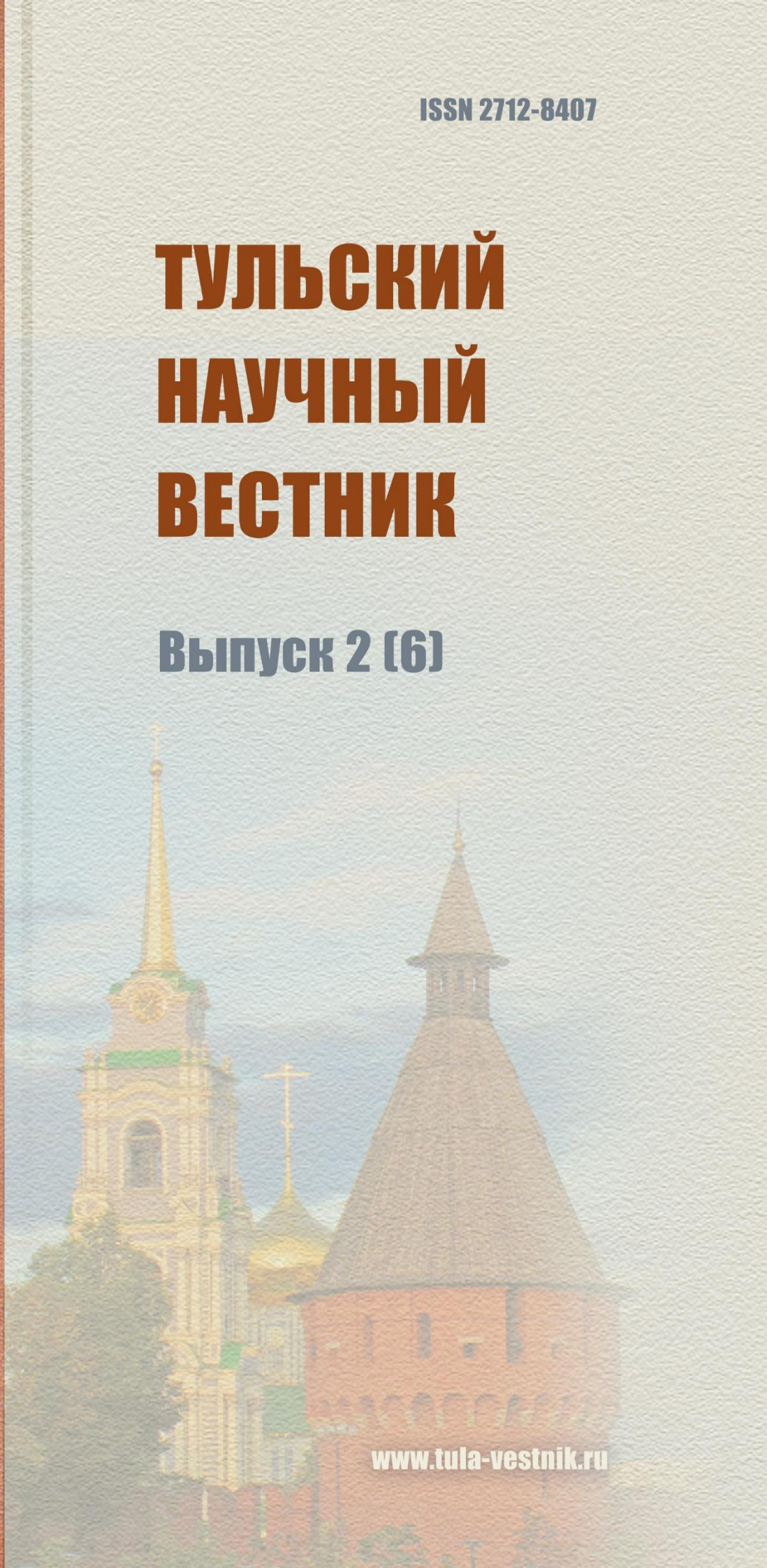
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (6)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (6)

**Тула
2021**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (6)

Дата выхода в свет: 30.06.2021 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистрации
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2021
© Авторы статей, 2021

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Белов А. В.* Зритель русского театра периода становления в Москве сценического искусства на рубеже XVIII – XIX вв. **6**
- Белан М. А.* Участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах ополчений 1806 – 1807 и 1812 гг. **15**
- Биленко Н. А.* Торговое предпринимательство женщин в губернском городе Тула второй половины XIX века **29**
- Володин С. Ф., Володина Т. А.* Советская историография о стахановском движении **45**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Семантика и прагматика языковых единиц

- Авдеева О. И., Тлевцежева М. М.* Структура и семантика адъективной фразеосемантической группы «степень опытности человека» в русском и французском языках **62**
- Брысина Е. В.* Семантика диалектных фразем: традиции анализа и специфика интерпретации **71**
- Третьякова И. Ю.* Фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом в аспекте их окказиональной изменчивости **81**
- Колесникова Ж. А.* Модель мира и человека в повести А. П. Платонова «Котлован» **94**
- Пронина Е. В.* Лингвопоэтическое своеобразие фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» **101**
- Родионова И. Г.* Метаязыковая функция вводных предложений с союзом *если* в произведениях К. Г. Паустовского **109**
- Романов Д. А., Мосолова В. С.* Зоонимическая лексика в «Записках...» А. Т. Болотова **119**

ХРОНИКА

- Василенко А. П.* Памяти профессора В. И. Зимины **127**

DOI 10.22405/2712-8407-2021-2

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 2 (6)

Released on June 30, 2021

Chief Editor
Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor
Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor
PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:
**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
**Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.**
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2021
© Authors of articles, 2021

**Address of the founder
and the editorial office:**
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tspu.ru

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tspu.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Belov A. V. Spectator of the Russian theater during the period of stage art formation in Moscow at the turn of the 18th – 19th centuries **6**

Belan M. A. Involvement of St. Petersburg province district townspeople communities in raising militias in 1806 – 1807 and 1812 **15**

Bilenko N. A. Women's commercial entrepreneurship in the provincial city of Tula of the second half of the 19th century **29**

Volodin S. F., Volodina T. A. Soviet historiography about the Stakhanov movement **45**

LINGUISTICS

Semantics and pragmatics of language units

Avdeeva O. I., Tlevtsezheva M. M. Structure and semantics of the adjective phrase semantic group "degree of human experience" in Russian and French languages **62**

Brykina E. V. Semantics of dialect phrasemes: traditions of analysis and peculiarities of interpretation **71**

Tretyakova I. Y. Phraseological units with ornithonym component in the context of occasional variability **81**

Kolesnikova Zh. A. Model of the world and individual in the novel "The foundation pit" by A. Platonov **94**

Pronina E. V. Linguo-poetic peculiarity of a science fiction story by F. M. Dostoevsky «The dream of a ridiculous man» **101**

Rodionova I. G. The metalanguage function of introductory sentences with the conjunction *yesli* (if) in the works of K. G. Paustovsky **109**

Romanov D. A., Mosolova V. S. Zoonymic vocabulary in "Notes..." by A. T. Bolotov **119**

CHRONICLE

Vassilenko A. P. In memory of Professor V. I. Zimin **127**

DOI 10.22405/2712-8407-2021-2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсø, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).045-047

ББК 63.3(2)45

DOI 10.22405/2712-8407-2021-2-6

UDC 94(47).045-047

LBC 63.3(2)45

ЗРИТЕЛЬ РУССКОГО ТЕАТРА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ В МОСКВЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ XVIII – XIX ВВ.

А. В. Белов

*Институт российской истории Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В данной статье освещается процесс становления и развития в Москве во второй половине XVIII – XIX вв. собственного, постоянно действующего, национального театра. Данному явлению предшествовал большой и трудный путь, основные этапы которого освещены в данной работе: сменявшие друг друга театральные антрепренеры; их удаchi и просчеты; принцип получения «привилегии»; различные сценические площадки; формирование труппы будущих «Большого» и «Малого» театра Москвы. Рубеж XVIII – XIX вв. чрезвычайно важен тем, что в это время интерес к западноевропейскому театральному сценическому действу, принесенный в Россию в ходе реформ Петра I и первоначально не принятый широкими слоями русского зрителя, стал неременной и востребованной частью городской столичной культуры. При этом в первое десятилетия XIX в. неподдельный интерес к сценической игре стали проявлять все сословия и социальные группы городского общества страны. Переходный характер эпохи отразил в себе заметные проблемы и трудности, связанные с процессом «укоренения» культуры театра в городской среде. Это хорошо заметно именно на примере Москвы как второй более консервативной и менее чиновной столицы, связанной к тому же с широкими слоями провинциального русского дворянства и их окружения. Дополнительные трудности создавала высокая стоимость организации представлений, затратность театрального зрелища, а также принцип окупаемости представлений, что вело к необходимости привлечения и удержания зрителей в условиях, все еще относительно узкого круга любителей этой формы развлечения. В связи с этим особую роль на данном этапе играла проблема взаимоотношения администрации и зрителей. В связи с этим большое внимание в работе уделено проблемам жизни зрительного зала, особенностям поведения посетителей театра, задачам, стоявшим перед администрацией Московского Императорского театра, путям и способам их решения; организации процесса работы театра; борьба с нарушениями. Рассмотрение данной темы позволяет увидеть особенности прохождения и организацию процесса утверждения в России западной сценической традиции, превращения ее в неотъемлемую часть городского культурного пространства как Москвы, так и всей страны, превращение в неотъемлемую часть национальной российской культуры.

Ключевые слова: Театральная политика, Дирекция Императорских театров, столичный театр, зрители, Москва, Локателли, Петровский театр, Арбатский театр.

SPECTATOR OF THE RUSSIAN THEATER DURING THE PERIOD OF STAGE ART FORMATION IN MOSCOW AT THE TURN OF THE 18TH – 19TH CENTURIES

A. V. Belov

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS)
(Moscow, Russia)*

Abstract. This article covers the process of formation and development of the permanent national theater in Moscow in the second half of the 18th – 19th centuries. A long and difficult path preceded this

phenomenon. The author describes the main stages of the path: successive theater entrepreneurs; their good decisions and miscalculations; the principle of "privilege"; various stage venues; formation of the troupe of the future Bolshoi and Maly theaters of Moscow. The turn of the 18th – 19th centuries is extremely important because at that time the interest in Western European theater stage action brought to Russia during the reforms of Peter the Great, which at first were not accepted by wide sections of the Russian audience, became an indispensable and demanded part of the city's metropolitan culture. At the same time, in the first decades of the 19th century all social strata of the urban society of Russia had a genuine interest in the stage play. The transitional nature of the era reflected notable issues associated with the processes of "rooting" the culture of the theater in the urban environment. This is clearly seen in the example of Moscow as the second, more conservative and less bureaucratic capital, connected, moreover, with broad strata of the provincial Russian nobility and their entourage. The high cost of organizing performances and the cost of the performances themselves, as well as the principle of recoupment of performances created additional difficulties. In this regard, at this stage the issue of the relationship between the administration and the audience played a big part. This forces the administration of the Moscow theater to attract and retain spectators. Therefore, the problem of the relationship between the administration and the audience played a special role. As a result, the work pays much attention to the issues of the life of the auditorium, the peculiarities of the behavior of theater visitors, the tasks facing the administration of the Moscow Imperial Theater, the ways and methods of their solution; the organization of the theater work process; the fight against violations (forgery of tickets, and others). Consideration of this topic allows us to see the peculiarities of the passage and organization of the process of establishing the Western stage tradition in Russia, its transformation into an integral part of the urban cultural space of both Moscow and the entire country, its transformation into an integral part of the national Russian culture.

Keywords: Theater policy, Directorate of the Imperial Theaters, metropolitan theater, spectators, Moscow, Lokatelli, Petrovsky Theater, Arbat Theater.

Завершающие десятилетия XVIII и первые годы XIX в. стали временем, когда изначально чужеродная западная традиция театральных подмостков превратилась в непереносимый атрибут русской городской культуры. В первую очередь это имело отношения к обеим столицам страны, для которых наличие собственного театра являлось обязательным атрибутом их исключительного административного положения.

При этом и в Петербурге, и в Москве процесс этот был долгим и трудным. Изначально он шел в значительной степени под влиянием политики верховной власти по внедрению в России элементов европейской культуры и не получил подлинного распространения. Собственно, успех этого начинания стал возможен лишь с появлением подлинного интереса к театральной культуре среди самых широких слоев коренных жителей русского города, что и совпало с рубежом XVIII – XIX вв. Однако и в эти десятилетия круг настоящих ценителей и поклонников сцены был не столь значителен, что требовало и от государства, и от театральной администрации активных мер по привлечению зрителя. Это имело важное материальное значение – устойчивое поступление денег за купленные билеты. Как тогда, так и сейчас данное обстоятельство являлись непереносимым условием самого существования театра – структуры не только важной для развития культурной среды, но при этом и весьма затратной.

Таким образом, тема взаимоотношения театрального зрителя и театральной администрации превращалась в центральный фактор ее деятельности. Аспект этот изучен слабо. В первую очередь в связи со сложностью получения необходимого материала – подробная делопроизводственная документация по данному вопросу в те годы еще не велась. Но отчеты театральной канторы, сохранившие упоминания о тех или иных проблемах ее работы со зрителем и поведения публики, позволяют приподнять занавес над данной проблемой.

Большую часть XVIII столетия театральные труппы практически постоянно присутствовали в Москве. Причем изначально это были исключительно иностранные

коллективы. Крупнейшим из них в середине являлась антреприза итальянца Локатели, специально выстроившего для представлений собственное театральное здание около Красного пруда – «Оперный дом».

С последней четверти XVIII в. в Первопрестольной функционировал уже постояннодействующий, профессиональный, русский театальный коллектив, который воспринимался жителями Москвы как собственный городской театр. Формирование и развитие его было связано с деятельностью английского антрепренера и инженера М. Г. Медокса (Мадокса), который в 1780 г. получил исключительное право «привилегию» на учреждение в Москве публичного театра. Он же возвел для него и новое здание, получившее название Петровско театра. Не смотря на последующее разорение предпринимателя, а вскоре и гибель в огне и самого театрального сооружения, труппа Медокса сохранилась, став основой для ныне действующих коллективов Большого и Малого театров. Еще до своего разделения в самом начале XIX в. она отошла к Дирекции Императорских театров и получила новое здание на Аратской площади, погибшее в печально знаменитом пожаре 1812 г. На сценическом пространстве этих двух площадок и разворачивались события, нашедшие свое отражение в отчетах, отправленных руководством московского театра в Санкт-Петербург.

Судя по содержанию дошедших до нас материалов, главной целью театральной администрации выступало сохранение благосклонности публики. В связи с этим огромную роль имела реклама предстоящих преставлений, которую давали непосредственно в зрительном зале между частями театрального вечера. Для этого управляющий театром обязывал наиболее любимых актеров лично и «покорнейше» оповещать со сцены «благородную публику» о предстоящих премьерах, а также обращаться к ней с призывом посещать спектакли.

При этом поведение самих зрителей нередко мало согласовывалось с нормами поведения в зрительном зале. Москва за счет ее «нечиновости», стремления отойти от петербургского регламентации, по-видимому, отличалась в худшую сторону от северной столицы. Тем более что провинциальный зритель, прибывавший чаще в Первопрестольную, был на первых порах чужд норм и правил театра, а нередко и просто не понимал происходящего на сцене представления. В качестве примера приведем описания посещения театра, оставленного в комедии А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению», одна из героинь которого произносила: «... как я нынешней зимой была в Москве, так расхвалили мне какую-то интермедию и уговорили меня туда съездить. Бывает и на старуху проруха... вошла я в залу, заиграли и на скрипичах и на гобоях и на клавикордах, вышли какие-то и почали всякую всячину говорить и уж махали, махали руками, как самые куклы, потом вышел какой-то, а к нему какую-то на цепи привели женщину, у которой он просил, не знаю какого письма, а она отвечала, что она его изодрала, вышла, ему подали золоченый кубок, а с каким напитком, этого я не знаю; этот кубок отослал он к ней и все было хорошо; потом какой-то еще пришел, поговорили немного и что-то на него нашло; как он закричит, шапка с него полетела, а он и почал метаться, как угорелая кошка, да вынув нож, как прыснул себя: так я и обмерла» [11, с. 9].

При этом актерам всегда очень часто мешал сильный шум. Как писал в 1772 г. А. П. Сумароков – без него «ни одно представление не проходило». Непосредственно во время игры зрители могли говорить без умолку и даже хохотать, уделяя больше внимания необходимости продемонстрировать себя, нежели увидеть представление. Кроме того, когда на сцене шло действие, в зале непрерывно ели. Часто одновременно с оркестром и репликами московские зрители с шумом грызли орехи, что, рассматривалось ими как само собой разумеющееся явление, аналогичное современной традиции попкорна во время посещения кинотеатра. Бывало, что в зале начинались и драки [3, с. 84]. Наполнявшие зрительный зал люди полагали, что раз «за вход заплачены

деньги, можно в партере в кулачки биться, а в ложах рассказывать истории». Встречались дамы, которые во время спектакля во всеуслышание просили принести им «медку из караульни», посылая за ним своего поверенного [1, с. 147–148].

Для предотвращения беспорядков, в зал заранее приглашали стражей порядка, которые во время спектакля для устрашения ходили по рядам, чем (по замечанию того же А. П. Сумарокова) делали театр «не парнасским местом, но некою таможенною» [2, с. 150–151].

Кроме того, наиболее активные зрители непосредственно из зала вмешивались в процесс работы труппы. Например, обычным было требование заменить заранее объявленную пьесу на другую (см. Приложение № 1). В связи с беспорядками актеры и администрация не раз обращались с просьбой к публике не мешать своим поведением действию на сцене (см. Приложение № 2).

Впрочем, имели место и менее безобидные эпизоды. Так, например, «Московские ведомости» сообщали, что во время спектакля, шедшего в воскресенье 28 мая 1760 г. в театре Локателли, ряд наиболее рьяных театралов насильно «отбивали» у законных владельцев «откупленные уже [от] лож ключи» и «входило в оные насильно» [4, с. 463].

Вандализм (во всяком случае, на первом этапе укоренении театральной культуры в Москве) не был чем-то необычным. Так, в середине века в поздние часы в «Оперном доме» Локателли перебили окна «щепками и мерзляками» (поленьями, камнями, кусками льда). Причем через несколько дней эта акция повторилась, после чего к дому отправили отряд, состоящий из солдат во главе с поручиком Муфелем, для прекращения беспорядка и выяснения «кто мечет». Когда солдаты подошли к зданию они застали, бросающим камни хулиганов, и потребовали прекратить. Дело закончилось дракой и, по крайней мере, одним арестом. Впоследствии для сохранения театра к нему для охраны отрядили от каждой из 12 частей города по 5 чел. десятских и по 10 чел. обывателей [1, с. 148]. В итоге здание «Оперного дома» у Красного пруда охраняли от «таких наглостей и своевольтства» до 80 чел.

На рубеже XVIII – XIX вв. среди театралов сложилась новая форма забавы – «зашикивание» выступающих актрис. Причем из зала шел такой шум, что из произносимого на сцене не было слышно буквально ни одного слова. На роль несчастной выбиралась исполнительница, не снискавшая любви у части театральной публики, которая ловила актрису на неподходящей для нее или плохо исполняемой роли.

Подобная форма оценки театрами степени таланта получило равное распространение в обеих столицах, но в Москве степень театрального хулиганства в какой-то момент достигла такой остроты, что пришло распоряжение из Петербурга – театралов-зачинщиков беспорядков арестовать и сажать под замок. Военных и военно-отставных отправляли на гауптвахты, а статских – в съезжие дома (полицейские участки).

При этом под арест попали и весьма именитые лица. В частности, С. П. Потемкин – племянник светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. Причем этот представитель «золотой молодежи» тех лет перевез на место заточения всю роскошную обстановку своего дома и в таких условиях стал задавать «самые лакомые и веселые обеды». Через неделю его выпустили, и он покинул Москву. Впрочем, князь действительно был большим любителем, а со временем стал и весьма и уважаемым знатоком сценического искусства. Директор Императорских театров А. М. Гедеонов, обращался к нему за советами, т.к. ценил его за тонкий вкус, знание предмета, а также справедливость и основательность выводов [6, с. 236].

Наряду с хулиганством и бравадой, выказываемой со стороны театралов, имели место и грубые нарушения закона. Наиболее болезненным для московского театра выступала подделка билетов, т.к. подрывало (и без того не всегда «достаточные») доходы этого учреждения. Так, 24 сентября 1810 г. «в креслы» явился московской купец Петр Григорьевич сын Попов, торгующий в суконном ряду. У негоцианта оказался

билет на место уже занятое другим зрителем, предъявившим свой билет на то же самое место и отказавшимся уходить. Администрация призвала находившегося в театре квартального поручика Хитрова. Выяснилось, что Попов получил свой билет от такого же купца, торгующего в одном с ним ряду. При этом сам билет относился к предыдущему спектаклю и был «переправлен» на другую дату: подделку выдал неверный цвет чернил и почерк. Итогом стал штраф «за неправильный вход в креслы» в размере 2 руб. 50 коп. [9, с. 10–11].

Подобного рода случаи выявлялись не всегда. Все зависело о степени наполненности этой части зрительного зала. Часто дорогие «партерные кресла» оставались пустыми и туда (как и сейчас) незаметно перебирались зрители с других, более бюджетных мест [5, с. 661–662]. Но в отличие от сегодняшнего дня, присматривающие за порядком в зале капельдинеры призывали перебежчиков вернуться на свои законные места – кресло и ряд в театре были прямым отражением жесткой иерархичности общества, на что особо указывали театральные инструкции при рассадке зрителей [8, с. 40б.].

Для борьбы с подделками для разных дней выпускали билеты разных «колеров» [8, с. 5] (цветов бумаги или чернил), использовались, по-видимому, и другие ухищрения.

В начале XIX в. большие проблемы стали создавать попытки махинации с уже купленными «кресельными местами». Вот как описывает механизм махинации сама администрация московского театра: зрители «передают тайным образом свои кресельные билеты в партер и таким образом остаются сами в креслах, переводят других по одному и тому же билету в кресла за партерную цену» [9, с. 3].

13 июня 1810 г. управляющий хозяйственной частью театра «изловил» двоих нарушителей – «служащего сената Ямщикова, который передал свой вексельный билет губернскому секретарю Васильеву, там же себя в службе показавшему». Но и в этом случае администрация старалась вести себя дружелюбно. Кантора лишь заявила о взыскании с данных господ «двух рублей пятидесяти копеек» [9, с. 3–30б.].

При этом, не смотря на выходки ряда представителей «благородной публики», во всех вопросах администрация старалась быть максимально лояльной к зрителям. Требования посетителей (естественно высоко стоящего уровня) были принимаемы со вниманием и почтением. Даже если они оказывались не справедливыми.

27 июня 1810 г. некий господин «Казлов» заявил администрации театра о злонамеренной «утайке денег забытых им при продаже билетов у входа в театр». Обвинение в воровстве пало «на ... случившегося быть тут капельдинера Новинского» [9, с. 7]. По заявлению Козлова «забыл он при входе пакет с деньгами» [9, с. 7], которые присвоил себе Новинский. При этом речь шла о весьма значительной сумме – 220 руб. Зритель просил кантору «произвести об оном изыскание и найти его деньги» [9, с. 7]. Однако, вскоре оказалось, что сумма якобы украденная у него «при покупке кресельных билетов» отыскалась дома у самого Козлова [9, с. 6]. Впрочем, ему надо отдать должное. Обнаружив это, посетитель прислал письмо: «Долгом перед собой поставляю извиниться перед вами в нанесенном мною вам беспокойство деньги, оброненные мной, нашлись». Конверт обнаружил «человек» Козлова и передал затем господину [9, с. 8].

Внимание администрации к посетителям театра проявилось и в непременном поиске лиц, забывших в помещении свои вещи. В архиве сохранилось достаточно объемное дело о подобного рода происшествиях. Папка с материалами содержит 72 листа, накопившиеся всего за два года, что говорит распространенности данного явления. И хотя материалы относятся к театрам северной столицы и датировано серединой XIX столетия, подобного рода «происшествия» естественно имело место и в Москве рассматриваемого нами времени.

Утраченные предметы могли быть самыми разными, но преимущественно забывались небольшие личные вещи. Всего за несколько спектаклей в феврале-марте

служители обнаружили только «в коридорах... театра»: «цыгарочницу из сафьяна», браслет, «золотой часовой ключ», черную мантилью, «косыночку», большой вышитый платок, «платочек креповый», два носовых шелковых платка, медальон, брошь в виде жука, бра из шиншиллы и двойной серебряный вызолоченный лорнет. Дамы очень часто забывали веера [10, с. 45, 62, 70], оставленные ими около кресел [10, с. 45]. Нередкими были находки «зрительных трубок», лорнетов и браслетов [10, с. 56, 58, 71]. Один из посетителей оставил даже «большую подзорную трубку из слоновой кости» [10, с. 6]. И это только те вещи, за которыми хозяева сами не явились в дирекцию [10, с. 1].

Порядок обращения с найденным был следующий. Обнаружившие их служащие, отдавали предмет смотрителя театра. Тот оповещал о происшествии театральную кантору. Затем нашедший [10, с. 71] передавал их во второй департамент Управы благочиния, где составила расписка с указанием получившего офицера [10, с. 71], после чего сообщение о находке с ее описанием давалось в губернских ведомостях [10, с. 70]. Причем делаться это могло три раза [10, с. 17].

Если за потерей в театр приходил хозяин, то вещь возвращали из Управы законному владельцу, но прежде он должен был оплатить штраф – стоимость использованной при оформлении трех листов гербовой бумаги [10, с. 110б.]. В сороковые годы XIX в. это составляло 90 коп. серебром [10, с. 6–60б.]. Причем о получении вещи в Управа благочиния оповещала Кантору Императорского театра [10, с. 7] и выдавала квитанцию на официальном бланке [10, с. 8]. В случае, если законный владелец пропажи не объявлялся, предмет «за не отысканием хозяина» передавался нашедшему его сотруднику театра, о чем тот давал расписку [10, с. 70].

Основная тягота по работе непосредственно со зрителями (продажа билетов, наблюдение на входе за проникновением безбилетников («для наблюдения на билетном входе» [8, с. 3]) и др.) лежала на смотрителях за зрительным залом. Для ее упорядочивания 22 апреля 1801 г. в Дирекции Императорских театров был учрежден особый свод правил [8, с. 3–30б.]. Согласно ему «для верности сбора» и «наблюдения по театру вообще»: «1-е к продаже билетов» избирался чиновник «по долговременной службы испытанный в верности» и «дежурный писарь, которых приняв билеты с утра производит продажу лож, кресел и прочих мест до перового час по полудни из канторы, а после полудни при писаре, записывая покупателей лож и кресел имена. 2-е поступившие за продажу до полудни денги обязаны при выходе из канторы доставить казначею, а сбор пополудни по окончании спектакля при поверке билетов и написания расхода. 3-е для наблюдения по билетам входа назначен особой дежурной коего обязанностью являться в театр во втором часу по полудни и при открытии входа в театр первоначально по всем местам разставление надлежащее число людей снабдя их запечатанными от канторы ящиками и при том иметь не ослабное наблюдение, чтобы никто без билетов пропускаем не был, равно и отбираемые билеты верно в ящики опускаемы были. 4-е по окончании спектакля дежурной с потребным числом служителей обязан строжайше наблюдать, чтоб ни кто театрального платья с собою не увозил, а отдавали бы оное гардероб мастеру, и наконец 5-е за исполнением всего вышепрописаным в самой точности иметь наблюдение господину правителю канторы...» [8, с. 3–30б.].

Кроме того действовала Инструкция дежурным господам обер-офицерам [8, с. 4–80б.], преследовавшая достижение тех же целей: контроль за продажей билетов; рассадку по купленным местам («капельдинерам смотреть, чтобы в свои номера садились») [8, с. 7]; не допущение проникновения в зал родственников служащих и актеров театра при отсутствии свободных мест; борьба с безбилетниками и выявление подложных билетов («наивозможно стараться рассматривать билеты, дабы те самые входили, которые в тот день в продажу пущены будут, а других... не принимать [8, с. 5] ...»); осуществление рассадки в соответствии с рангом зрителя («поступать так,

чтобы первый ярус занимаем был полными генералами, а второй ярус генералитетами и другими чиновниками; а следственно и продавать оные» [8, с. 40б.]); расстановка постов в зале для поддержания порядка; наблюдением за занятием лож из владельцами («7-е Крайне наблюдать дежурному, дабы абонированные на годичное время ложи и кресла занимаемы были теми самими особами, кому даны билеты, а другим отдавать и продавать оных в подрыв доходов дирекции не допускать и ест ли таковая перепродажа примочена будет, то о сем неукоснительно доносить старшим при театре [8, с. 8]); и др.

Таким образом, процесс «укоренения» в Москве театральной традиции, проявивший себя на рубеже XVIII – XIX вв., нельзя рассматривать без двух факторов: историко-культурной среды города, имевший неповторимое содержание на данном конкретном периоде, обусловленной условиями исторического процесса; и целенаправленной политикой московской театральной администрации, особенностями, стоящих перед ней задач, и способами, применяемыми для их реализации. Как мы видим, достигнутый результат являлся частью большой и нередко не только трудно, но и неблагодарной работы, но достигнутые благодаря ей результаты легли в основу фундамента современного российского театра.

Приложение 1

ОБРАЩЕНИЕ АКТЕРОВ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА К СВОИМ ЗРИТЕЛЯМ С ПРОСЬБОЙ СОБЛЮДАТЬ ТИШИНУ В ЗАЛЕ [2, с. 150]

От актеров Российского театра

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Декабря 22 дня представлена будет Семира на собственный сбор актеров. Автор онной драмы покорнейше просил о благоволительном слушании, дабы мог он давать свои драмы и впредь ради удовольствия зрителей. Он бы тщетно давал на представлении свои сочинения, ежели бы он чаял то, что не для слушания его драмы, но ради единого собеседования и разговоров в театральный дом собираются; ибо трудолюбно написанные им сцены мешали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сие его размышление основательно и требование справедливо; о чем и актеры нижайше просят. А в противном случае ни одной трагедии и ни одной комедии сего автора без присутствия двора, при жизни авторовой в Москве представлено не будет. А содержатели театра с ним письменно обязались, чтобы без его согласия его сочинений не представлять, чего они и без обязательства делать не могут. Представление начнется обыкновенно в 6 часов пополудни.

Приложение 2

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ЕРОПКИНА О СОБЫТИИ, ПРОИСШЕДШЕМ В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ 19 ЯНВАРА 1788 Г. [7, с. 21–210б.]

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ !¹

Вчерашний день по окончании игранный на здешнем Театре пиесы, и по объявлении какая будет впредь, некоторые из бывших при том зрителей, не прилично должной благопристойности: и Громогласно требовали, чтоб представлена была другая пиеса, а не та, которая назначена. На ответ же, что директор театра согласен удовольствовать их желание, запрещали называться ему директором а Содержателем

Театра. По том требовали, чтоб не пременно был действующим тогда и актер Лапин, которой за невоздержанность от театра был уволен, на что так же получили отзыв согласной. О сем произшествии представлено мне нынешний день от полицмейстера Годеева, при том находившимся; и хотя оное ни кому и ни чего вредного не приключило, но чтоб в партикулярной из здешней Столицы в Санктпетербургскую корреспонденцию, не могло быть описано вышеозначенное в каком либо предвратном виде, в предь упреждение того, осмеливаюсь ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейше сим донести, с соединением и того: что я не составил приказать обер-полицмейстеру, дабы впредь все то предостерегаемо было, что в таких собраниях случится может не согласное с общественным спокойствием и надлежащею благопристойностью.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ !
Вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
Всеподданнейший
Петр Еропкин²
Генваря 20го дня 1788 года Москва

Примечания

1. При публикации текста источника сохранены изначальные особенности написания и структуры документа.
2. Собственноручная подпись.

Список источников и литературы

1. Бродский Н. Л. *Театр в эпоху Елизаветы Петровны // История русского театра / под ред. В. В. Калаша и Н. Е. Эфроса. М.: Объединение, 1914. Т. 1. С. 147–148.*
2. Бескин Э. М. *История русского театра. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1. 243 с.*
3. Гуревич Л. Я. *История русского театрального быта. От середины XVII до начала XIX века. М.: Либроком, 2012. 304 с.*
4. Забелин И. Е. *Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ивана Забелина. М.: Тип. Грачева и К, 1873. Ч. 2. С. 351–506.*
5. *Нечто о Большом театре и его публики. Об Александринском театре // Литературная газета. 1844. 3 окт. (№ 39). Стб. 661–662.*
6. Пыляев М. И. *Замечательные чудачи и оригиналы // Старое житье. Замечательные чудачи и оригиналы. М.: Фирма СТД, 2007. С. 3–250.*
7. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. 3.*
8. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 1. Д. 43.*
9. *РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 584.*
10. *РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1747.*
11. Сумароков А. П. *Рогоносец по воображению, комедия, Александра Сумарокова. Изд. 4-е. М.: Университетская тип., у Н. Новикова, 1786. 52 с.*

References

1. Brodskiy N. L. *Teatr v epokhu Elizavety Petrovny [Theater in the era of Elizabeth Petrovna]. Istoriya russkogo teatra [History of the Russian theater]. Vol. I. Ed. by*

- V. V. Kallash and N. E. Efros. Moscow: Ob"edinenie publ., 1914. Pp. 147–148. [In Russian].
2. Beskin E. M. *Istoriya russkogo teatra. [History of the Russian theater]*. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo publ., 1928. 243 p. [In Russian].
  3. Gurevich L. Ya. *Istoriya russkogo teatral'nogo byta: Ot serediny XVII do XIX veka. [History of Russian theatrical life: From the middle of the 17th to the 19th century]*. Moscow: Librokom publ., 2012. 304 p. [In Russian].
  4. Zabelin I. E. *Opyty izucheniya russkikh drevnostey i istorii. Issledovaniya, opisaniya i kriticheskiye stat'i Ivana Zabelina. Chast' II. [Experiments in the study of Russian antiquities and history. Studies, descriptions and critical articles by Ivan Zabelin. Part 2]*. Moscow: Tipografiia Gracheva i K publ., 1873. Pp. 351–506. [In Russian].
  5. Nechto o Bol'shom teatre i ego publiki. Ob Aleksandrinskom teatre. [Something about the Bolshoi Theater and its public. About the Alexandrinsky Theater]. *Literaturnaya gazeta na 1844 god*. 1844. Issue 39 (3 oktyabrya 1844). St. Petersburg: Tipografiia Eduarda Pratsa. Publ. Pp. 661–662. [In Russian].
  6. Pylyayev M. I. *Zamechatel'nyye chudaki i originaly [Wonderful weirdos and originals]. Staroe Zhit'e. [Old Life.]*. Moscow: Firma STD publ., 2007. 639 p. [In Russian].
  7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]*. Fund 16. Inv. 1. File 578. Pt. III. [In Russian].
  8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]*. Fund 497. Inv. 1. File 43.
  9. *RGIA*. Fund 497. Inv. 1. File 584.
  10. *RGIA*. Fund 497. Inv. 1. File 1747.
  11. Sumarokov A. P. *Rogonosets po voobrazheniyu, komediya, Aleksandra Sumarokova. Izdanie 4-e. [Rogonosets in imagination, comedy, Alexandra Sumarokova. 4th ed.]*. Moscow: Universitetskaia tipografiia, Yu. N. Novikova, 1786. 52 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 08.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 08.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Белов Алексей Викторович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории
Российской академии наук (ИРИ РАН)
(e-mail: belovavhbst@mail.ru).

Information about the Author

Belov Aleksey Viktorovich,
PhD in History, Senior Researcher
at The Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences (IRH RAS)
(e-mail: belovavhbst@mail.ru).

УЧАСТИЕ МЕЩАНСКИХ ОБЩЕСТВ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В СБОРАХ ОПОЛЧЕНИЙ 1806 – 1807 И 1812 ГГ.

М. А. Белан

*Оксфордский Университет
(г. Оксфорд, Великобритания)*

Аннотация. В статье рассматривается участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах земского войска, или милиции, 1806 – 1807 гг. (милиция остается практически неисследованной темой) и земского ополчения 1812 г. За исключением общин Москвы и Санкт-Петербурга, почти не изучалась роль городских сословий в организации ополчений и значение этих сборов для городского гражданства – в особенности мещан. На основе впервые вводимых в научный оборот источников, прежде всего материалов городских дум (приговоры обществ, отчеты губернским властям и т. д.), рассматривается организация сборов ратников и денежных сумм общинами трех городов с различным экономическим укладом (Новая Ладога, Гдов, София-Царское Село). Сравниваются сборы в 1806 – 1807 и 1812 – 1813 гг. Приведены точные подсчеты, позволяющие сопоставить участие в ополчениях – поставки людей и сборы денег на их экипировку – с основными повинностями мещан: рекрутскими наборами и подушной податью. Вклад общин в организацию милиции недооценен. В 1807 г. было поставлено меньше людей, чем в 1812 – но они не были возвращены обществам. Из земского ополчения к 1815 возвратились только около 60 % ратников. Сборы на экипировку, провиант и вооружение ратников оказались значительными: они превышали обычные сборы на рекрутов во время ежегодных наборов. Отправка одного ратника обходилась в 100 – 200 рублей: сборы с одной д.м.п., раскладывавшиеся общиной (10 – 20 рублей в 1812 г.), превышали подушную подать и иные повинности мещан.

Ключевые слова: уездный город, мещанские общества, провинциальное гражданство, милиция, земское войско 1806 – 1807 г., земское ополчение 1812 г., Отечественная война 1812 г., пожертвования, ратники, община.

INVOLVEMENT OF ST. PETERSBURG PROVINCE DISTRICT TOWNSPEOPLE COMUNITITES IN RAISING MILITIAS IN 1806 – 1807 AND 1812

M. A. Belan

*University of Oxford
(Oxford, the UK)*

Abstract. The article analyses the involvement of meshchane communities in district towns of St. Petersburg province in the organisation of the zemskoe voisko, or militia, in 1806 – 1807 (the militia remains an almost unexplored topic) and the People's militia in 1812. Except for Moscow and St. Petersburg communities, the role of urban estates in the organization of militias and militias' significance for urban citizenship have not been properly examined – especially for meshchane. Based on new sources introduced into scientific circulation for the first time – documents of townhalls (community verdicts, reports to the provincial authorities, etc.) – the organization of the collection of militiamen and money by communities is studied. Three district towns, with varied economic background, are considered (Novaia Ladoga, Gdov, Sofia-Tsarskoe Selo). The collections of militiamen and money for their equipment in 1806 – 1807 and 1812 – 1813 are compared. Accurate calculations have been made to

compare the participation in militias – supplies of men and the collection of money – with main townspeople duties: recruit levies and the poll tax. The contribution of the communes to the organization of militia has been underestimated. In 1807 fewer people were supplied than in 1812 – but they were not returned by their communities. And by 1815 only about 60% of militiamen from zemskoe opolchenie returned. The collection of money for equipment, provisions, and weapons for militiamen was significant: it exceeded the usual money collected for recruits during the annual levies. Supplying one militiaman costed the community approx. 100 – 200 rubles: and individual shares from one male soul, laid out by the commune (10 – 20 rubles in 1812), exceeded the poll tax and usual recruit money.

Keywords: district town, townspeople meshchane community, provincial citizenship, militia, zemskoe voisko of 1806 – 1807, the People's militia of 1812, the Patriotic War of 1812, donations, militiamen, commune.

Введение

Манифестом от 30.11.1806 г. было объявлено о созыве земского войска [12, № 22374], а манифестами от 6 и 18.07.1812 г. – о сборе земского ополчения [14, № 25176, № 25188] (здесь и далее даты по старому стилю). Купечество и посадские общины городов Европейской части России активно участвовали в создании ополчений во время Смутного времени. Однако создание «народной силы» в начале XIX в. носило принципиально иной характер. На новом этапе, с переходом к массовым войнам, сборы дополнительных сил и средств становились важнейшим элементом государственной политики. Способность к широкомасштабной и быстрой мобилизации всех ресурсов – людских, материальных, финансовых [10, с. 125–135] – была показателем эффективности правительств [11, с. 1–11] в сложных экономических и политических условиях начала века. В самые напряженные моменты десятилетних войн Александра I сборы ополчений были предложены как своеобразная форма мобилизации тыла – русского общества [11, с. 43–74].

В других государствах мобилизация могла проходить иным путем: например, новые возможности открывала всеобщая воинской повинность (во Франции в 1798 г. была введена система всеобщего призыва – «конскрипция»). В России – с учетом существовавшего строя и в условиях рекрутской системы комплектования армии – к идее экстраординарной мобилизации подошли по-своему: создавались временные, отдельные от армии военные (или полувойсковые) силы [4, с. 72, 74]. По своей сути ополчения представляли собой форму всеобщей мобилизации в большей части европейских губерний (в 31 в 1806 – 1807, в 16 в 1812 г. [8, с. 494]). Однако создавались они по сословному принципу [7, с. 7]. Каждому сословию отводилась своя роль. В итоге в ополчающихся губерниях временная военная служба в той или иной мере затронула почти все слои населения: дворян, общины крестьян, купцов и мещан [8, с. 167–168]. Вклад городского населения в создание и земского войска, и земского ополчения был значительным. Участие мещанских обществ изучено меньше всего.

Перед количеством людей, денег, провизии и других материальных ресурсов, предоставленных купеческими и мещанскими общинами для создания обоих ополчений, отступают на второй план остальные повинности и формы материального участия военного времени (экстраординарные сборы вещей, провианта, волов и лошадей для армии, добровольные подписки и т. п. [3; 5, с. 43–57]).

Сборы на ополчения – прежде всего людей и денег (на экипировку, провизию, вооружение ратников) – оказали большое воздействие на жизнь мещанских общин и отдельных семей начала XIX века. Цель данной работы – произвести комплексный анализ вклада обществ трех уездных городов Санкт-Петербургской губернии в составление ополчений – и оценить значение этого участия для мещанских семей и для общины в целом. Для этого необходимо: (1) проанализировать число ратников, поставленных в земское войско и земское ополчение, а также процент возвратившихся; (2) изучить организацию обществами денежных сборов: раскладок на милицию и ополчение 1812 г. – и определить «цену ратника» как для общины, так и для

отдельных семей (проанализировав общие суммы сборов общины и определив размеры взносов, собиравшихся с каждой души мужского пола); (3) сопоставить сборы ратников и ополченческих сумм с рекрутскими наборами и с подушной податью мещан.

Первое ополчение (земское войско или милиция 1806 – 1807 гг.) остается практически неизученной областью [7, с. 1–33]. В отличие от земского ополчения 1812 г. [1; 8; 11, с. 43–74; 21], участие русского общества в организации земского войска не получило должного освещения – отчасти потому, что милиция традиционно воспринималась скорее как эпизод «войны монархов» [8, с. 493]. Мало исследованы сборы на оба ополчения городскими сословиями (особенно в уездных городах). Больше внимания привлекали сборы ратников в уездах, организовывавшиеся дворянством (отвечавшим и за сборы губернии в целом [1, с. 48–59]). В основном изучалось участие обществ крупнейших городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. В большей степени освещен вклад купеческих общин, сдававших коллективные и индивидуальные «добровольные пожертвования» (чаще всего приводятся общие суммы, внесенные купеческими обществами и размеры взносов членов общины [3, с. 61; 5, с. 49–52; 6; 8, с. 160–163]). Участие же мещанских общин в ополчениях практически не исследовалось (И. Ю. Лапина обратилась к анализу ратников от мещанских обществ Санкт-Петербурга и уездных городов столичной губернии в 1812 – 1814 гг. [8, с. 257–259; 464–465]). Еще в исследованиях начала XX в. можно встретить утверждения, что мещане не участвовали в милиции [7, с. 14]. В действительности изучение вклада мещан перспективно как раз потому, что городские общины «ополчающихся» губерний участвовали в обоих ополчениях (тогда как казенные и удельные крестьяне – лишь в милиции; в 1812 г. ратников-крестьян поставляли только помещики).

Большой потенциал представляет изучение материалов локального уровня из фондов архивов городского самоуправления – городских дум и магистратов: журналы заседаний дум, приговоры обществ, переписка с губернатором (здесь и далее, если не указано иначе – гражданским губернатором), казённой палатой, рапорты, налоговые регистры, отчеты о сборах и недоимках. Исследователи мало обращаются к материалам этого уровня (чаще всего это специалисты-краеведы; лучше изучены только фонды московской и Санкт-Петербургской дум).

Данная работа совмещает локальный и региональный анализ: исследуется сбор ратников и денег на них в трех уездных городах, входивших в состав единого исторически устоявшегося региона (в терминологии А. В. Белова [2, с. 238]). Использовались документы городских дум Новой Ладogi, Гдова и Софии (Царское Село). Три выбранных уездных города различались размерами, хозяйственной составляющей, структурой населения. Но все они входили в состав единой, исторической и экономической общности – русского Северо-Запада, что обусловило ряд схожих черт, проявившихся при сборах ополчений. Города этого региона развивались в особых условиях, защищая страну с Северо-Западного направления. В начале XIX в. все они входили в Санкт-Петербургскую губернию, самую значимую часть империи в военном отношении: здесь находилась военно-административная столица империи, квартиры гвардии, базы флота и форты, военные производства [33, с. 65–72]. Неслучайно милицейские [7, с. 19–20] и ополченческие части, набранные в Северо-Западных губерниях, были лучше всего вооружены и оказались наиболее боеспособными [1, с. 68–70; 8, с. 263–267, 283–284]. Дополнительно привлекались списки ратников-мещан из фонда Комитета временного ополчения Санкт-Петербургской губернии, в которых зафиксирована информация об их службе и демобилизации [23] (в 1812 г. многие ратники от обществ мещан и ремесленников губернии были собраны в первую дружину [8, с. 258]).

Новая Ладога, расположенная у входа в Ладожский канал, была вторым по величине уездным городом губернии после столицы (канал стал важнейшим звеном

всех трех систем, ведущих из Волги в Балтийское море). В 1782 г. в трех кварталах Новой Ладогы состояло свыше 300 деревянных домов (более половины ветхих), четыре каменные церкви и полковая деревянная [16, л. 97об–98]. Общество мещан с 558 д. м. п. в 1782 г. [16, л. 99] выросло до 741 в 1806 г. [26, л. 8], а в 1812 достигло 898 ([29, л. 131–132] включая 60 цеховых и 7 рабочих – эти категории несли повинности и участвовали в сборах в составе мещанского общества [20, с. 50]). В Новой Ладоге уже в 1780-х гг. проходило две ярмарки в год, привлекавшие гостей из обеих столиц, Каргополя, Новгорода, Вологды, Ярославля, Бежецка и других городов [16, л. 98 об.] Мещане и купцы (купеческая община насчитывала в 1780-х – начале 1810-х гг. от 200 до 300 душ [16, л. 98; 26, л. 2, 106, 112; 29, л. 108, 112]) торговали самым разным товаром: купленным в столице, Москве, у прибывавших купцов, включая «проезжающих на барках» (сукна, «шелковые, бумажные и шерстяные материи», серебро отделанное, кожи, овес, пенька, свечи, мыло, вино, рыба, мясо и т. п.). В столицу отправляли на продажу «кожи выделанные и невыделанные, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу» [16, л. 98об].

Гдов был небольшим уездным центром в западной части губернии (в 100 верстах от Пскова). В 1780-х гг. в городе насчитывалось около 150 домов в двух кварталах, две каменные и три деревянных церкви [16, л. 88]. В 1806 г. в Гдове было зарегистрировано всего 139 д. м. п. мещан и 123 д. м. п. купцов [30, л. 2, 24]; к 1812 г. в общине числилось около 200 душ мещан (с находящимися на утверждении казённой палатой – до 257) и 84 д. м. п. купцов третьей гильдии [32, л. 16]. Торговля велась на небольшую сумму («Жители города торгуют только мелочным и харчевным товаром в городе, а далее промыслов не имеют» [16, л. 88об]).

В Софии в 1806 г. числилось 768 д. м. п. мещан [18, л. 21, 27, 85–87]. В 1808 г. население пришедшего в упадок посада перевели в Царское Село. В 1811 г. Царско-сельской ратуше подчинили посады Гатчины и Павловска, также пустевшие: к 1812 г. в трех городах числилось 883 д. м. п. мещан (543 царскосельских, 268 гатчинских и 72 павловских [19, л. 68–69, 98]). Значительная часть мещан в городах при резиденциях, по всей видимости, были заняты в придворных службах, выполняли поставки, заказы, подряды на ремонт и строительство дворцовых, административных и военных заведений.

Производство в городах развивалась постепенно: в 1780-х гг. по указу Екатерины II появилась казенная «прядельная» фабрика в Гдове и три «образцовые» в Софии (прядельная, полотняная, ткацкая). В Новой Ладоге в 1780-х гг. было два купеческих завода, канатный и кожевенный (по 20 работников [16, л. 11 об., 89, 99]).

Организация ополчений в городах

Идею созыва первого ополчения – земского войска – в конце 1806 г. принято считать собственной идеей Александра I, хотя высказывались и другие предположения [7, с. 3]. При создании ополчения, очевидно, учитывались обсуждения возможных проектов военных реформ, появлявшихся с 1790-х гг. Ключевая проблема рекрутской системы, остро обозначившаяся с переходом к массовым войнам в конце XVIII – начале XIX вв., заключалась в невозможности иметь обученный резерв [1, с. 5; 4, с. 69–70]. В результате приходилось содержать большую постоянную армию, увеличивавшуюся в течение всего правления Александра I (с 450 000 в 1801 г. до почти 1 000 000 в 1820-х гг. [4, с. 12, 15]). При этом Россия располагала значительным опытом создания иррегулярных и полувоенных сил в XVIII в. (ландмилиция, кантонная система и др.). Наверняка рассматривались и недавние опыты организации временных вооруженных сил в Европе – прежде всего *Levée en masse* (всеобщая мобилизация во Франции в 1793–94 г., ставшая переходной мерой к введению всеобщего воинского призыва в 1798 г.), создание французской национальной гвардии и британской милиции. Последняя была учреждена актом о милиции 1757 г. [34, с. 26] и собиралась во время войн для защиты территории страны и поддержания внутреннего спокойствия

(например, в 1805 г., в ожидании высадки французской армии, было собрано более 500 000 человек [36, с. 149]).

О сборе ополчений в декабре 1806 г. и в июле 1812 г. городские власти информировала губернская канцелярия, рассылавшая манифесты и следовавшие за ними «предложения» губернаторов, иногда с приложением распоряжений главнокомандующего в Санкт-Петербурге (С. К. Вязмитинова), а также начальников ополчений. Корреспонденцию получали и зачитывали в думе в присутствии городского главы: так как в большинстве уездных городов градские думы не образовались, губернатор и казённая палата фактически переписывались с шестигласными думами. В Гдове на собраниях думы присутствовало всего 3 человека: городской глава (купец) и по одному выборному от общин купцов и мещан (см. журналы думы [например, 31]). По всей видимости, дума была компактной и в Новой Ладого. После прочтения указаний дума (в Софии-Царском Селе – ратуша) назначала на ближайшие дни собрания обществ, о чем предписывалось объявить их старостам (мещане и купцы почти всегда встречались отдельно).

Значение сборов на ополчение остается дискуссионным вопросом. В историографии было распространено мнение о широком добровольном участии всего податного населения в сборах ополчения 1812 г. (отчасти и крепостных [1, с. 37–41]). В отношении городских сословий многие исследователи подчеркивают, что необходимо четко установить, в какой мере современники – горожане могли считать ополчение повинностью или добровольным вкладом обществ и отдельных граждан. В частности, требуется более детальное изучение вопросов добровольности, соотношения между решением общин и частными инициативами купцов и мещан [8, с. 163, 175–182; 36, с. 149]. Так, в отношении купеческих «пожертвований» в 1812 г. существуют разные мнения (считать ли взносы купцов на ополчение добровольной помощью – или же их следует относить к повинностям военного времени [3, с. 61; 5, с. 49–51]).

Для мещан основной формой военной повинности в мирное и военное время было участие в рекрутских наборах (общины могли также нести постоянную повинность и ряд других). Осенью думы доводили до мещанских общин число рекрутов, требующихся с «участка» в 500 д. м. п., и собрания мещанских обществ назначали людей и раскладывали денежный сбор – на экипировку, «жалованье», доставку партий рекрутов в Санкт-Петербург.

Во время военных действий городские сословия присоединялись к выполнению разного рода экстраординарных поставок. Например, в 1812 г. население губерний собирало средства на поставку армии волов, лошадей, фур, подвижных магазинов, одежды и экипировки для новых полков; кроме того, организовывались «благотворительные» подписки на помощь раненым, беженцам и т. п. Большую долю «денежных» сборов давали купцы [3, с. 60–61; 5, с. 49–51]. Выставление же людей [8, с. 175–176] – ратников ополчений – манифестами 1806 и 1812 гг. определялось как обязанность мещанских обществ [12, № 22374; 14, № 25188]): то есть для мещан поставка полностью экипированных за счет обществ ратников являлось обязательной к выполнению повинностью. От мещанских обществ могли быть также затребованы подводы и другие поставки, но именно ополченческая повинность и в 1806 – 1807, и в 1812 г. составляла главный вклад общин.

Поставки ратников

Согласно манифестам 1806 и 1812 г., от городских обществ требовалась поставка определенной пропорции ратников от числа мужских душ, полностью экипированных за счет общины и снабженных 3-х месячным провиантом и жалованьем – 3 рубля на 3 месяца в 1807 г., 6 рублей в 1812 г. – а также оружием [12, № 22374; 7, с. 15]). При этом участвовавшие в ополчениях губерний в 1807 и 1812–14 гг. освобождались от рекрутской повинности до возвращения и подсчета ратников. Во время службы ратников их семьи и общины не платили за них подушной подати и прочих сборов ([12,

№ 22496;]), а за умерших в ополчении и пропавших без вести общества получали квитанции как за рекрутов.

От Санкт-Петербургской губернии в декабре 1806 г. потребовали в течение двух недель подготовить 1 ратника от каждых 16 д. м. п. в возрасте от 20 до 45 лет ([12, № 22385]). С января 1807 г. возраст расширили до 17 – 50 лет [18, л. 61–62, 87]. В 1812 г. брали ратников от 17 до 45 лет [29, л. 18]). В декабре 1806 г. и в июле 1812 г. собрания обществ назначили ратников и организовывали срочные сборы: деньги, собранные общиной, должны были покрыть покупку одежды, экипировки, 3-месячного провианта, а также жалованье, «награждение» от общества и расходы по поиску ратников, содержанию их в городе и на дорогу до места приема (в 1812 г. всех отправляли в столицу). Одежда отличалась от формы рекрутов: в декабре 1806 г. было разрешено использовать довольно привычную людям одежду [12, № 22385], а в июле 1812 г. сразу рассылалась детальная «записка» о том, как следовало экипировать ратников [29, л. 20] (две пары сапог, рубашек, штаны, кафтаны серого или зеленого сукна, шуба, ранец и т.п.). Чтобы уверить людей, что служба временная, и в 1806, и в 1812 гг. подчёркивалось, что бритья бород и «лбов» не требуется [18, л. 8; 29, л. 20б.].

В начале марта 1807 г., когда вторжение французских армий было уже маловероятным, пропорцию сократили до 1 ратника с 57 д. м. п. [12, № 22496]. В результате в течение весны была постепенно собрана только треть от планируемого 612 000-ного земского войска, названная «подвижной милицией» [4, с. 72; 7, с. 26]. При этом думы получили указания сдать трехмесячную провизию и жалованье исходя из изначально назначенного числа ратников (1:16) [12, № 22496]. Подвижная милиция не успела принять участия в военных действиях, а вывоз провианта затягивался. В итоге думам было предписано продать запасы и сдать деньги в казначейство: аукционы в городах по продаже «милиционных» запасов проходили еще в 1808 – 1809 гг. [18, л. 120; 25, л. 75–100], а остатки оружия для милиции сохранялась в думах и в 1812 г. [19, л. 390б; 29, л. 22]. На фоне медленно организуемой подвижной милиции выделялись 32 «батальона стрелков»: так были названы первые и лучше всего экипированные подразделения, которые стали спешно создаваться в феврале-марте 1807 г. [7, с. 19–24]. Первым был сформирован батальон Санкт-Петербургской губернии: уже в начале февраля от дум требовали срочно направить «приобвыкших» к огнестрельному оружию людей [7, с. 19; 12, № 22480; 18, л. 57–60]). Стрелки уже 23 февраля выдвинулись из столицы в Ригу [7, с. 20]. В рядах батальона было 24 человека из Софии [18, с. 92, 129]: город был ближе всего к Санкт-Петербургу и направил своих людей до того, как поступили распоряжения о сокращении набора до 1 с 57 – в итоге София поставила больше ратников, чем другие города (см. Таблицу 1). Для сравнения: в 1805 – 1811 гг. самые тяжелые рекрутские наборы составляли 5 рекрутов с 500 д. м. п., и София и Новая Ладога – города с общинами около 750 – 900 д. м. п. – отправляли не более 6 – 7 человек [26, л. 19].

За исключением стрелков подвижная милиция в боях не участвовала. Пока ее собирали, война закончилась и в июне 1807 г. был подписан Тильзитский мир [4, с. 72]. Двумя манифестами от 27.09.1807 г. было объявлено, что ратники отдаются в качестве рекрутов на пополнение армии – если их не востребуют в течение 4 недель общества и помещики [12, № 22634, № 22636]. Зачисление в армию вызвало ряд волнений среди ополченцев [4, с. 72–73] (отметим, что многие ратники были старше 30 и даже 40 лет [30, л. 13]). Но за ратников были выданы рекрутские квитанции, а набор 1807 г. был отменен [12, № 22634]. В итоге менее 13 000 из 200 000 ратников были возвращены [7, с. 30–31]). С. А. Гулевич подчеркивал, что виновато в таком окончании милиции было не правительство, а помещики, не пожелавшие возвращать ратников. Однако и во всех рассмотренных городах собрания общин решили так же: оставить ратников в службе с выдачей квитанций [18, л. 106; 30, л. 44]. Эти квитанции предъявляли к приему в течение многих лет: «запас» ратнических квитанций помог городским общинам снизить число людей, подлежащих к отдаче в рекруты в эти годы

[27, л. 18], когда требования росли с каждым набором [4, с. 73–74] (в Царском Селе квитанции за «милиционных ратников» предъявляли к зачету до 1817 г. [17, л. 30–31, 44], а несколько штук решено было продать по 500 р. [18, л. 107–117].).

Сложности с организацией милиции (которая в итоге «представила собою совсем не то, что предполагалось создать» [7, с. 18]), послужили ценным уроком. Между 1807 и 1812 гг. появились важные регулирующие акты, которые помогли уменьшить задержки при назначении рекрутов и ратников приговорами обществ [13, с. № 22982, 23872; 4, с. 71]. Были сделаны и организационные выводы. В 1812 г. страна была разделена на три округа ополчения (вместо семи областей земского войска): в 1 – 2 округах и в 3-м округе мобилизационные меры различались [8, с. 170–175; 14, № 25188].

Таблица № 1 дает представление о числе ратников, которые общины обязаны были поставить в 1806 – 1807 и 1812 гг., количестве поступивших на службу, а также возвратившихся (для ополчения 1812 г.). Это наиболее полные подсчеты: данные собраны из дел «О милиции» и «Об ополчении» фондов городских дум, списков ратников Комитета временного ополчения с информацией о возвращенных ([23]), а также отчета инспекторского департамента о местонахождении мещан губернии, поступивших в 1812 г. [15, л. 26]).

Таблица 1

**Число ратников, запрошенных от обществ,
поступивших в ополчения и возвратившихся
(1806 – 1807, 1812 – 1815 гг.)¹**

Земское войско 1807 г. (милиция)	Новая Ладога	София²	Гдов
Община мещан в 1806 (д. м. п.)	741	768	139
Затребовано в декабре 1806 г. (1 с 16 д. м. п.)	46	48	9
Затребовано в марте 1807 г. (1 с 57 д. м. п.)	13	13	2
Поставлено в 1807 г. (% от населения)	13 (1,75%)	24 (3,1%)	2 (1,4%)
Осенью 1807 г:	Сданы в армию	Сданы в армию	Сданы в армию
Земское ополчение 1812 г.			
Община мещан в 1812 (д. м. п.)	898	883	200
Затребовано в июле 1812 (1 с 10 д. м. п.)	90	83	20
Поставлено к 1813 г.	45 (5%)	83 (10%)	20 (10%)
Возвратилось в 1814 – 1815 г. (% от ушедших)	28 (62%)	48 (57%)	14 (70%)

Так как в марте 1807 г. требования к числу людей снизили, в земское войско в итоге поступило сравнительно небольшое число мещан. По всей видимости, в среднем по стране цифры поставленных ратников были ближе к 1 с 57 душ. Типичным было участие Новой Ладоги: 13 ратников – но для города эта цифра равнялась двум рекрутским наборам военного времени (по 5 рекрутов с 500 д. м. п.) – к тому же ратники милиции не вернулись. Цифры выше, как в Софии, вероятно, были характерны для крупных городов и уездных центров вблизи Санкт-Петербурга, Москвы, а также рядом с пунктами формирования милиции. Это предположение подтверждает случай Серпухова (наряду с Москвой и Коломной, Серпухов был крупнейшим промышленным центром Московской губернии с развитым текстильным производством). От общины в 1127 д. м. п. мещан здесь потребовали 78 ратников, а в марте 1807 г. – всего 20: но город уже отправил 47 человек [22, л. 57–58, 114, 161, 232].

Летом 1812 г. складывалась обратная ситуация: напряженность возрастала и власти стали требовать все больше людей. В 20-х числах июля губернатор М. М. Бакунин предписал думам выставить по 1 ратнику с 25 д. м. п., а уже к концу июля – по 1 с 10 душ [29, л. 18, 54]: дворянские собрания последовали примеру Московской губернии, принявшей столь жесткие обязательства [8, с. 202] (от мещан в 1812 г. обычно требовали ратников в той же пропорции, которую примут дворяне). В остальных губерниях брали по 1 с 15 – 25 душ. Даже центральные, самые угрожаемые губернии 1-го округа чаще всего поставляли 1 ратника с 25 д. м. п. [8, с. 215–300]. А, например, в Новгороде (Новгородская губерния вместе с Санкт-Петербургской образовали 2-й округ ополчения) мещанская община выставила всего лишь 32 ратника – 1 с 38 душ [8, с. 279–280].

В городах Санкт-Петербургской губернии поставки ратников в 1812 г. почти в 3,5 раза превысили отправки людей в милицию. В результате общины Новой Ладogi и Царского Села (с Гатчиной и Павловском) – обе до 900 д. м. п. – выставили в несколько раз больше людей, чем сдавалось в рекруты во время каждого набора в 1805–1811 гг. До 1812 г. наборы составляли 3 – 5 рекрутов с 500 душ и обе общины, как правило, отправляли до 6 – 7 человек за набор (а нередко вместо части набора предъявляли к зачету квитанции за милиционных ратников) [17, л. 17–32; 24, л. 53; 26, л. 112; 27, л. 50; 28, л. 13–15, 122]. Но следует отметить, что в 1812 – 1813 гг. были проведены и экстраординарно высокие рекрутские наборы [4, с. 73] в обществах, не участвовавших в ополчениях: забрали 28 человек с 500 д. м. п. (82 – 85 наборы: 2, 10, 8 и 8 человек с 500 д. м. п.; 83-й набор иногда ошибочно упомянут как 8 с 500 [4, с. 73–74; 17, л. 37–38]). «Ополчающиеся» общины мещан не участвовали в наборах начиная с 83-го, возобновив участие с 86-го набора в 1815 г. и уравнительного набора 1816 – 1817 гг. (так как ополчение возвратилось, с мещан потребовали рекрутов, недополученные за эти годы; засчитаны были только не вернувшиеся ратники [4, с. 74]).

Из Царского Села и Гдова в 1812 г. поступило почти вдвое больше ратников, чем из Новой Ладogi, которая остановилась на половине «плана». Можно высказать осторожное предположение, что причина этого заключалась не только в тяжелом состоянии мещан (на это жаловались во всех городах), но и в том, что общины Новой Ладogi – крупного, старого торгового центра – были более независимы (местные купцы тоже так и не собрали до конца обещанные 5000 р. [29, л. 165]). Дума в конце августа 1812 г. прямо, хотя и аккуратно, информировала губернатора Бакунина, что поставить большее число людей община не сможет [29, л. 117–117об.]. Губернатор же до октября безуспешно требовал к 45 выставленным еще 45 ратников [29, л. 129–131]. Очевидно: взаимоотношения городов с губернскими властями требует более детального изучения.

В 1812 г. в обществах была свежа память о зачислении ратников милиции в армию, поэтому в тексте манифеста от 18.07.1812 г. подчеркивалось, что новый набор «не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение» [14, № 25188]. Но земское ополчение в итоге было распущено. Практически все губернские ополчения были освобождены от службы указами от 22.01.1814 [14, № 22523, 22524], последовавшим после взятия Данцига, в осаде которого принимали участие и ратники Санкт-Петербургской губернии. Партии мещан, как и крестьян, организовано препровождались до родного города, где их принимали в думе или магистрате. Большинство ратников возвратилось в течение 1814 г. небольшими партиями. Сопровождением ратников обычно занимались небольшие военные команды и нижние земские суды. Отдельные небольшие группы (1 – 3 ратника) могли присылаться от губернатора, поступать в город вместе с почтой и прочими «оказиями» [29].

В среднем в города возвратилось около 60 % ополченцев, что позволяет несколько скорректировать существующие оценки [8, с. 464–465]: дело в том, что некоторые ратники прибыли позже, летом–осенью 1814 г. Например, поздно

возвратились мещане, служившие в волонтерских казачьих полках, относившихся к ополчению Санкт-Петербургской губернии: в Новую Ладугу пятеро «казаков» «от полковника Березникова» прибыли 31.12.1814 [29, л. 190]. Как показывают списки губернского Комитета ополчения 1812 г., большое число ратников были оставлены в госпиталях или разных местах по болезни или «слабости» («отстал на марше»). Из боевых потерь наибольшее число приходится на вторую битву за Полоцк (18 – 20 октября 1812 г. [23]). Многие оставленные ратники, о которых у Комитета не было сведений, очевидно, скончались от болезней. Какое-то количество могло оказаться в других частях, в том числе в армии: некоторые упомянуты как оставленные для «караула» в разных городах и при обозах [23] (вероятно, оставляли слабых, неспособных к маршу, ратников старших возрастов).

Денежные сборы общины

Но помимо поставки людей, второй – и тоже крайне важной – стороной «ополченческой» обязанности общин был сбор денежных средств. За счет общин ратников нужно было экипировать, снабдить продовольствием, жалованьем и награждением, а также (по крайней мере в 1807 г.) – требовалось купить оружие по числу назначенных в ополчение людей.

Собрания мещан в декабре 1806 г. и в июле 1812 г. постановили провести срочные сборы, размер которых был для общины существенен: необходимо было подготовить гораздо больше человек, чем во время рекрутских наборов. Сохранившиеся отчеты о сборах и тратах, составленные мещанскими старостами, отдатчиками и другими должностными лицами общин, свидетельствуют, что на одного ратника требовалось от 100 до 200 рублей, причем в 1812 г. суммы составляли около 200 р. (вероятно, сказалось и инфляция: в 1806 – 1812 гг. курс ассигнационного рубля опустился вдвое [10, с. 129–132]). Исходя из общих сумм сборов и числа поставленных ратников, можно заключить, что в 1812 г. в Новой Ладуге один ополченец обходился обществу в 222 рубля [29, л. 165], а в Царском селе – в 192 р. [19, л. 8]. Города были сопоставимы по числу душ. Новая Ладога располагалась дальше от столицы: но город соединялся с Невой каналом: почти все ратники были поставлены в Санкт-Петербург уже к началу августа. В указанную выше «цену ратника» входили все затраты: стоимость одежды и экипировки (ранцы, патронташи и т. д.), трехмесячного запаса продовольствия (ржаная мука и гречневая крупа), жалованье ратника, «награждение» от общины, а также накладные расходы на доставку партий до Санкт-Петербурга (ратников обычно сопровождали отдатчик и нескольких «проводящих» и всем требовались квартиры и питание). В 1807 г. ратников передавали милицейским начальникам, а в 1812 г. почти всех – вместе с продовольствием и жалованьем – «сдавали» в столице: приемом занимался Комитет ополчения в доме придворного банкира барона А. Ф. Раля (сегодня – улица Галерная, 75).

Как правило, награждение от общины передавалось ратникам при отдаче. Награждение чаще всего составляло 25 р. [22, л. 154; 29, л. 98, 165], но некоторые ратники могли получать и до 75 – 100 р. (видимо, это были волонтеры; точно также разнилось и награждение рекрутов – но из награждения община всегда вычитала долги: в рекруты и в ратники часто назначали неплательщиков [19, л. 207]). Для сравнения: годовое жалованье солдата составляло в 1814 г. 12 рублей, писаря или урядника – 14 р. [19, л. 212–215]. Ратники же обеспечивались как жалованьем (3 рубля в 1807 г. и 6 р. в 1812), так и солидным награждением. В результате выставление ратника общинам обходилось дороже, чем отправка рекрутов: им полагалась только одежда, 3-х месячный провиант и жалованье (3 рубля [17, л. 37–41]).

Удорожали цену ратника для общины и покупки оружия. Манифесты давали нечеткие указания, за чей счет следовало вооружать людей: в основном распоряжения поступали позже. Некоторое количество оружия мещане и купцы сдавали в думу безвозмездно, особенно в 1807 г., но его не хватало (и как правило приносили устаревшие образцы [25, л. 50]). Поэтому на милицию все рассматриваемые общины закупали

оружие организовано: в Новой Ладогe приобрели 46 ружей со штыками [25, л. 100]. В Софии – видимо, менее богатой – 48 пик [18, л. 129]. Однако огнестрельное оружие – и пожертвованное, и приобретенное – ратники не получили: в марте 1807 г. все годные образцы изъяли милицейские начальники [25, л. 100] (организация сборов милиции постоянно пересматривалась). Не найдено упоминаний в документах дум о закупке оружия общинами в 1812 г.: вероятно, его выдавали из арсеналов.

Насколько тяжелы были сборы на ратников для обществ и отдельных мещан? Проведем сравнение со сборами на рекрутов.

Сразу отметим, что большую сложность представляла срочность сбора. Даже на рекрутов обществам было непросто собрать деньги и часто приходилось занимать их у думы (в Новой Ладогe в 1805 г. мещане просили 800 рублей на подготовку 6 рекрутов [24, л. 22, 28], а в 1810 г. – 700 р. для четверых [28, л. 105]). В 1812 г. гдовская община сразу же попросило думу выдать на два месяца под указные проценты (6 %) 1000 рублей для покрытия расходов на десятерых ратников [32, л. 250б.]. Сбирать деньги быстро маленькая община не могла: многие жили в уезде, в частности в деревне Кобылье городище в 70 верстах.

Сборы на ратников мещане платили по числу д. м. п. в семье. Поэтому для правильной оценки значимости ополченческих повинностей необходимо определить как общую сумму сбора общин, так и взносы с одной души. По милиции сохранилось меньше данных: в Гдове сдавали по 4 рубля 15 копеек с одной д. м. п. [30, л. 28]. В 1812 г. от Гдова в итоге выставили не 10, а 20 человек [32, л. 26]: значит собирать должны были не тысячу рублей, а приблизительно вдвое больше – что говорит о том, что взносы должны были быть около 10 рублей с души. В Новой Ладогe в 1812 г. община решила собрать 10 000 р. на подготовку 90 ратников. Хотя отправлено было только 45 человек, осенью 1813 г. упоминалось, что сбор 10 000 рублей «близится к завершению» [29, л. 165]. Значит собирать должны были около 11 – 12 рублей с д. м. п. (в общине за вычетом ратников оставалось около 850 душ). В Царском Селе в 1812 г. община собрала 9 642 рублей на 50 ратников, выставленных именно от царскосельского посада [19, л. 8]: при численности посада около 500 д. м. п. (также без ратников) сбор должен был составить порядка 19 рублей.

Конечно, не все платили. Но можно с аккуратностью резюмировать, что при «цене ратника» в 1812 г. около 200 рублей взносы колебались между 10 и 20 рублями с одной д. м. п. (во время милиции цифры, вероятно, были вдвое ниже).

Суммы индивидуальных взносов на ополчение в первую очередь логично сравнить с рекрутскими деньгами, которые в конце года – во время очередного набора – община раскладывала также по числу д. м. п. в семье. Сумма варьировалась в зависимости от числа требуемых рекрутов и, вероятно, инфляции. В Новой Ладогe во время набора 1806 г. (требовали шестерых рекрутов с 741 душ) община постановила собирать по 2 рубля в души. Годом ранее, в 1805 г. – при в целом таком же наборе – община собирала по 3 р. 15 к. [26, л. 8–9] (усложняет подсчеты тот факт, что нередко в рекрутские деньги заодно включали и сбор недоимок «за мещан престарелых, дряхлых и бедного состояния» [28, л. 102] – возможно, на их погашение могла пойти и часть ратнических сумм, если что-нибудь оставалось). Но в 1810 г., когда от Новой Ладогe снова запросили 6 человек, община опять разложила сбор по 2 рубля с д. м. п. [28, л. 17–18]. По всей видимости, 2 рубля с души можно принять за обычный сбор на рекрутов между 1805 и 1811 г. (в 1790-х собирали по 50 – 70 коп.).

Во-вторых, взносы на ополчение можно сравнить с подушной податью, которую платили мещане: она составляла 2 р. в 1798 г., была повышено до 5 рублей в 1810 г., и до 8 рублей – в 1812 г. [20, с. 42].

А как пример экстраординарного военного сбора можно взять взносы на артиллерийских лошадей, которые взимали в 1812 г. с мещан и цеховых столичной губернии: в Гдове после раскладки сбора взносы составили не более полрублия с души [31, л. 1].

Получается, что на милицию и ополчение 1812 г. мещане сдавали суммы, как минимум эквивалентные подушной подати – а в 1812 г. их взносы на ратников могли и полтора раза превышать подушный оклад (и даже в два раза – как это, очевидно, было в Царском Селе). В то же время взносы на ополчение в несколько раз превышали и обычные в эти годы рекрутские взносы – 2 рубля. Особенно сложным для мещан был 1812 г., когда была повышена подушная подать и потребовалось вносить крайне большие суммы на ратников.

Хотя в 1812 г. думы передавали губернатору жалобы общин, что поставка ратников и сбор денег на них ставят мещан на грань разорения, суммы в итоге собирались, пускай и с задержками (вплоть до конца 1813 г., как это было в Новой Ладогe [29, л. 165]), а ратники были экипированы и в целом выставлены в срок. Поэтому преждевременно делать выводы о том, насколько взносы на ополчения – наряду с другими, возросшими в эти годы сборами – сказались на положении мещан. Необходимо учитывать и падение курса ассигнационного рубля. Для более полной оценки следует изучить дополнительные источники, включая документы о сборах и недоимках за эти годы.

Заключение

Очевидно, что вклад мещан – людьми и деньгами – в организацию ополчений был более чем значительным как для отдельных людей, так и для всей общины. Причем участие мещан в земском войске (милиции), не должно забываться на фоне вклада, сделанного в 1812 г. Число ратников, поставленных в 1807 г., было меньше, чем в 1812 г.: однако милицейские ратники не возвратились в свои общины. Кроме того, в 1806 – 1807 г. году были затрачены крупные суммы на покупку ратникам провизии, заготовку жалованья и оружия – причем все припасы начальники милиции в итоге изъяли по числу изначально назначенных ратников. Суммы сборов на ратников с одной души превышали взносы мещан на рекрутов и платимую ими подушную подать. В 1812 г. взносы были крупнее всего, что объясняется большим количеством людей, запрошенных от городов, а также снижением курса ассигнаций.

Наконец, потери обществ были существенны. К 1815 г. возвратилось только около 60 % мещан, поступивших в земское ополчение. Многие из них были награждены серебряными медалями «В память войны 1812 г.» (видимо, полагалась всем, побывавшим в сражениях). Ряд ополченцев возвратились в чине урядников. Несомненно, служба в ополчении должно была оставить глубокие впечатления: ратники побывали в странах Европы, дошли до Данцига. Эти и ряд других вопросов, только частично рассмотренных в данной статье, подтверждают, что и земское войско, и земское ополчение – и их значение для русского общества – требуют дальнейшего изучения.

Примечания

1. Составлено по источникам из списка: 15, 17 – 19, 23 – 32.
2. С 1808 г. – Царское село. Для ополчения 1812 г. указаны общие числа по Царскому Селу, Павловску, Гатчине.

Список источников и литературы

1. Бабкин В. И. *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года*. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. Белов А. В. *1812 год в судьбе русского города*. М.: Полит. энцикл., 2018. 326 с.
3. Белоусов С. В. *Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года* // *Вестник СамГУ*. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
4. Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XIX веке*. М.: Наука, 1973. 616 с.

5. Бессонов В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Калуга: Золотая аллея, 2011. 256 с.
6. Горновский И. А. Сто лет назад. Милиция 1806 – 1807 годов и пожертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
7. Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806 – 1906 гг. СПб.: Экономическая типо-литография, 1906. Т. 1. 458 с.
8. Лапина И. Ю. Земское ополчение России 1812 – 1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Лапина Ирина Юрьевна. СПб., 2008. 626 с.
9. Миронов Б. Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
10. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. 400 с.
11. Отечественная война и русское общество: 1812 – 1912 / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 236 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I). Т. 29. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1391 с.
13. ПСЗ-I. Т. 30. 1830. 1408 с.
14. ПСЗ-I. Т. 32. 1830. 1129 с.
15. РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999.
17. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6.
18. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907.
19. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.
20. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.
21. Спиридонова Л. М. Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
22. ЦГА Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107.
23. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 140.
24. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 188.
25. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206.
26. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230.
27. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 332.
28. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428.
29. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500.
30. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215.
31. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 343.
32. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 345.
33. Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центрполиграф ; СПб.: МуМ-Дельта, 2007. 276 с.
34. Brewer J. *The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688 – 1783*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1989. 289 p.
35. Hartley J. M. *Russia, 1762 – 1825: Military Power, the State, and the People*. Westport: Praeger, 2008. 318 p.
36. Hartley J. M. *Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750-1850) / ed.: J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–161.*

References

1. Babkin V. I. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoy voyne 1812 goda* [National militia in the Patriotic War of 1812]. Moscow: Sotsekgiz publ, 1962. 212 p. [In Russian].
2. Belov A. V. *1812 god v sud'be russkogo goroda* [1812 year in the fate of a Russian town]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ, 2018. 326 p. [In Russian].
3. Belousov S. V. Kupechestvo srednego Povolzh'ia v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Vestnik SamGU [Merchants of the mid-Volga region in the Patriotic War of 1812]. Vestnik of Samara State University. 2010. Issue 3 (77). Pp. 59–63. [In Russian].
4. Beskrovnyy L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX veke* [Russian army and navy in the XIX c.]. Moscow: Nauka publ, 1973. 616 p. [In Russian].
5. Bessonov V. A. *Kaluzhskiy kraj v Otechestvennoy voyne 1812 g.* [Kaluga region in the Patriotic War of 1812]. Kaluga: Zolotaya alleya publ, 2011. 256 p. [In Russian].
6. Gornovsky I. A. Sto let nazad. Militiya 1806 – 1807 godov i pozhertvovaniya na neyo [Hundred year ago: Militia of 1806 – 1807 and donations for it]. Russky arkhiv, 1904. Issue 8, Pp. 534–554. [In Russian].
7. Gulevich C. A. *Istoriya Leib-gvardii Finliandskogo polka, 1806 – 1906 gg.* [The history of Leib Guard Finland regiment]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipolito-grafiya publ, 1906. 458 p. [In Russian].
8. Lapina I. Yu. *Zemskoe opolchenie Rossii 1812 – 1814 gg.: issledovanie prichin vozniknoveniya gubernskikh voinskikh formirovaniy i analiz osnovnykh etapov ikh uchastiya v voyne s Napoleonom* [National militia of Russia 1812 – 1814: the study of the origins of provincial military forces and the analysis of the main stages of their involvement in the War with Napoleon]: diss ... dr. ist. nauk [Doctoral thesis in History]: 07.00.02: Lapina Irina Yur'yevna. 30.10.2008. St. Petersburg, 2008. 616 p. [In Russian].
9. Mironov B. N. *Russkiy gorod v 1740 – 1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye* [Russian town in the 1740s – 1860s: demographical, social, and economic development]. Leningrad: Nauka publ, 1990. 272 p. [In Russian].
10. Morozan V. V. *Istoriya bankovskogo dela v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The history of the banking in Russia (second half of the XVIII – first half of the XIX c.)]. St. Petersburg: Kriga publ, 2004. 400 p. [In Russian].
11. *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo: 1812 – 1912* [The Patriotic War and the Russian society: 1812 – 1912], edited by A. K. Dzhivelegov, S. P. Mel'gunov, V. I. Pichet. Moscow: T-vo I. D. Sytina publ, 1912. Vol. 5. 236 p. [In Russian].
12. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye (PSZ-I)* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection (PSZ-I)]. Vol. 29. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd. Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, 1830. [In Russian].
13. *PSZ-I*. Vol. 30. 1408 p. 1830. [In Russian].
14. *PSZ-I*. Vol. 32. 1129 p. 1830. [In Russian].
15. RGVIA. F. 395. Inventory 240. File 17. [In Russian].
16. RGVIA. F. 846. Inventory 16. File 18999. [In Russian].
17. RGLA F. 488. Inventory 1. File 6. [In Russian].
18. RGLA F. 488. Inventory 1. File 907. [In Russian].
19. RGLA F. 488. Inventory 1. File 1060. [In Russian].
20. Ryndzyunsky P. G. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii* [Urban citizenship of pre-reform Russia]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk publ., 1958. 559 p. [In Russian].

21. Spiridonova L. M. Opolcheniya 1812 goda: postsovetskaya istoriografiya [Milicias of 1812 year: post-soviet historiography]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2017. Issue 8. Pp. 85–91. [In Russian].
22. TSGA g. Moskvу. Fund 1036. Inventory 1. File 107. [In Russian].
23. TSGIA SPb. Fund 189. Inventory 1. File 140. [In Russian].
24. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 188. [In Russian].
25. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 206. [In Russian].
26. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 230. [In Russian].
27. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 332. [In Russian].
28. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 428. [In Russian].
29. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 500. [In Russian].
30. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 215. [In Russian].
31. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 343. [In Russian].
32. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 345. [In Russian].
33. Iurkevich E. I. *Voennyyi Peterburg epokhi Pavla I* [Military St. Petersburg of the epoch of Paul I]. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2007. 276 p. [In Russian].
34. Brewer J. *The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688 – 1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.
35. Hartley J. M. *Russia, 1762 – 1825: Military Power, the State, and the People*. Westport: Praeger publ., 2008. 318 pp.
36. Hartley J. M. *Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations*. In: *Russia and the Napoleonic Wars*, editors: J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. London: Palgrave Macmillan publ., 2015. Pp. 148–162.

Дата поступления статьи: 30.03.2021

Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 30.03.2021

Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Белан Михаил Александрович,
DPhil Student исторического факультета
Оксфордского университета
(e-mail: mikhailbelan@mail.ru).

Information about the Author

Belan Mikhail Aleksandrovich,
DPhil Student, Faculty of History,
University of Oxford
(e-mail: mikhailbelan@mail.ru).

ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ ТУЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Н. А. Биленко

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития торгового предпринимательства женщин в Российской империи второй половины XIX в. Источниковую базу исследования составила массовая фискально-административная документация («Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений»), созданная в результате проверок деятельности предпринимательниц губернского города Тулы (одного из провинциальных, но промышленно развитых центров Империи). Типовой формуляр Журналов позволил автоматизировать обработку больших массивов информации исторических источников путем создания источник-ориентированной машиночитаемой базы данных (на основе СУБД Microsoft Access 2007) и ответить на вопросы: представительницы каких социальных слоев втягивались во вторую половину XIX в. в торгово-рыночные отношения? Какова специфика форм и масштабов торговой деятельности женщин-предпринимательниц? Действительно ли представительницы слабого пола являлись самостоятельными управленцами своих торговых заведений или выступали их собственницами только лишь «на бумаге»? Насколько стабильным было занятие женщин в сфере торгового предпринимательства периода масштабных изменений в экономической и общественной жизни России? В результате исследования было установлено, что в торговое дело были вовлечены представительницы почти всех социальных слоев: купчихи, мещанки, крестьянки, солдатки, большинство из которых являлись вдовами. В ходе анализа источников была зафиксирована прямая зависимость между социальным статусом женщин и формами организации торговли: дворянки, купчихи и мещанки чаще владели складами, магазинами и лавками, в то время как крестьянки, жены цеховых ремесленников и солдатки – рундуками, палатками и мелочными лавочками; а также зависимость между социальным статусом и способом управления торговыми заведениями. Во многом это было связано с экономическими возможностями семей представительниц слабого пола. Анализ сроков функционирования «женских» торговых заведений позволил выявить краткосрочную деловую активность женщин-предпринимательниц, что раскрывает вынужденный характер данной деятельности, длительное сохранение традиционных взглядов в обществе на положение женщины в хозяйственной жизни.

Ключевые слова: экономическая история, Тула, женщины, предпринимательство, город, торговля.

WOMEN'S COMMERCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE PROVINCIAL CITY OF TULA OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

N. A. Bilenko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of women's commercial entrepreneurship in the Russian Empire of the second half of the XIX century. The source base of the study was made up of mass fiscal and administrative documentation ("Journals of general verification of trade and industrial institutions"), created as a result of inspections of the activities of entrepreneurs of the

provincial city of Tula (one of the provincial, but industrially developed centers of the Empire). The standard form of the Journals allowed automating the processing of large amounts of information from historical sources by creating a source-oriented machine-readable database (based on the Microsoft Access 2007) and answering the questions: representatives of which social strata were involved in trade and market relations in the second half of the XIX century? What are the specifics of the forms and scales of trade activity of women entrepreneurs? Were the representatives of the weaker sex really independent managers of their trading establishments, or did they become their owners only "on paper"? How stable was the employment of women in the field of commercial entrepreneurship during the period of large-scale changes in the economic and social life of Russia? As a result of the study, it was found that representatives of almost all social strata were involved in the trading business: merchants, middle-class women, peasants, soldiers, most of whom were widows. During the analysis of sources, a direct relationship was recorded between the social status of women and the forms of trade organization: noblewomen, merchants and middle-class women more often owned warehouses, shops and shops, while peasant women, wives of guild artisans and soldiers-lockers, tents and small shops; as well as the relationship between the social status and the way of managing commercial establishments. This was largely due to the economic opportunities of the families of the fairer sex. The analysis of the terms of functioning of "women's" trading establishments allowed us to identify the short-term business activity of women entrepreneurs, which reveals the forced nature of this activity, the long-term preservation of traditional views in society on the position of women in the economic life of the family.

Keywords: economic history, Tula, women, entrepreneurship, city, trade.

Введение

Изучение проблем трансформации социальных структур, экономики и общественной жизни России второй половины XIX в. невозможно представить без анализа развития частного предпринимательства. К настоящему времени в российской исторической науке уже накоплен значительный опыт исследования форм, масштабов, динамики, географии, правовых основ деятельности наиболее предприимчивых подданных Российской империи. В рамках данного направления особое место занимает проблема деловой активности женщин, т.к. развитие именно женского предпринимательства в пореформенный и последующий за ним периоды представляется историками в качестве своеобразного индикатора готовности российского общества к преодолению явлений, типичных для традиционной, патриархальной бытовой и профессиональной культуры, стереотипов, касавшихся социального статуса и роли женщины в обществе [32, с. 46].

Анализ историографии последних двух десятилетий свидетельствует об использовании учёными широкого методологического инструментария в изучении истории женского предпринимательства, однако приоритетными для историков и наиболее результативными подходами следует признать региональный и локальный, применение которых позволяет выявить специфику изучаемого явления в отдельных районах огромной Российской империи с её природным, климатическим, экономическим разнообразием. Разрабатывая тему, специалисты все чаще обращаются к микроистории, истории повседневности, гендерной истории, истории ментальности [2]. Однако традиционно в большинстве трудов акцент делается на торговой деятельности представительниц именно купеческого звания, в силу чего складывается впечатление, будто бы их носительницы единственные заведомо склонны к занятию предпринимательством. Открытыми остаются вопросы: представительницы каких социальных слоев наряду с купечеством втягивались во второй половине XIX в. в торгово-рыночные отношения? Какова специфика форм и масштабов торговой деятельности женщин-предпринимательниц? Действительно ли представительницы слабого пола являлись самостоятельными управленцами своих торговых заведений или выступали их собственницами только лишь «на бумаге»? Насколько стабильным было занятие женщин в сфере торгового предпринимательства периода масштабных изменений в экономической и общественной жизни России?

Настоящее исследование посвящено проблеме развития торгового¹ предпринимательства² женщин в период модернизации России второй половины XIX в. в одном из провинциальных, но промышленно развитых и населенных городов Центра Российской империи – губернском городе Туле. Город являлся административным и экономическим центром Тульской губернии, граничившей со столичной Московской и сочетавшей в себе одновременно черты двух экономических районов страны – Центрально-промышленного и Центрально-земледельческого [38, с. 5–6]. Относительную близость к Москве – крупнейшему торгово-распределительному центру Российской империи следует рассматривать в качестве благоприятного фактора развития предпринимательства в Тульской губернии и Туле, в частности.

Источниковая база и методология исследования

Источниковую базу исследования составила массовая фискально-административная документация – «Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений», ежегодно составляемые чиновниками особых поручений Казенных палат по результатам проведенных генеральных проверок торговли и промыслов при участии торговых депутатов г. Тулы³. В работе привлечены источники, созданные в 1864, 1876, 1880, 1884, 1888, 1892 гг. Их выбор обусловлен наибольшей степенью сохранности комплекса архивных документов, а шаг в 4 года позволяет установить динамику и выявить тенденции развития торгового предпринимательства женщин в губернском центре.

Журналы содержат сведения о формах и размерах торговых или промышленных заведений, их собственниках, лицах, непосредственно осуществлявших управление предприятиями, документах, на основании которых осуществлялся торг или промысел, масштабы торговли, ассортименте реализуемых товаров или производимых продуктов. Сведения Журналов достаточны, чтобы внешне охарактеризовать каждое торговое предприятие, что недостижимо при анализе обезличенных статистических сведений и обобщенной аналитической информации, содержащихся, к примеру, в отчетах губернаторов, Обзорах губерний или Памятных книжках.

Специфика источниковой базы определила методологию и методику проводимого исследования. В основу работы положен региональный подход, нацеленный не просто на иллюстрирование общероссийских тенденций «частной», местной историей, а на изучение «преломлений» макроисторических процессов в регионах. Типовой формуляр Журналов позволяет автоматизировать обработку сведений массовых источников. Для этой цели была создана машиночитаемая источник-ориентированная реляционная база данных «Предприниматели города Тулы и Тульского уезда второй половины XIX в.» на основе СУБД Microsoft Access 2007. Результаты обработки материалов источников представлены в Таблицах 1, 2 и 3.

О ком речь?

Участие женщин на Руси в торговой деятельности фиксируется по данным археологии еще с X в., а в письменных источниках с XIII – XV столетий. Более подробными сведениями историки располагают относительно эпохи XVI – XVII вв. Известно, что в допетровской Руси в большинстве случаев женщины занимались мелкой разносной торговлей на городских площадях и ярмарках продуктами сельского хозяйства, рукоделия, однако имеются сведения и о наличии у них в собственности лавок, амбаров, постоянных дворов, которыми они могли распоряжаться по собственному усмотрению. Во множестве городов Московского царства (Новгороде Великом, Белозере, Романове, Великом Устюге, Ярославле, Москве, Твери, Туле, Курске и др.) женщины самостоятельно занимались торговлей из лавок. Традициями и обычаями не поощрялось прямое и активное участие женщин в торговой деятельности, однако зачастую представительницы слабого пола были просто вынуждены самостоятельно организовывать «свое дело», став вдовами, либо в период временного отсутствия мужа дома. Масштабностью их деятельность не отличалась: за очень редким исключением женщины занимались внутригородской торговлей, причем долго удерживать в своем

владении торговые предприятия им удавалось не всегда, как правило они передавались родственникам мужского пола, либо продавались [36, с. 319–330]. Деловая активность женщин в сфере торговли сохранялась и в XVIII столетии [30]. Таким образом, для второй половины XIX в. женское предпринимательство не являлось новым явлением, порожденным эпохой модернизации. Важным для настоящего исследования является то, что именно торговля оставалась самой распространенной формой предпринимательской деятельности представительниц слабого пола в рассматриваемый период времени [32, с. 48].

Опираясь на сведения массовых источников несложно заметить, что доля торговых заведений в собственности женщин от общего количества торговых предприятий г. Тулы на протяжении второй половины XIX в. нестабильно, но увеличивалась с 6,2 % в 1864 г. до 29,4 % в 1892 г. (Таблица 1). Причем в этом виде предпринимательской деятельности принимали участие представительницы практически всех социальных слоев: дворянки, купчихи, мещанки, цеховые, крестьянки, солдатки. Увеличение численности и доли «женских» торговых заведений происходило главным образом за счет вхождения в рыночные отношения менее знатных представительниц слабого пола. Если в 1864 г. более половины предприятий содержалось от имени купчих (56,25 %), то в 1892 г. на их долю приходилось лишь 11,17 %. К концу столетия (в 1892 г.) господствующее положение на локальном рынке Тулы занимали мещанки (57,02 % заведений в их собственности), крестьянки (17,76 %) и солдатки (10,03 %). Причем наибольший интерес вызывает существенное увеличение доли последних двух социальных категорий. Если в 1864 г. крестьянки-собственницы торговых заведений в Туле не фиксируются в источниках вовсе, то в 1892 г. им принадлежало почти каждое 6 торговое заведение, а солдаткам – каждое 10.

Объяснить изменения в социальной структуре владельцев торговых предприятий (т.е. количественный рост и расширение доли «женских» торговых заведений, изменение социального состава предпринимательниц) представляется возможным с позиций институциональной экономики. Е. П. Татариновой были выявлены несколько факторов, влиявших на становление предпринимательской правосубъектности женщин во второй половине XIX в., среди которых наиболее значимыми следует признать социальный и правовой. Первый проявлялся в принадлежности женщины к определенной сословной группе, что отчасти предопределяло сферу её самостоятельной экономической деятельности. Так, если дворянки и купчихи, наследовав капитал, по сути продолжали поддерживать коммерческое дело мужей или отцов, то мещанки и крестьянки к концу XIX столетия занимались предпринимательской деятельностью опираясь на собственный капитал, накопленный в ходе коммерческой деятельности [41, с. 174]. Действительно, при детальном анализе статистического материала, полученного после обработки сведений Журналов, обнаруживается определенная зависимость между социальным статусом женщины и видом находящегося в её владении торгового заведения (см.: Таблица 1). Так, большинство представительниц купеческого звания в Туле являлись обладательницами лавок и магазинов, в то время как большинство мещанок, крестьянок, жен цеховых ремесленников и солдаток производили торг из мелочных лавочек, палаток и рундуков. Если дворянки, купчихи и мещанки периодически выступали собственницами складов и магазинов, то крестьянки, цеховые и солдатки владельцами подобных заведений не являлись вовсе. Объяснение подобной закономерности весьма просто – для организации более-менее крупного дела требовался первоначальный капитал, который скорее обнаруживался в семьях дворян, купцов и части мещанства. Тем не менее, к концу рассматриваемого периода формы торгового предпринимательства крестьян все более становились похожи на мещанские или даже купеческие – стала преобладать стационарная лавочная торговля.

**Количество торговых заведений г. Тулы
в собственности женщин во второй половине XIX в.***

Социаль- ный статус собствен- ниц	Виды торго- вых заведений	Количество торговых заведений											
		1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
		Абс. число	% от женских заведений	Абс. число	% от женских заведений	Абс. число	% от женских заведений	Абс. число	% от женских заведений	Абс. число	% от женских заведений	Абс. число	% от женских заведений
Дворянки	Палатка	--	0 %	1	1,42 %	--	0,53 %	--	1,85 %	1	1,75 %	--	0,3 %
	Мелоч- ная лавка	--		--		1		3		--		1	
	Лавка	--		--		--		1		4		--	
	Магазин	--		1		--		--		--		--	
	Склад	--		1		--		--		--		--	
Купчихи	Рундук ⁴	--	56,25 %	--	20,8 %	--	23,44 %	1	14,29 %	--	12,89 %	--	11,17 %
	Палатка	--		1		--		--		--		--	
	Мелоч- ная лавка	--		1		--		2		--		--	
	Лавка	9		37		39		22		34		33	
	Магазин	--		4		4		5		3		5	
	Склад	--		2		2		1		--		1	
Мещанки	Рундук ⁴	--	43,75 %	5	61,57 %	1	57,81 %	13	57,6 %	14	54,36 %	41	57,02 %
	Палатка	--		78		48		49		29		23	
	Мелоч- ная лавка	1		32		21		42		28		88	
	Лавка	6		17		38		19		83		43	
	Магазин	--		1		3		1		--		1	
	Склад	--		--		--		1		2		3	
Кресть- янки	Рундук ⁴	--	0 %	3	10,19 %	--	10,94 %	7	11,52 %	11	14,98 %	18	17,76 %
	Палатка	--		10		10		9		8		9	
	Мелоч- ная лавка	--		2		2		6		4		14	
	Лавка	--		7		9		3		20		20	
	Склад	--		--		--		--		--		1	
Солдатки	Рундук ⁴	--	0 %	1	5,09 %	--	5,2 %	11	13,36 %	15	12,54 %	9	10,03 %
	Палатка	--		6		7		6		2		4	
	Мелоч- ная лавка	--		2		2		6		5		14	
	Лавка	--		2		1		6		14		8	
Цеховые	Рундук ⁴	--	0 %	--	0,93 %	--	2,08 %	1	1,38 %	4	3,48 %	1	3,72 %
	Палатка	--		--		--		2		--		--	
	Мелоч- ная лавка	--		2		2		--		--		3	
	Лавка	--		--		2		--		6		9	
Всего торговых предприятий		16	100%	216	100%	192	100%	217	100%	287	100%	349	100%
Доля торговых пред- приятий в собствен- ности женщин от общего кол-ва торговых заве- дений города		6,2%		20,3%		19,4%		22%		25,6%		29,4%	

* Посчитано и составлено по материалам «Журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений» [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Однако решающим фактором развития торгового предпринимательства женщин следует признать именно правовой. Во второй половине XIX в. произошла существенная либерализация торгового законодательства, которая коснулась в том числе и торговой правосубъектности⁵ женщин. В 1863 г. вступило в силу «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» (новая редакция которого вступила в силу в 1865 г.) [37]. Отныне провозглашался принцип свободы торговли. В частности, ст. 20

«Положения...» гласила, что свидетельства на право торговли и промыслов как купеческие, так и промысловые имеют право получать лица обоего пола, русские подданные всех состояний, а также иностранцы. Однако в отношении женщин сохранялись некоторые ограничения торговой дееспособности, которые лежали в области гражданского права и были связаны с ее семейным положением. Но данный вопрос вызывал споры у современников – теоретиков торгового права. Профессор П. П. Цитович, основываясь на ст. 107 Свода законов гражданских, полагал, что муж — это глава семьи, а замужняя женщина — «хозяйка дома». Следовательно, без согласия мужа она не может быть и стать хозяйкой имущества (не в плане владения, а в плане распоряжения им). Ученый утверждал, что безвластие мужа над имуществом жены не устраняет его права над ее личностью как хозяйки дома, а необходимость его согласия на занятие женой торговой деятельностью есть выражение данного права [46, с. 36]. Иной точки зрения придерживался А. Х. Гольмстен, отмечавший, что статус жены как «хозяйки дома» не влек юридических последствий [9, с. 36–37]. Аналогичное мнение было и у Н. И. Нарсесова, который так же подтверждал торговую дееспособность замужней женщины, свидетельством чему служил ряд статей «Положения о пошлинах за право торговли», хотя им и признавалось, что данные статьи «не совсем гармонируют с известной статьей 107» [35, с. 51].

«Положение о пошлинах...» распространяло патентную систему налогообложения, заключавшуюся в необходимости приобретения торговых свидетельств для осуществления торговой деятельности. Согласно закону, торговые свидетельства подразделялись на купеческие и промысловые. Купеческие свидетельства предоставляли их владельцу помимо торговых прав ряд привилегий и обязанностей купеческого звания. Промысловые — только лишь торговые права. Различные свидетельства предоставляли различный объем торговых прав, однако данные правовые ограничения, вызванные фискальными интересами государства, нецелесообразно связывать с торговой правосубъектностью женщин, так как правоспособные и дееспособные представительницы слабого пола имели потенциально равные права, а приобретение торговых документов высшего порядка — купеческих свидетельств (предоставлявших максимальный спектр прав на занятия торговой деятельностью) всецело зависело от экономических возможностей участниц торгово-рыночных отношений.

Таким образом, во второй половине XIX в. активное участие в торговом предпринимательстве принимали представительницы практически всех социальных слоев населения Тулы (за исключением дворянок, что в большей степени связано с их корпоративной культурой). Причем вовлеченность женщин-предпринимательниц усиливается к концу столетия, что с одной стороны обусловлено либерализацией торгового законодательства, с другой, вероятно, — с накоплением капиталов менее знатными жительницами города.

Женщина-предприниматель губернского города — реальность или статистическая иллюзия?

В большинстве исследований, посвященных предпринимательской деятельности женщин в Российской империи, авторы оперируют количественными данными о женщинах-собственницах торговых заведений в городах и уездах. Однако, очевидно, что иметь в собственности и реально ежедневно управлять торговым заведением не одно и то же. В последние десятилетия ученые в рамках микроистории стараются реконструировать «женские» модели управления торгово-промышленными предприятиями [1; 3; 4; 5; 7; 29; 33; 34; 39; 40; 42; 43; 44; 45], но объективная сложность поиска или откровенная нехватка эго-документов не позволяют с большой долей вероятности установить хозяйственную активность и главное — масштабность вовлечения представительниц слабого пола в реальное управление торговыми заведениями. Статистический анализ сведений Журналов позволяет отчасти решить данную проблему.

В Таблице 2 представлено доленое распределение торговых заведений, находившихся в собственности женщин по сословиям и по способам управления ими.

Полученные данные позволили выявить ряд явных закономерностей. Так, абсолютное большинство мящанок, крестьянок, жен цеховых ремесленников и солдаток (в среднем – около 80 % предпринимательниц) самостоятельно осуществляли управление своими торговыми заведениями, непосредственно находились «за прилавком», в то время как купчихи в абсолютном большинстве случаев доверяли бразды правления своим сыновьям и наемным приказчикам (аналогичные модели управления торговыми заведениями были зафиксированы в 1868 – 1871 гг. И. Н. Лобачевой в уездных городах Тульской губернии [31]). Причины таких диаметрально противоположных и устойчивых моделей управления торговыми делами следует искать с одной стороны в особенностях торгового законодательства, с другой – в особенностях социального положения женщин и их экономического благосостояния.

Нормы «Положения о пошлинах...» предусматривали возможность для обладателей купеческих свидетельств вписывать в документы своих родственников и льготно нанимать (без уплаты дополнительных налогов) торговых служащих. Это следует признать весомым стимулом для делегирования части своих полномочий, тем более, если учесть частое наличие в собственности у купчих нескольких торговых заведений одновременно. Кроме того, убедительным представляется вывод М. Н. Барышникова, обратившего внимание на то, что купчихи часто сохраняли предприятия в своей собственности даже при наличии взрослых сыновей: «при наличии других наследников (со стороны мужа), жена/мать выступала своеобразным “центром притяжения” семейных интересов, а также гарантом соблюдения внутрисемейных отношений...» [5, с. 56]. Аналогичная модель управления торговыми предприятиями была распространена на рубеже XIX – XX вв. и в Курске – одном из крупных торговых центров Центрального черноземья. На основе анализа курского материала историк Н. Иванова пришла к выводу, что: «определяющим фактором участия купчихи в торговле являлось наличие во владении единственной лавки или её расположение в собственном доме» [29, с. 254].

Таблица 2

Способы управления торговыми заведениями г. Тулы, находившимися в собственности женщин во второй половине XIX в.**

Социальный статус собственности	Управленец торгового заведения	Количество торговых заведений в собственности женщин											
		1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дворянки	сама	--	--	2	66,7%	1	100%	3	75%	2	40%	1	100%
	муж	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	брат	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	сын	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	приказчик	--	--	1	33,3%	--	--	1	25%	3	60%	--	--
Купчихи	сама	1	11,1%	1	2,2%	3	6,7%	4	12,9%	3	8,1%	6	15,4%
	муж	--	--	--	--	--	--	--	--	1	2,7%	--	--
	брат	--	--	1	2,2%	--	--	--	--	--	--	--	--
	сын	8	88,9%	17	37,8%	18	40%	13	41,9%	18	48,7%	15	38,5%
	приказчик	--	--	26	57,8%	24	53,3%	14	45,2%	15	40,5%	18	46,1%
Мещанки	сама	7	100%	113	85%	90	81,1%	103	82,4%	125	80,2%	167	83,9%
	муж	--	--	6	4,5%	1	0,9%	1	0,8%	1	0,6%	1	0,5%
	брат	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	сын	--	--	6	4,5%	5	4,5%	6	4,8%	6	3,8%	6	3%
	приказчик	--	--	8	6%	15	13,5%	15	12%	24	15,4%	25	12,6%

Таблица 2 (продолжение)

Социальный статус собственниц	Управленец торгового заведения	Количество торговых заведений в собственности женщин											
		1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Крестьянки	сама	--	--	19	86,4%	16	76,1%	24	96%	36	83,7%	47	75,8%
	муж	--	--	1	4,5%	1	4,8%	--	--	--	--	1	1,6%
	брат	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	сын	--	--	--	--	1	4,8%	--	--	--	--	1	1,6%
	приказчик	--	--	2	9,1%	3	14,3%	1	4%	7	16,3%	13	21%
Цеховые	сама	--	--	1	50%	2	50%	3	100%	5	50%	11	84,6%
	муж	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	брат	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
	сын	--	--	1	50%	2	50%	--	--	--	--	--	--
	приказчик	--	--	--	--	--	--	--	--	5	50%	2	15,4%
Солдатки	сама	--	--	9	81,8%	9	90%	26	89,8%	32	88,9%	34	97,1%
	муж	--	--	1	9,1%	--	--	1	3,4%	--	--	--	--
	брат	--	--	--	--	--	--	--	--	1	2,8%	--	--
	сын	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	1	2,9%
	приказчик	--	--	1	9,1%	1	10%	2	6,8%	3	8,3%	--	--

**Посчитано и составлено по материалам «Журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений» [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Менее знатные представительницы слабого пола находились, очевидно, в менее благоприятных обстоятельствах. Малый объем торговых оборотов в рундуках, палатках и мелочных лавочках не позволял им тратить на наемную рабочую силу.

Серьезность намерений...

При изучении развития торгового предпринимательства женщин в Российской империи второй половины XIX в. важным является не столько факт владения женщинами торговыми предприятиями, и даже не факт самостоятельного управления заведениями, а длительность функционирования «женских» предприятий. Данный показатель целесообразно признать индикатором вовлеченности женщин в торгово-рыночные отношения, индикатором преодоления патриархальной бытовой и профессиональной культуры, стереотипов о роли женщины в обществе.

В Таблице 3 представлены результаты пофамильного сравнения списков женщин-собственниц торговых заведений в Туле с шагом в 4 года. В результате было установлено, к примеру, что в 1876 г. в торговле была занята 121 мещанка, из которых в 1880 г. продолжили трудиться в данной сфере лишь 31. В 1884 г. из 25 крестьянок профессионально продолжили заниматься торговлей в 1888 г. лишь 8. Таким образом, можно констатировать, что в пределах четырех лет в среднем около 70 % предпринимательниц прекращали свое дело и лишь около трети его сохраняли. Данные результаты анализа списков предпринимательниц свидетельствуют о краткосрочности деловой активности женщин-предпринимательниц, их эпизодичном вовлечении в торгово-рыночные отношения. Чтобы установить причины подобной нестабильности предпринимательской деятельности следует ответить на вопрос: что вообще побудило женщин заниматься торговлей? Большинство купчих, мещанок и солдаток – собственниц торговых заведений являлись вдовами, поэтому их самостоятельное торговое дело являлось скорее вынужденной мерой в деле получения какого-либо дохода или сохранения наследства от мужа. Данное явление можно считать типичным, т.к. множество исследователей фиксируют это на региональном материале в самых раз-

личных точках Империи [1; 29; 32; 33; 42; 43; 44]. Тем не менее, в среде купчих и крестьянок Тулы во второй половине XIX в. фиксируется слабый, но положительный тренд стабильности работы их заведений, что возможно считать началом процесса преодоления патриархальных взглядов на роль женщины в хозяйственной жизни.

Таблица 3

Стабильность владения женщинами торговыми заведениями в губернском г. Тула второй половины XIX в.***

Годы	Социальная принадлежность женщин-предпринимательниц																	
	Дворянки			Купчихи			Мещанки			Крестьянки			Цеховые			Солдатки		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1864	0			8			7			0			0			0		
1876	3	0	0%	25	3	12%	121	0	0%	18	0	0%	2	0	0%	7	0	0%
1880	1	0	0%	35	10	28,6%	103	31	30%	20	2	10%	3	2	66,7%	10	0	0%
1884	3	0	0%	28	13	46,4%	110	38	34,5%	25	4	16%	3	0	0%	29	3	10,3%
1888	3	0	0%	30	12	40%	152	38	25%	41	8	19,5%	9	2	22,2%	33	8	24%
1892	1	0	0%	30	16	53,3%	189	65	34,3%	57	13	22,8%	11	1	9,1%	34	11	32,4%

В таблице под цифрами «1» обозначено абсолютное количество женщин-предпринимательниц, работавших в соответствующий год. Под цифрами «2» обозначено количество женщин, занимавшихся предпринимательской деятельностью в предыдущие годы и продолжившие её в указанный год. Под цифрами «3» указана доля женщин в процентах по отношению к общему числу женщин, занимавшихся предпринимательской деятельностью в предыдущие годы и продолжившие её в указанный год.

*** Посчитано и составлено по материалам «Журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений» [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Выводы

Таким образом, во второй половине XIX в. в губернском городе Тула в торговое предпринимательство были вовлечены представительницы практически всех социальных слоев, чья хозяйственная активность заметно возрастала к началу XX в., чему во многом способствовала либерализация торгового законодательства. Наибольшая доля «женских» торговых заведений находилась в собственности мещанок и крестьянок, однако они сильно уступали по масштабности торговых оборотов купеческим предприятиям. Если первым преимущественно принадлежали рундуки, палатки и мелочные лавочки, то последним – лавки и магазины. Тем не менее, к концу XIX столетия организационные формы торговли, используемые представительницами различных сословных групп, становятся идентичными, что свидетельствует о «размывании» сословных рамок в экономической жизни страны. Парадоксально, но настоящими предпринимательницами и «бизнес-леди» Тулы 1860 – 1890-х гг. целесообразно именовать не купчих, а представительниц менее знатных – мещанок, жен цеховых ремесленников, солдаток, на плечи которых в абсолютном большинстве случаев возлагалось самостоятельное управление торговыми делами. Небольшой срок функционирования торговых заведений в собственности женщин свидетельствует о карткосрочной деловой активности представительниц слабого пола; вероятно, вынужденном характере их участия в торговой деятельности, т.к. значительная доля торговых заведений находилось в собственности вдов или осиротевших девиц.

Примечания

1. В современной исторической науке существует проблема использования термина «торговля» в исследованиях [6]. С точки зрения современной науки «торговля» или «торговая деятельность» – это вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров [10]. Законодательство же Российской империи второй половины XIX в. определяло термин «торговля» несколько

шире. Кроме самого процесса купли-продажи товаров к торговым действиям приравнивались, к примеру, денежные переводы на русские и иностранные города, содержание страховых и справочных контор, содержание ремесленных предприятий, фабрик и заводов, банковская деятельность [37]. В результате, в Империи сложилось два смысловых значения термина – обыденное и юридическое. Используемый в законодательстве термин «торговля», «торговая промышленность» равнозначен (или, по крайней мере, близок) современному – «предпринимательская деятельность». В настоящем исследовании под торговым предпринимательством подразумевается деятельность женщин по приобретению (изготовлению) и перепродаже товаров с целью извлечения прибыли, т.е. торговля в современном значении.

2. К настоящему моменту в современных экономической и исторической науках сложилось несколько мнений о том, кого именно считать предпринимателями. Широкую известность приобрело определение Й. Шумпетера, который воспринимал предпринимателей как людей, склонных к инновационной деятельности. По его мнению, не каждый, кто занимается торговлей и промышленностью – предприниматель. Это должен быть человек, который осуществляет организационно-хозяйственную инновацию, действует вопреки традициям и рискам [47, с. 132–142]. В настоящей работе термин «предприниматель» используется в его более широком значении: под предпринимателями подразумеваются люди, которые самостоятельно и профессионально занимались торговлей (куплей-продажей товаров) с целью получения прибыли.

3. Подробнее о «Журналах генеральных поверок торговли и промышленных заведений» как исторических источниках см.: Биленко Н. А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.

4. Рундук – род ларя, крытой лавки с подъемной крышкой, прилавок с ящиком [28, с. 113].

5. В русском гражданском праве второй половины XIX в. отсутствовали такие понятия как «субъекты гражданских правоотношений», «правоспособность и дееспособность физических лиц», однако цивилистами второй половины XIX в. были определены субъекты торговых правоотношений, а также широко использовались понятия «торговой правоспособности» и «торговой дееспособности» [8, с. 7]. Под торговой правоспособностью понималась возможность вести торговлю от своего имени, то есть возможность быть субъектом прав и обязанностей, вытекающих из торговых сделок. Под торговой дееспособностью – способность лично вести торговлю, самостоятельно от своего имени совершать торговые сделки [9, с. 30–31].

Список источников и литературы

1. Абдрахманов К. А. «Аристократки гостиного двора»: женщина во главе купеческих династий в Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI – XIX вв. : сб. мат. Четвертой междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2018. С. 630–637.*
2. Абдрахманов К. А. *Отражение трудовой повседневности женщин купеческого сословия в российской историографии XIX – XXI вв. [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 55–65.*
URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/7_3_2017.html (дата обращения: 07.05.2021).
3. Абдрахманов К. А. *Предпринимательство женщин купеческого звания в городах Оренбургской губернии пореформенной эпохи // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 11–19.*
4. Барышников М. Н. *Женщины в составе правлений акционерных компаний в России во второй половине XIX – начале XX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века: сб. материалов всерос. науч. конф. СПб. : Издат. дом СПбГУ, 2005. С. 17–38.*
5. Барышников М. Н. *Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 4. С. 51–58.*

6. Биленко Н. А. Понятие «торговля» и «торговец» в пореформенной России: проблемы интерпретации в современных исторических исследованиях // Платоновские чтения. Материалы и доклады XX Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2015. С. 112–114.
7. Вахромеева О. Б. Женщины-предприниматели в Санкт-Петербурге на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 68–73.
8. Ганусенко И. В. Правосубъектность лиц промыслового налогообложения по русскому законодательству 2-й половины XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 3–10.
9. Гольмстен А. Х. Очерки по русскому торговому праву. Вып. 1. СПб., 1895.
10. ГОСТ Р 51303 – 2013. Торговля: термины и определения. М., 2014.
11. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУГАТО). Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18137. Л. 2–376.
12. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18686. Л. 9–17, 24–39.
13. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18687. Л. 4–179.
14. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18688. Л. 37–73, 78–87, 90–116, 162–174.
15. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19330. Л. 10–263.
16. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19331. Л. 7–133.
17. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19332. Л. 6–142.
18. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19333. Л. 5–59.
19. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20323. Л. 2–49, 54–111.
20. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20315. Л. 2–45, 56–100.
21. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 30319. Л. 2–43, 52–78.
22. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20325. Л. 2–5, 7–130, 137–175.
23. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21811. Л. 4–89.
24. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21812. Л. 2–69.
25. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21813. Л. 19–113.
26. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21814. Л. 2–106.
27. ГУГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21815. Л. 1–57.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2-4 / В.И. Даль. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881 – 1884;
29. Иванова Н. Н. Особенности культуры управления торговыми и промышленными предприятиями женщин-купчих в Курской губернии в конце XIX – начале XX века // Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. Одесса, 2011. С. 253–254.
30. Козлова Н. В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: Сб. материалов международной научной конференции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 139–144.
31. Лобачева И. Н. Хозяева и управляющие: анализ социального и гендерного состава предпринимателей Тульской губернии в конце 60-х гг. XIX в. [Электронный ресурс] // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 1 (5). С. 6–23. URL: http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (дата обращения: 07.05.2021).
32. Мельников М. В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX в. // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2012. № 3. С. 46–51.

33. Меньшикова Е. Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60 – 90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2008.
34. Мутиева О. С. Кавказская война и реформы 60–70-х гг. XIX в. как факторы становления женщин-предпринимательниц в Дагестане // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. (80). С. 90–97.
35. Нерсесов Н. И. Торговое право. М., 1896.
36. Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М. : Кучково поле, 2012. 624 с.
37. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // Уставы торговый, фабричный и заводской промышленности и ремесленный с дополнениями и изменениями по продолжениям 1863, 1864, 1868 и 1869 годов и позднейшими узаконениями. СПб.: Типография Юлия Андр. Бокрама, 1870.
38. Симонова Е. В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула [б.и.], 2005. 237 с.
39. Сорокина Н. Л. Участие женщин в торговых домах Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 45–50.
40. Татаринова Е. П. Особенности влияния социальных факторов на предпринимательскую правосубъектность женщин Вятской губернии в конце XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59) : в 2 ч. Ч. 1. С. 175–177.
41. Татаринова Е. П. Становление предпринимательской правосубъектности женщин в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55) : в 2 ч. Ч. 2. С. 173–175.
42. Титова Л. Е. Женское предпринимательство в Якутии: опыт второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. Серия: История. Политология. Право. 2019. № 2 (14). С. 16–22.
43. Ульянова Г. Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 32–58.
44. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история. Ежегодник. 2014 – 2015. М.: РОССПЭН, 2016. С. 54–82.
45. Филатова С. В. Купчихи в провинциальной России: образ жизни и предпринимательская деятельность (вторая половина XIX – начало XX в.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв.: сб. статей науч. конф. Коломна, 2015. С. 162–169.
46. Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886.
47. Шумпетер Й. Теории экономического развития. Исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982. 401 с.

References

1. Abdrakhmanov K. A. «Aristokratki gostinogo dvora»: zhenshchina vo glave kupecheskikh dinastiy v Orenburgskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. ["Gentlewomen of Gostiny Dvor": Women as the Heads of Merchant Dynasties in the Orenburg Region during the Second Half of 19th Century and Early 20th Century]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii XVI – XIX vv. : sb. mat. Chetvertoy mezhdunar. nauch. konf.* Nizhny Novgorod, 2018. Pp. 630–637. [in Russian].
2. Abdrakhmanov K. A. Otrazheniye trudovoy povsednevnosti zhenshchin kupecheskogo sosloviya v rossiyskoy istoriografii XIX – XXI vv. [Depiction of Daily Business Life of Women from the Merchant Class in Russian Historiography from 19th Century to 21st Century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal]*. 2017. No 3 (23). Pp. 55–65.
URL:http://vestospu.ru/archive/2017/articles/7_3_2017.html (accessed: 07.05.2021). [in Russian].
3. Abdrakhmanov K. A. Predprinimatel'stvo zhenshchin kupecheskogo zvaniya v gorodakh Orenburgskoy gubernii poreformennoy epokhi [Business Activity of Women from the Merchant Class in the Cities of Orenburg Region during the Post-Reform Period]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2017. No 3. Pp. 11–19. [in Russian].
4. Baryshnikov M. N. Zhenshchiny v sostave pravleniy aktsionernykh kompaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Women on the boards of joint-stock companies in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii: XIX – nachalo XX veka: sb. materialov vseros. nauch. konf. [The history of entrepreneurship in Russia: 19th - early 20th century]*. St. Petersburg: Izdat. dom SPbGU publ, 2005. Pp. 17–38. [in Russian].
5. Baryshnikov M. N. Semeynaya firma v dorevolutsionnoy Rossii [Family business in pre-revolutionary Russia]. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No 4. Pp. 51–58. [in Russian].
6. Bilenko N. A. Ponyatiye «torgovlya» i «torgovets» v poreformennoy Rossii: problemy interpretatsii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh [The concept of "trade" and "merchant" in post-reform Russia: problems of interpretation in modern historical research]. *Platonovskiye chteniya. [Platonov readings. Materials and reports of the XX All-Russian Conference of Young Historians]*. Samara, 2015. Pp. 112–114. [in Russian].
7. Vakhromeyeva O. B. Zhenshchiny-predprinimateli v Sankt-Peterburge na rubezhe XIX – XX vv. [Women-Entrepreneurs in Saint-Petersburg on the Turn of the 19 and 20]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2008. Ser. 2. Issue 1. Pp. 68–73. [in Russian].
8. Ganusenko I. V. Pravosub'yektnost' lits promyslovogo nalogooblozheniya po russkomu zakonodatel'stvu 2-y poloviny XIX v. [Legal Status of Subjects of the Taxation Activity the Russian Legislation in the End of the 19th Century]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik [Siberian Law Herald]*. 2014. No 2. Pp. 3–10. [in Russian].
9. Golmsten A. Kh. *Ocherki po russkomu torgovomu pravu [Essays on Russian commercial Law]*. Issue 1. St. Petersburg, 1895. [in Russian].
10. *GOST r 51303 – 2013. Torgovlya: terminy i opredeleniya [GOST r 51303-2013. Trade: terms and definitions]*. Moscow, 2014. [in Russian].
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GU GATO) [State Archive of Tula Oblast (SATO)]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 18137. Sh. 2–376. [in Russian].
12. *GU GATO [SATO]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 18686. Sh. 9–17, 24–39. [in Russian].
13. *GU GATO [SATO]*. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 18687. Sh. 4–179. [in Russian].

14. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 8. File 18688. Sh. 37–73, 78–87, 90–116, 162–174. [in Russian].
15. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 19330. Sh. 10–263. [in Russian].
16. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 19331. Sh. 7–133. [in Russian].
17. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 19332. Sh. 6–142. [in Russian].
18. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 19333. Sh. 5–59. [in Russian].
19. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 20323. Sh. 2–49, 54–111. [in Russian].
20. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 20315. Sh. 2–45, 56–100. [in Russian].
21. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 30319. Sh. 2–43, 52–78. [in Russian].
22. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 9. File 20325. Sh. 2–5, 7–130, 137–175. [in Russian].
23. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 11. File 21811. Sh. 4–89. [in Russian].
24. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 11. File 21812. Sh. 2–69. [in Russian].
25. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 11. File 21813. Sh. 19–113. [in Russian].
26. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 11. File 21814. Sh. 2–106. [in Russian].
27. GU GATO [SATO]. Fund 118. Inventory 1. Vol. 11. File 21815. Sh. 1–57. [in Russian].
28. Dahl V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. Vol. 2-4. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg; Moscow: Izdaniye knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa publ. 1881 – 1884. [in Russian].
29. Ivanova N. N. Osobennosti kul'tury upravleniya torgovymi i promyshlennymi predpriyatiyami zhenshchin-kupchikh v Kurskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Features of the culture of management of commercial and industrial enterprises by women-merchants in the Kursk province at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Odissos. Aktual'nyye problemy istorii, arkheologii i etnologii [Odissos. Actual problems of history, archeology and ethnology]*. Odessa, 2011. Pp. 253–254. [in Russian].
30. Kozlova N. V. Khozyaystvennaya aktivnost' i predprinimatel'skaya deyatel'nost' kupecheskikh zhen i vdov Moskvyy v XVIII v. [Economic activity and entrepreneurial activity of merchant wives and widows of Moscow in the 18th century.]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI – XVIII vv.: Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th - 18th centuries]*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2001. Pp. 139–144. [in Russian].
31. Lobacheva I. N. Khozyayeva i upravlyayushchiye: analiz sotsial'nogo i gendernogo sostava predprinimateley Tul'skoy gubernii v kontse 60-kh gg. XIX v. [Owners And Stewards: Analysis Of Socialand Gender Composition Of The Entrepreneurs Of The Tula Province Of The Late 60s Of The 19th Century]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie. [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics]*. 2021. Issue 1 (5). Pp. 6–23.
URL: http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (accessed: 07.05.2021). [in Russian].
32. Mel'nikov M. V. Zhenskoye predprinimatel'stvo v period sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy: opyt vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Women's entrepreneurship in the period of socio-economic transformations: the experience of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik NGTU im. R. Ye. Alekseeva*. 2012. No. 3. Pp. 46–51. [in Russian].
33. Menshikova E. N. *Kupecheskaya zhenshchina Tsentral'nogo Chernozem'ya v 60 – 90-ye gody XIX veka: istoricheskiy portret (na primere Voronezhskoy i Kurskoy gubernii) : dis. ... kand. ist. nauk [Merchant woman of the Central Black Earth Region in*

- the 60s – 90s of the 19th century: a historical portrait (on the example of Voronezh and Kursk provinces)]*. Kursk, 2008. [in Russian].
34. Mutiyeva O. S. Kavkazskaya voyna i reformy 60–70-kh gg. XIX v. kak faktory stanovleniya zhenshchin-predprinimatel'nits v Dagestane [Caucasian War And Reforms Of 1860-1870-S As Factors Contributing To Women Becoming Entrepreneurs In Dagestan]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2016. No 3. (80). Pp. 90–97. [in Russian].
  35. Nersesov N. I. *Torgovoye pravo [Commercial law]*. Moscow, 1896. [in Russian].
  36. Perkhavko V. B. *Srednevekovoye russkoye kupechestvo [Medieval Russian merchants]*. Moscow: Kuchkovo field publ, 2012. 624 p. [in Russian].
  37. Polozheniye o poshlinakh za pravo trgovli i drugikh promyslov [Regulations on fees for the right to trade and other businesses]. *Ustavy torgovyy, fabrichnoy i zavodskoy promyshlennosti i remeslenny s dopolneniyami i izmeneniyami po prodolzheniyam 1863, 1864, 1868 i 1869 godov i pozdneyshimi uzakoneniymi [The regulations of trade, factory and plant industry and handicraft with additions and changes in the continuation of 1863, 1864, 1868 and 1869 and later legalizations]*. Saint Petersburg, Tipografiya Yuliya Andr. Bokrama publ, 1870. Pp. 3–4. [in Russian].
  38. Simonova E. V. *Provintsial'nyye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke [Provincial towns of the Tula province in the 19th century]*. Tula, 2005. 237 p. [in Russian].
  39. Sorokina N. L. Uchastiye zhenshchin v torgovykh domakh Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Participation of women in trading houses of Western Siberia at the end of 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Yugra State University Bulletin]*. 2012. Issue 1 (24). Pp. 45–50. [in Russian].
  40. Tatarinova E. P. Osobennosti vliyaniya sotsial'nykh faktorov na predprinimatel'skuyu pravosub'yektnost' zhenshchin Vyatskoy gubernii v kontse XIX veka [Peculiarities of Influence of Social Factors on Women's Entrepreneurial Legal Personality in Vyatka Region at the End of the 19th Century]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. No. 9(59): in 2 parts. Part 1. Pp. 175–177. [in Russian].
  41. Tatarinova E. P. Stanovleniye predprinimatel'skoy pravosub'yektnosti zhenshchin v kontse XIX – nachale XX veka [Formation of Women's Entrepreneurial Legal Personality at the End of the XIX – the Beginning of the XX century]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. No. 5(55): in 2 parts. Part 2. Pp. 173–175. [in Russian].
  42. Titova L. E. Zhenskoye predprinimatel'stvo v Yakutii: opyt vtoroy poloviny XIX – nachala XXvv. [Women's Entrepreneurship In Yakutia: Experience the Second Half of the XIX - Early XX Centuries]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Amosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo [Vestnik of North-Eastern Federal University. History. Political science. Law"]*. 2019. No 2 (14). Pp. 16–22. [in Russian].
  43. Ulyanova G. N. Zhenshchiny – vladelitsy promyshlennykh predpriyatiy Moskvy v XIX v. [Female Owners of Industrial Companies in Nineteen Century Moscow]. *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik. 2007 [Economic history. Yearbook. 2007]*. Moscow: ROSSPAN publ, 2008. Pp. 32–58. [in Russian].
  44. Ulyanova G. N. Zhenshchiny-predprinimateli Peterburga i Moskvy v 1860-ye gody (po «Spravochnym knigam o litsakh, poluchivshikh kupecheskiye svidetel'stva») [Women-entrepreneurs of St. Petersburg and Moscow in the 1860s (according to "Reference books on persons who received merchant certificates")]. *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik. 2014 – 2015. [Economic history. Yearbook. 2014 – 2015]*. Moscow: ROSSPAN publ, 2016. Pp. 54–82. [in Russian].
  45. Filatova S. V. Kupchikhi v provintsial'noy Rossii: obraz zhizni i predprinimatel'skaya deyatel'nost' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Merchants' women in provincial

Russia: lifestyle and entrepreneurial activity (second half of the 19th - early 20th centuries)]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI – XIXvv.: sb. statey nauch. konf. [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th - 19th centuries]*. Kolomna, 2015. Pp. 162–169. [in Russian].

46. Tsitovich P. P. *Ocherk osnovnykh ponyatiy torgovogo prava [An outline of the basic concepts of commercial law]*. Kiev, 1886. [in Russian].
47. Schumpeter J. *Teorii ekonomicheskogo razvitiya. Issledovaniya predprinimatel'skoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury [The theory of economic development=Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung]*. Moscow: Progress publ, 1982. 401 p. [in Russian].

Дата поступления статьи: 10.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 10.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: nikitabilenko@mail.ru).

Information about the Author

Bilenko Nikita Alekseevich,
PhD in History, Associate Professor,
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: nikitabilenko@mail.ru).

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СТАХАНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ

С. Ф. Володин

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Т. А. Володина

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Предметом исследования является опыт осмысления советской отечественной историографией стахановского движения. В статье представлена комплексная характеристика достижений советской историографии в освещении стахановского движения. При анализе работ О. А. Ерманского, С. Р. Гершберга, И. И. Кузьмина, В. А. Сахарова, Р. Я. Хабибулиной и др. авторы исходили с позиций единства предмета исследования, его развития и преемственности. В статье делается вывод о том, что советским историкам, несмотря на известные идеологические ограничения, удалось не только подробно осветить основные слагаемые успешного сдвига в производственной культуре этого периода, но и обозначить препятствия и пределы развития стахановского движения в 1930-е годы. По мнению советских историков, важными предпосылками стахановского движения стали такие новые явления советской экономики, как увеличение энерговооруженности рабочих, рост их технической грамотности, общей культуры, повышение роли материальных стимулов труда. В свою очередь среди основных черт стахановского метода повышения производительности труда они называли: строгую специализацию квалифицированного и вспомогательного труда, рационализацию технологического процесса, осмысление и передачу передового опыта, партийное руководство движением. Вместе с тем в советской историографии были обозначены и негативные стороны, сопровождающие стахановское движение. Вследствие организации стахановских смен, пятидневок, месячников и т.п. нарушалась ритмичность производственного цикла. К тому же стахановская смекалка не могла отменить научные основы инженерного труда, а отдельные трудовые рекорды – необходимость подъема производительности труда у всех работников предприятия на основе технологической и производственной дисциплины. Определенные издержки имела и практика расширения сверх меры прогрессивно-сдельной формы оплаты труда. Тем не менее, стахановское движение сыграло свою роль в утверждении особенного исторического феномена – советского индустриального патриотизма на основе личностного трудового героизма.

Ключевые слова: нормирование труда, производительность труда, рационализаторство, советская историография, социалистическое соревнование, стахановское движение.

SOVIET HISTORIOGRAPHY ABOUT THE STAKHANOV MOVEMENT

S. F. Volodin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

T. A. Volodina

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The subject of this research is the experience of understanding the Stakhanov movement by Soviet domestic historiography. The article presents a comprehensive description of the achievements of Soviet historiography in the coverage of the Stakhanov movement. When analyzing the works of O. A. Yermansky, S. R. Gershberg, I. I. Kuzminova, V. A. Sakharova, R. Ya. Khabibulina and others, the authors proceeded from the standpoint of the unity of the research subject, its development and continuity. The article concludes that, despite the well-known ideological limitations, Soviet historians managed not only to highlight in detail the main components of a successful shift in the production culture of this period, but also to outline the obstacles and limits of the development of the Stakhanov movement in the 1930s. According to Soviet historians, important prerequisites for the Stakhanov movement were such new phenomena of the Soviet economy as an increase in the energy capacity of workers, the growth of their technical literacy, general culture, and the increasing role of material incentives for labor. In turn, among the main features of the Stakhanov method of increasing labor productivity, they called: strict specialization of skilled and auxiliary labor, rationalization of the technological process, comprehension and transfer of best practices, party leadership of the movement. At the same time, the negative aspects accompanying the Stakhanov movement were also identified in Soviet historiography. Due to the organization of Stakhanov shifts, five-day days, months, etc., the rhythm of the production cycle was disrupted. In addition, Stakhanov's ingenuity could not cancel the scientific foundations of engineering work, and individual labor records – the need to raise the productivity of all employees of the enterprise on the basis of technological and production discipline. The practice of extending the progressive piece-work form of remuneration in excess of the measure also had certain costs. Nevertheless, the Stakhanov movement played a role in establishing a special historical phenomenon – Soviet industrial patriotism based on personal labor heroism.

Keywords: labor rationing, labor productivity, rationalization, Soviet historiography, socialist competition, the Stakhanov movement.

В статье «Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы» О. В. Хлевнюк обозначил важную проблему современной историографии, имеющую отношение к анализу экономических процессов этого времени. Речь идет, в частности, о том, что в ее актуальном состоянии «социальная и культурная истории берут своеобразный реванш после долгих лет преобладающего интереса к политике и экономике. Однако этот реванш, как и любой другой, порождает перегибы: социальное или индивидуальное так же легко становится самодовлеющим, как и политическое или экономическое» [16, с. 73]. Другими словами, существует потребность в изучении процессов развития отечественного народного хозяйства, в котором советский управленческий опыт должен занять свое исторически определенное место. В этой связи кажется отнюдь не случайным нарастающий интерес современных историков к яркому и противоречивому феномену тридцатых годов прошлого века – стахановскому движению, причем в известной мере повторяя определенные этапы в его изучении. Это – публицистически окрашенное внимание к личности Алексея Стаханова, вообще к феномену движения [5]; попытки нового прочтения явления [10; 11], исследовательский интерес к его отдельным аспектам [9; 17], в том числе региональным и отраслевым особенностям [1; 6; 7]. Очевидно, для более углубленного понимания стахановского движения требуется серьезное продвижение прежде всего в отношении теоретического осмысления огромного эмпирического массива данных. И немалую пользу здесь может принести обращение к историографическому опыту советских историков, которые сумели раскрыть важнейшие стороны движения, его предпосылки и последствия. Поэтому, исходя из обозначенной предметной стороны, мы видим цель настоящей статьи в том, чтобы проследить эволюцию изучения стахановского движения со стороны советской историографии, понять возможности и границы ее творческого развития.

Стахановскому движению предстояло стать высшей формой социалистического соревнования в тридцатые годы. Поэтому изначально было неизбежно обращение к пафосной интонации текстов начала первой пятилетки, пропагандирующих

достижения ударников того времени. В частности, были опубликованы многочисленные очерки журналистов, освещавшие жизненный и производственный путь выдающихся стахановцев. Вышли в свет содержательно и литературно обработанные воспоминания главных героев движения. Так, из рассказа А. Стаханова (1937 г.) вырисовывался образ типичного сельского паренька, направившегося на приработки в шахту и не желавшего связывать себя в дальнейшем с горным производством. «Скажу откровенно: шахты я боялся страшно и все припоминал слова деда: «шахта – это каторга, убьешь силу свою зря, пропадешь...» [14, с. 10]. В самом деле, вхождение в производственный процесс молодого шахтера было отнюдь не гладким. И все же прошедший школу напряженного сельского труда, Алексей достаточно быстро вошел в русло горного производства. Уже через три месяца он работал коногоном, сразу обозначив высокую выработку, в чем ему опять же помогали навыки сельской жизни.

В своих воспоминаниях Стаханов отразил и достаточно неприглядную бытовую сторону начала своей шахтерской жизни. «Ирминский рудник тогда совершенно не был похож на нынешний. Это был грязный поселок. Шлялось много хулиганов, часто бывали пьянки, драки» [14, с. 15]. Тем не менее, под влиянием индустриализации производственный процесс на шахте начал меняться. К началу сентября 1935 г. на шахте в работе было 95 отбойных молотков, 4 электровоза, 4 компрессора общей мощностью 102 кубометра воздуха в минуту. Правда, организация труда на шахте желала оставлять лучшего. Сам Стаханов уже с начала первой пятилетки начал работать как отбойщик за врубовой машиной. А с 1933 г. Алексей начинает осваивать отбойный молоток, повысив эту квалификацию на четырехмесячных курсах. Став отличником по гос-техэкзамену, он уже сам помогал другим шахтерам освоить технику горного дела, стал выделяться среди других горняков, почувствовал профессиональную силу. Поэтому именно к Стаханову была обращена партийная инициатива по организации ударного труда, а Алексей, хорошо зная недостатки организации своего труда, предложил пути повышения его эффективности. Это – удлинение фронта работы во всю лаву, разделение труда забойщика и крепильщиков, не в последнюю очередь, снабжение всем необходимым.

Как отмечал Стаханов, товарищи по работе, опытные старые горняки сразу поняли главный «секрет» его успеха: разделение труда, создание благоприятных условий. Понятно также, что такой рекорд требовал серьезных морально-волевых, физических усилий. Поэтому пленум шахтпарткома не только констатировал, что Стаханов А. Г. в ночь с 30 на 31 августа за свои рабочие 6 часов установил мировой рекорд производительности отбойного молотка, дав 102 тонны угля. Пленум постановил выдать рекордсмену премию в размере месячного оклада жалованья, а также предоставить ему оборудованную мебелью квартиру, выделить семейную путевку на курорт [14, с. 26]. И подобное поощрение также было новым словом в организации эффективного труда. Как высказывался молодой передовик, «с новым методом можно завалить страну углем, много зарабатывать денег и жить зажиточно» [14, с. 32].

Советская историография с самого начала рассматривала стахановское движение сквозь призму поступательного движения советской экономики, рубежи которого определялись самой логикой индустриального развития. Именно развитие технической базы советской промышленности, отмечал И. И. Кузьминов (1940 г.), вызвало к жизни творческие импульсы новаторов производства не только в отношении преобразования условий использования новой техники, но и самой технической базы. «Технологическое творчество стахановцев показывает такое глубокое проникновение в технологию и такие результаты, которые означают новое слово в мировой технике» [4, с. 17]. Принципиально, по его мнению, что это стало возможно вследствие качественных сдвигов в составе рабочих кадров. Так, приводит данные автор, удельный вес неквалифицированных рабочих в мартеновском производстве снизился с 47,8 % в 1927 г. до 22,6 % в 1934 г. Замена клепки сваркой определила рост группы сварщиков

почти в 14 раз [4, с. 73, 74]. Причем эти качественные сдвиги сопровождались массовым процессом обучения рабочих главным образом без отрыва от производства.

Содержание стахановского движения заключалось в выходе «за пределы установленных при проектировании новых заводов проектных мощностей и лежащих в их основе норм использования техники» [4, с. 96]. Тем самым создавались предпосылки для внедрения новых норм, учитывающих достигнутый уровень развития техники и кадров. В частности, на заводах должен был существенно увеличиться коэффициент использования мощности станочного оборудования. И на ряде конференций машиностроения в начале 1936 г. было признано необходимым повышение скоростей обработки на различных металлических работах от 40 до 100 % [4, с. 105]. В этой же отрасли от 29 до 55 % увеличивались нормы выработки рабочих. Затем такой пересмотр был в 1937 и 1938 годах. При этом, как подчеркивал автор, в основе роста норм лежало творческое применение стахановских методов работы. Это – улучшения в организации труда, в организации рабочего места, это – интенсификация работы машин и агрегатов. «По мере развития стахановского движения стахановцы переходят к выявлению и использованию более глубоких резервов, лежащих уже в области творческого *изменения технологических процессов и орудий труда*. От *изменения условий* работы машин стахановцы перешли к *изменению самой машины*, от производственного освоения техники – к изменению техники в процессе производства» [4, с. 116]. Так, например, И. Гудов применял метод одновременной обработки на одном станке большого количества деталей, используя для этого специальные приспособления, а также метод одновременного производства на одном станке ряда операций. «Развитие стахановского движения потребовало увеличение производительности врубовки. Увеличение скорости подачи, примененное стахановцами-врубмашинистами, поставило вопрос об использовании более стойких материалов для режущей части машины. Увеличение скорости подачи и увеличение бара в свою очередь поставили вопрос об увеличении мощности мотора» [4, с. 122–123]. А поскольку во всех отраслях промышленности имел место процесс развития стахановских методов в сторону все большего применения технологической рационализации, то возникла потребность в тесном содружестве инженеров и стахановцев в разработке новых методов.

Надо отметить, что в конце 30-х гг. усиливается критический импульс в отношении анализа проблем советской экономики. В преддверии войны страна нуждалась в более эффективном уровне организации промышленного производства, поэтому в повестку дня выносился широкий круг вопросов, касающихся реальных препятствий эффективному труду. Не остался в стороне от этой задачи И. И. Кузьминов. «Культурная, слаженная работа всего предприятия как единого комплекса, – отмечает он, – далеко еще не стала общим явлением. Наоборот, в очень многих случаях все еще в ходу работа рывками, приводящая к простоям и снижающая использование оборудования и рабочей силы» [4, с. 189]. Критике с его стороны была подвергнута практика завышенных штатных нормативов. В частности, одной из главных причин разбухания вспомогательного персонала стала децентрализация и неудовлетворительная, кустарная организация ремонта. К тому же далеко не в полной мере на производстве укоренились процессы механизации, в особенности в отношении ее комплексности [4, с. 191–195]. И все же отнюдь не критика была целью автора. Для него стахановское движение было главным образом провозвестником очертаний будущего социального строя. В творческом труде стахановцев, очевидно, прослеживались начала ликвидации враждебной противоположности между умственным и физическим трудом.

Пожалуй, одним из наиболее полных исследований феномена стахановского движения в 30-е гг. стала монография О. А. Ерманского (1940 г.) [3]. С самого начала своей научной деятельности он выступал против той стороны тейлоровской практики, которая была направлена главным образом на повышение физической и нервной интенсивности труда. И как раз в стахановском движении он видел мощное средство

утверждения наиболее рациональных методов организации индивидуального и коллективного труда, способствующих росту его эффективности без изнуряющих последствий. Подлинным стахановцем, по его мнению, мог быть лишь тот, кто лучше, рациональнее организовывал свою работу. Если в годы первой пятилетки тогдашние ударники проявляли трудовой пафос главным образом через напряжение воли, то в период стахановского движения люди горели пафосом рациональных методов использования новой техники [3, с. 23]. Вместе с тем такой подход означал сосредоточение внимания на скрытых резервах производства, а, значит, и критику существующих обыкновений в его организации. Вполне осознавая это, О. А. Ерманский весьма искусно выстраивал свое повествование, дозируя в своем анализе позитивные и критические аргументы.

В системе теоретических построений ученого самой высокой оценки заслуживал ключевой стахановский метод узкой специализации. Этот метод «помогал «овладеть техникой» и в смысле использования орудия труда, и в смысле лучшего приспособления психофизиологического аппарата человека благодаря одинаковости повторных рабочих движений» [3, с. 29]. С другой стороны, О. А. Ерманский продолжал критиковать практику технического нормирования труда, не учитывающую психофизиологию человека. Он резко возражал против бумажного определения норм в ходе отраслевых конференций 1936 г., когда в расчет бралось лишь предполагаемое в будущем улучшение производства. Вместе с тем, признавал он, подобная практика на самом деле сопровождалась невысоким уровнем повышения норм. Кроме того, здесь открывалась известная всем «тайна». Многие хозяйственники вели учет выполнения норм не по календарному, а по отработанному времени. Тем самым скрывались огромные потери рабочего времени в простоях [3, с. 252].

Стахановское движение вызвало к жизни мощный подъем производительности труда в первом стахановском году, 1936-м. Однако план 1937 г. по ключевым отраслям промышленности уже не был выполнен. Причины этому крылись в общих недостатках промышленного производства. Можно было создать благоприятные условия на отдельных участках для отдельных стахановцев, но обеспечить устойчивую эффективную работу по всему производственному циклу было невозможно. Губительные последствия для производства имела практика организации стахановских смен, пятидневок, декад и других подобных форм. «Вот эта штурмовщина, освобождающая руководителей производства от обязанностей *регулярной* работы по организации, сыграла немалую роль в тех неблагоприятных цифрах, которыми характеризуется ход и исход стахановских суток...» [3, с. 259]. Как пояснял автор, такие штурмы подразумевали чрезмерную напряженность труда, но не постоянный уровень работы стахановскими методами.

Следуя базовой партийной установке, основную причину в недостатках организации стахановского движения О. А. Ерманский видел в «линии наименьшего сопротивления» ИТР. То есть, уточнял он, в деятельности технической и хозяйственной администрации, которая избегает «усилий, хлопот, забот» в отношении «линии наибольшей эффективности». Содержание первой линии заключалось в «антимеханизаторстве», в упоре на штурмовщину, на повышение интенсивности труда. Все эти явления, конечно, противоречили сути стахановского движения. Например, суть «антимеханизаторства» заключалась в том, что «*спокойнее работать без механизмов*, пользуясь ручным трудом, живой рабочей силой. На нее можно возложить и организацию своего рабочего места, и обслуживание его, и работу без простоев, и режим работы» [3, с. 296]. И тот же порок заключался в надежде на усиление интенсивности труда. «Легче, конечно, интенсифицировать труд, механически повышая нормы выработки, чем повышать производительность труда путем рациональной организации, которая требует *знаний, забот и упорной работы*» [3, с. 300]. Что и говорить, О. А. Ерманский здесь обозначал общесистемный порок в организации производственного процесса, а не только на его рядовом уровне. Однако автор, конечно, не покушался на

столь радикальные выводы, отдавая положенную дань традиционной для второй половины тридцатых годов теме «вредительства». Правда, под эту рубрику он виртуозно подводил не только распространенные пороки промышленного производства, но также пороки самой кампании по борьбе с вредительством, уже осужденные на официальном уровне или на страницах центральной печати.

В ряду разных форм социалистического соревнования именно стахановскому движению отводилось особое место, и советская историческая наука должна была выстроить адекватную политическому заказу исследовательскую конструкцию, отражающую это выдающееся явление советской экономики второй половине 30-х годов. Естественно, что в этом деле историки в сороковые-пятидесятые годы следовали за работами советских экономистов, детально осветивших разные грани движения стахановцев. Их задача заключалась в том, чтобы выявить главные, имеющие идеологическое значение, черты движения, показать их преломление на региональном материале. Так, в статье Н. Нефедьева (1941 г.) приводились известные аргументы о том, что к началу движения в стране было произведено качественное преобразование технической базы промышленности. Энерговооруженность советского рабочего к 1935 г. поднялась по сравнению с 1929 г. в 2 раза. С другой стороны, «рост кадров, способных оседлать новую технику, еще сильно отставал от роста техники. ... Партия проделала колоссальную разъяснительную работу в массах, развернула широкую деятельность по организации технической учебы и повышению квалификации рабочих, по созданию технической интеллигенции» [8, с. 32]. Как следствие, на заводах существенно возросла доля квалифицированной рабочей силы. Улучшилось материальное благосостояние трудящихся. Поэтому трудовая победа А. Стаханова отнюдь не была случайным явлением. «Она являлась результатом овладения новой техникой, напряженной борьбы за увеличение производительности труда, она была следствием вдумчивого подхода к работе» [8, с. 35]. Началось массовое стахановское движение. Появились школы стахановских методов работы, активизировалась рационализаторская и изобретательская мысль рабочих, развернулось многостаночное движение.

Хотя в статье В. Селицкого (1951 г.) опыт развертывания стахановского движения анализировался на региональном материале, основные аргументы общепринятых положений в ней воспроизводились в полной мере. В частности, В. Селицкий говорил о таких источниках движения, как неуклонный подъем материального благосостояния, перелом в отношении к труду, наличие новой техники [13, с. 31–32]. Кроме того, в начале второй пятилетки по инициативе партийных организаций проводились эффективные кампании по пересмотру технических норм, снижению себестоимости продукции, по уменьшению брака и т.п. В эти же годы в стране развивались такие новые формы соревнования, как бригадный техпромфинплан, общественный технический экзамен, изотовское движение. Был выдвинут лозунг: «Главное в людях, овладевших техникой!». «Сталинский лозунг «овладеть техникой» получил широкий отклик снизу, вызвал могучий трудовой подъем, который привел осенью 1935 г. к рождению стахановского движения, а непосредственно перед этим вылился в новую форму социалистического соревнования – движение отличников» [13, с. 35]. Значительно менялся в лучшую сторону и общий культурный облик рабочего класса. Таким образом, к осени 1935 г. условия для возникновения стахановского движения были уже налицо.

Естественно, отмечал В. Селицкий, такое мощное движение не могло развиваться без активной поддержки центральных партийных и хозяйственных органов. Так, по указанию обкома ВКП (б) на предприятиях Ленинграда 15 – 16 сентября 1935 г. были проведены массовые читки передовой статьи «Правды» от 14 сентября и обсуждение материалов о стахановском движении в Донбассе. И уже в том же месяце из многих предприятий города шли сообщения о стахановских рекордах. Среди них – достижение работника фабрики «Скороход» Н. Сметанина, поставивший рекорд производительности труда на затяжке носка обуви. «В конце сентября и в течение первой

декады октября стахановское движение нашло своих первых последователей на 23 крупнейших предприятиях Ленинграда. На этих предприятиях к 10 октября 1935 г. насчитывалось 484 стахановца» [13, с. 40–41]. При этом, акцентировал автор, зачинателями рекордов выступали рабочие-коммунисты, а организаторами рекордной работы беспартийных рабочих были партторги цехов. Также большую роль в осуществлении партийного руководства стахановским движением играла печать: «Ленинградская правда» и фабрично-заводские многотиражки. С целью активизации движения городскими партийными организациями были подготовлены и проведены, инициированные повсеместно, слеты стахановцев.

Составной частью руководства движением являлась «борьба с попытками саботажа стахановского движения» как со стороны прямого классового врага, так и тех элементов из административно-технического персонала, которые неспособны были по-новому организовать производств. «Враждебные вылазки классового врага проявлялись в форме клеветы на стахановцев, в открытых или скрытых угрозах физической расправы над ними и даже, в отдельных случаях, – осуществления угроз... На отсталых рабочих враги пытались воздействовать измышлениями, что развитие стахановского движения изнурит рабочих физически, понизит их заработную плату, вызовет безработицу» [13, с. 43]. Вот почему городская партийная организация требовала окружить стахановцев заботой и вниманием, повседневно учитывать их производственные нужды, помогать преодолевать трудности в работе. И партийная директива воплощалась в жизнь: лучшим стахановцам предоставлялись новые, благоустроенные квартиры, оказывалась помощь в меблировке квартир. На эту заботу стахановцы отвечали новыми трудовыми успехами, их ряды пополнялись новыми работниками. Если по состоянию на 10 окт. 1935 г. в ленинградской промышленности таковых было 484, то через месяц – уже почти 40 тысяч [13, с. 45].

Следуя сталинскому определению главных черт передовиков нового движения, автор попытался дать более подробную характеристику этих черт стахановцев. Это – стремление сделать то, что сделал Стаханов, т.е. быть передовиком. Это – знание своей машины, стремление преодолеть узкие места в производстве. Это также – стремление передать свой опыт отстающим товарищам. А это было возможно только на основе технического и общекультурного роста передовика. Именно такими чертами обладали выдающиеся ленинградские стахановцы Е. Т. Мартехов, Н. С. Сметанин, И. Клепиков [13, с. 48–50]. С точки же зрения производственно-технического содержания, в стахановском движении, отмечалось В. Селицкими, явственно выступали четыре основных принципа. Первый – новое разделение труда наряду с лучшей организацией рабочего места, улучшением снабжения материалом, инструментом. Второй – тщательная рационализация всех движений рабочего в процессе труда. Именно эта черта особенно ярко сказалась в методах работы Н. Сметанина. Третий принцип – рационализация технологического процесса: изменение последовательности операций, отказ от ряда операций, одновременное совмещение прежде следовавших друг за другом операций, замена одной операции другой, изменение режима операции. Наконец, одним из наиболее эффективных принципов стахановского преобразования производства явилось изменение самих орудий производства, машин. А в целом единое техническое содержание стахановского движения выразилось в стремлении максимально усилить работу оборудования, машин и этим добиться большей производительности труда [13, с. 50–51]. Тем самым стахановское движение знаменовало собой начало практической реализации великой цели ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

В статье Г. А. Чигринова (1952 г.) стахановское движение рассматривалось уже в годы начавшейся третьей пятилетки и также на основе регионального материала – Москвы и Московской области. При этом и заглавие, и содержание работы отражали важный сдвиг в процессе развития стахановского движения. Пафос первых двух лет

движения в немалой степени схлынул, и движение модифицировалось в одну из рутинных производственных кампаний, в очередной раз адаптированных к насущным проблемам производственной жизни. Широкое распространение, в частности, получили так называемые стахановские школы. Например, на автомобильном заводе имени Сталина с конца 1939 г. по апрель-май 1940 г. работало около 300 стахановских школ, обучивших более 700 рабочих [18, с. 9]. Свою роль в распространении стахановского опыта также играли технические конференции, на которых рассматривались вопросы повышения качества продукции и снижения ее себестоимости.

Летом 1939 г. в стране в очередной раз была инициирована кампания по развитию движения многостаночников. В Москве этому начинанию был дан старт на заводе «Фрезер», а затем этот опыт был распространен на другие промышленные предприятия столицы. И уже в течение нескольких месяцев движение многостаночников стало массовым. Также в предвоенные годы серьезное внимание было уделено развитию рационализаторства и изобретательства, обмену накопленным производственным опытом. Как подчеркивал автор, московская партийная организация настойчиво боролась в 1939 – 1941 гг. за укрепление трудовой и технологической дисциплины. Составной частью этой борьбы стало особое внимание к строгому соблюдению технологических режимов и негативных последствий штурмовщины [18, с. 23–26]. И хотя автор об этом прямо не говорил, отчасти это было направлено против крайностей как раз стахановского движения с его штурмовой практикой. При этом меры по укреплению дисциплины увязывались с борьбой за повышение рентабельности предприятий, за режим экономии. «В ходе борьбы за режим экономии и за выполнение графика повысились культура, возросли порядок, ритмичность, плановость, была в основном изжита штурмовщина в работе предприятий» [18, с. 27]. Как результат, рост объема продукции Москвы и области за первые три года третьей пятилетки составил более 50 %.

В первую половину 1960-х гг. появляются исследования, прослеживающие особенности реализации курса форсированной индустриализации на региональном уровне. Среди них отметим монографию Р. Я. Хабибулиной (1961 г.), посвященную анализу партийного руководства стахановским движением в г. Ленинграде [15]. Дело в том, что от состояния дел в Ленинграде в немалой степени зависел общий тонус советской промышленности. Поэтому руководители городской партийной организации старались соответствовать масштабу требований, быть в авангарде передовых начинаний в организации труда. В частности, накануне рождения стахановского почина здесь успешно была проведена кампания по сдаче рабочими государственных технических экзаменов (ГТЭ). За 1935 г. на заводах тяжелой промышленности города было охвачено технической учебой более 80-ти тыс. человек, 98 % общего состава рабочих. Из них сдали экзамены почти 100 %, причем 68,6 % получили хорошие и отличные оценки [15, с. 32]. Как следствие, рост технической подготовки рабочих кадров положительно сказывался на состоянии производительности ленинградских предприятий. Правда, попытки внедрения форм соревнования, направленных на кардинальное улучшение качественных показателей производства не могли найти массового отклика на низовом уровне («отличничество», отказ от государственных дотаций). И не потому только, что, как отмечала автор, здесь помехой, как для «отличничества», выступало отсутствие адекватных форм поощрения. Вся совокупность действовавших производственных отношений не могла не воспроизводить логику количественных ориентиров в экономическом поведении субъектов производства. Именно поэтому стахановский почин и стал в это время наиболее адекватной формой мобилизации работников на достижение рекордных показателей выработки.

Рекорд А. Стаханова достаточно быстро был подхвачен на ленинградских предприятиях. Уже 21 сентября 1935 г. Н. Сметанин, переплетчик ленинградской фабрики «Скороход», обработал на перетяжной машине 1400 пар обуви при норме 650 пар, став застрельщиком стахановского движения в обувной промышленности. К концу

октября на этом предприятии насчитывалось 1287 стахановцев, в начале ноября – 2 тысячи, что составило 20 % коллектива фабрики [15, с. 50]. Хотя и в меньшем масштабе стахановское движение стало распространяться и в других отраслях ленинградской промышленности. При этом на городском слете стахановцев, на последовавшем за ним городском партийном форуме были озвучены предостережения против «опошления движения». В частности, осуждалась организация бесперебойной работы рекордсменов за счет простоев и перебоев в работе остальных рабочих [15, с. 63].

Между тем провозглашенные руководством ВКП (б) в декабре 1935 г. директивы о необходимости качественного расширения стахановского движения и пересмотре на этой основе норм должны были быть выполнены, прежде всего, на передовых предприятиях советской промышленности. На более качественный уровень предстояло поднять техническую учебу рабочих. В связи с этим С. Орджоникидзе издал приказ от 26 января 1936 г. о техническом обучении рабочих без отрыва от производства. Так, для рабочих, сдавших ГТЭ в 1935 г., организовывались курсы повышенного типа – стахановские курсы. Впрочем, отмечала Р. Я. Хабибулина, формы передачи передового опыта были весьма многообразны. Это – шефство стахановца над молодым рабочим, индивидуальная помощь, обмен опытом на производственных совещаниях, лекции в клубах, выступления на радио и т.д. С другой стороны, отмечала автор, «на некоторых предприятиях Ленинграда техническая учеба была поставлена плохо: имелись еще элементы формализма, казенщины, учеба не связывалась с практическими задачами бригады, участка, цеха, завода» [15, с. 118]. В свою очередь качественному расширению движения должны были служить такие его формы, как проведение стахановских смен, суток, пятидневок, декадников. «Значение их было в том, что они вскрывали подлинные производственные возможности заводов, на них проверялось умение командиров производства по-новому организовывать производство» [15, с. 121].

Примеры проведения в жизнь этих новых форм движения в Ленинграде отражали общие закономерности советского производства. Разовые успехи, достигнутые за счет чрезвычайной мобилизации ресурсов, не могли быть устойчивыми во времени. К тому же достигнутые количественные показатели не сочетались с желаемыми качественными характеристиками выпускаемой продукции. И суть этого феномена, конечно, заключалась не «в отсутствии должного руководства», как полагала автор, а в принципиальной невозможности перевода штурмового порыва в устойчивый ритм труда на основе существующих форм организации производства и его технической базы. В этом отношении пересмотр норм выработки имел гораздо более значимое влияние на меру интенсивности труда советских рабочих. В частности, на Кировском заводе нормы были повышены на 35 %, на фабрике «Скороход» – на 34,3 %. В марте-апреле 1936 г. на заводах Ленинграда было инициировано соревнование под лозунгом освоения повышенных норм. Тогда же в коллективах Кировского завода, им. Ленина, «Электросила» стала распространяться новая форма движения – выпуск стахановских машин, агрегатов. Это означало, что на заводах с длительным производственным циклом выделялись важные и сложные заказы, работа над которыми организовывалась «по-стахановски». А затем на этой основе возникли сквозные стахановские бригады, соревнование конвейеров.

В целом же успехи стахановского движения в Ленинграде были налицо. К июню 1936 г. на предприятиях города насчитывалось уже 180 тыс. стахановцев. Производительность ленинградских машиностроителей за 7 месяцев 1936 г. увеличилась на 50 %; на Кировском заводе прирост продукции составил 61,3 % [15, с. 147–148]. Правда, в «грознном» постановлении Ленинградского обкома ВКП (б) от 5 апреля 1936 г. констатировались факты бюрократического опошления стахановского почина на ряде предприятий города. Зачастую оно превращалось в набор схем или вообще предоставлялось самотеку. Действительно, формально-бюрократический подход, «потеря вкуса» к движению не могли не привести к определенным барьерам на пути

его развития. Поэтому отнюдь не случайно городской комитет партии отмечал ухудшение работы целого ряда предприятий города в августе-сентябре 1936 г. К тому же, по мнению исследователя, надо было принимать во внимание обстоятельства времени: стахановцы 30-х гг. повышали свою производительность за счет полного использования имеющейся техники. Требовать же от них совершенствования техники, как предлагалось на Кировском и Металлическом заводах, это было проявлением бюрократической «маниловщины» [15, с. 152].

Между тем подспудные изменения в советской историографии 60 – 70-х гг. имели отношение и к освещению стахановского движения. Особого внимания в этой связи заслуживают работы авторов, активно работающих прежде в качестве журналистов в годы индустриальных преобразований. Теперь они публиковали книги, в которых попытались соединить как достоинства образной публицистики своего прежнего журналистского опыта, так и требований собственно научного анализа. Так, С. Р. Гершберг в центр своего повествования поставил историю возникновения и развития стахановского движения, тесно связанного с новаторством первой пятилетки (первое издание – 1981 г.) [2]. «В ходе развертывания изотовского движения, – отмечал он, – выявилась огромная тяга рабочих к приобретению квалификации. На многих предприятиях начали создаваться кружки по изучению технического минимума. Сами рабочие требовали установления обязательного минимума знаний, в первую очередь для важнейших профессий» [2, с. 30]. Эта тяга рабочих соответствовала потребностям нового этапа советской индустрии, в том числе на Донбассе. Ведь повышенные производственные задания даже при насыщении шахт механизмами могли быть выполнены при сокращении разрыва между низким уровнем средней производительности и высокой производительностью передовых рабочих. В основе этого разрыва, по С. Р. Гершбергу, лежало несколько причин. Прежде всего, это – недостатки технического руководства, оборачивающиеся несоблюдением графика работ, простоями и авариями подземного транспорта. «Но были и более глубокие причины, коренившиеся в самой системе работ по добыче угля, в значительной мере устаревшей... Среди причин, тормозивших рост производительности труда, особую остроту в тот период приобрели две: недостаточный фронт работы и отсутствие разделения труда в работе» [2, с. 39]. Теперь углубление процесса механизации Донбасса создало предпосылки для практического воплощения «метода Стаханова».

Новаторство не ограничилось угольной отраслью. Свои стахановцы выдвинулись в машиностроении, металлургии, легкой и пищевой промышленности. И хотя в каждой отрасли промышленности и транспорта была своя специфика, всех новаторов отличало глубокое овладение техникой своего дела. Как отмечал автор, на первом Всесоюзном совещании стахановцев обосновывался ряд ведущих методов высокопроизводительного труда. Это – разделение труда, увеличение рабочего времени, количества обслуживаемых станков, а также интенсификация работы машин и агрегатов [2, с. 102–103]. Вместе с тем для реального воплощения этих методов нужна была критическая оценка установленной технологии, системы планирования. Необходимо было пересмотреть практику материально-технического снабжения, начисления заработной платы и т.д. Требовалось активное вовлечение в движение инженерно-технических работников [2, с. 107].

Впредь в качестве первоочередной выдвигалась задача перехода от отдельных рекордов к увеличению выпуска продукции в масштабе всего предприятия. При этом формами коллективной работы в этот период выступали стахановские смены и сутки, а также увеличение выпуска продукции с наличного оборудования предприятий. Как отмечал автор, на пути этого живого дела возникли серьезные трудности. «Кое-где в погоне за цифрой, за процентом переименовывали в стахановцев отдельных рабочих и целые бригады, не изменившие методов своей работы, устанавливали «контрольные цифры» увеличения числа стахановцев» [Там же, с. 119]. И все же главное значение имел факт утверждения на основе стахановского движения более высоких норм

выработки. В конечном счете, это определяло макроэкономический эффект. Если в 1933 – 1935 гг. максимальный прирост выработки на одного работника крупной промышленности не превышал 15,6 %, то в 1936 г. производительность труда в промышленности выросла на 26,1 % [2, с. 162]. Впрочем, С. Р. Гершберг не обошел без внимания и фактов своеобразного приглушения столь пафосного движения. С трибун зазвучала критика «голого рекордсменства», создания «тепличных условий» для передовиков-стахановцев. Все большее внимание в экономике начинали уделять системным вопросам хозяйствования – цикличности, трудовой дисциплине, более нейтральным формам социалистического соревнования [2, с. 172, 176–178]. Для автора было очевидно, что движение уходило с авансцены политико-хозяйственного обеспечения первоочередных задач советской экономики.

Действительно, методологические рамки, относящихся к рассмотрению вопросов развития советской экономики, уже в семидесятые годы начинают терять присущую им жесткость, даже в рамках так называемого историко-партийного подхода. В полной мере это относится к исследованию В. А. Сахаровым феномена стахановского движения на примере автотракторной промышленности (1985 г.) [12]. Разумеется, автор следовал всем основным идеологическим клише, но ценность проделанной работы заключалась в рассмотрении движения сквозь призму рациональных поведенческих практик на основе обобщения существенного массива эмпирических данных. Так, он обращал внимание на то, что стимулирующая роль денег в годы первой и в начале второй пятилетки не могла получить широкого распространения. И лишь отмена продовольственных карточек в 1935 г. создала объективные условия для проявления мощного мотивационного фактора денег. Кроме того, кардинальное изменение производственно-технического аппарата советской промышленности в годы первой пятилетки было дополнено в начале второй пятилетки широким движением технического обучения рабочих. Так, в 1934 г. до 50 % всех рабочих автотракторной промышленности оказалось охвачено обучением в системе техминимума, и к 1 июня в автотракторной промышленности ГТЭ сдали 40 400 рабочих [12, с. 22–23]. Подавляющее большинство рабочих отрасли выполняло и перевыполняло нормы выработки. И, кроме того, в отрасли был накоплен опыт организации соревнования. К середине 1935 г. среди соревнующихся рабочих отрасли до 73 – 75 % квалифицировались в качестве ударников; 27 % рабочих автомобильных и 22 % тракторных заводов входили в состав хозрасчетных бригад [12, с. 26]. «Накопившиеся подспудно, в течение ряда лет навыки, знания, умение должны были вызвать качественный скачок во всей совокупности методов работы... Он должен был проявиться в резком повышении производительности труда сразу у значительной части рабочих, а не у отдельных мастеров труда, как это имело место ранее (выд. автором – С. В.)» [12, с. 27]. К тому же развертывание движения в отрасли обуславливалось как необходимостью выполнения более напряженных производственных заданий, так и мощным импульсом стахановского примера.

Летопись стахановского движения в автотракторной отрасли начинается с рекордной выработки кузнецов Горьковского автомобильного завода. Ценность почина кузнеца ГАЗ А. Х. Бусыгина заключалась в том, что, как и ряд других пионеров движения, он смог найти практические средства реализации стахановской идеи в условиях отдельного производства. «Суть нового метода работы состояла в правильной расстановке сил в бригаде, уплотнении рабочего дня, увеличении машинного времени, усилении режимов работы молота и в сокращении времени за счет устранения лишних движений и большей их ритмичности» [12, с. 32]. Эти усилия были поддержаны материальным вознаграждением. Бусыгину была предоставлена квартира с полной обстановкой.

С 1 октября 1935 г. в производственных цехах вводилась прогрессивно-сдельная оплата труда, и для поощрения стахановцев были выделены соответствующие денеж-

ные средства. Беспрецедентная производственно-политическая кампания, развернутая на всех предприятиях отрасли, способствовала тому, что к концу сентября 1935 г. стахановское движение охватило все основные заводы автотракторной промышленности [12, с. 32–35]. Дальнейшему расширению движения содействовал целый комплекс не только пропагандистских, но и организационно-политических мер, проводимых через парткомы и профкомы цехов и заводов. В частности, для обмена опытом завкомы рекомендовали на цеховых собраниях заслушивать доклады стахановцев об их методах, внедрять опыт работы комплексных бригад, намечали меры по организации общеобразовательной учебы стахановцев. Профкомы, отмечал В. А. Сахаров, настаивали на недопустимости самовольного пересмотра норм выработки, что могло привести к дискредитации стахановского движения [12, с. 38–39]. Кроме того, для расширения стахановского движения необходимо было подключение к нему широких слоев инженерно-технических работников. Этой цели служили цеховые и заводские слеты стахановцев, технические конференции ИТР, совещания стахановцев и ИТР, на которых принимались соответствующие решения об изменениях в организации труда и производственного процесса. И наиболее эффективной формой их реализации были комплексные бригады, содействовавшие созданию условий для максимального использования оборудования [12, с. 40–41].

Размышляя над причинами утверждения стахановского движения, В. А. Сахаров подчеркивал, что хотя в нем переплетались элементы инициативы рабочих «снизу» и организации «сверху», оно было, прежде всего, процессом организованным и не могло быть другим. Одновременно движение стахановцев имело громадное воспитательное значение. Оно «способствовало повышению у советских людей веры в свои силы и уверенности в победе над внешними врагами..., развитию чувства патриотизма» [12, с. 46]. Вместе с тем, судьба движения, отмечалось в монографии, зависела главным образом от его влияния на общее состояние производства. А это подразумевало, в конечном счете, повышение норм, о чем правительство и поведало на Первом Всесоюзном совещании в Кремле в ноябре 1935 г. Последовавшие затем отраслевые конференции уже определили конкретные параметры повышенных норм выработки. «Стахановское движение, – смягчал суть коллизии В. А. Сахаров, – обеспечивало повышение производительности труда за счет максимального использования самой техники, а не чрезмерных темпов работы» [12, с. 57]. Новые нормы были введены в отрасли в апреле-мае 1936 г., правда, как выяснилось, отдельные нормы были увеличены «неоправданно». Поэтому при пересмотре норм в апреле уже 1937 г. эти недостатки были устранены, и «...к концу 1937 г. подавляющим большинством рабочих новые нормы были успешно освоены» [12, с. 59]. При этом, как отмечал В. А. Сахаров, в 1936–37 гг. материально-бытовое обслуживание стахановцев практиковалось в гораздо большем масштабе, чем в 1935 г. «На Горьковском автозаводе к концу 1937 г. уже 800 семей стахановцев получили жилплощадь в новых благоустроенных домах «бусыгинского» квартала. Практиковались ремонт комнат и квартир стахановцев за счет завода, как например на Московском автозаводе, а также выдача стахановцам безвозвратных ссуд для ремонта жилья (на ЯАЗ, ККАРЗ и других заводах» [12]. Стахановцам в первую очередь выдавались путевки в дома отдыха, их также премировали дефицитными товарами, а лучшие из них стали владельцами автомашин. Вместе с тем, ключевую роль в стимулировании стахановской работы играла индивидуальная сдельная форма оплаты труда, в особенности ее прогрессивная разновидность. И здесь обнаружились определенные издержки. Неоправданное расширение сверх определенной меры прогрессивно-сдельной формы оплаты труда оборачивалось перерасходом фонда заработной платы. Становилось ясно, что эту форму было экономически оправданно вводить на наиболее важных производственных участках производства. Поэтому в 1937 г. произошло сокращение доли рабочих, оплачиваемых подобным образом. Кроме того, прогрессию стали исчислять за перевыполнение не сменной нормы выработки, а за платежный период (12 дней) [12, с. 60–61].

Как всякое динамичное и сложное явление, стахановское движение, по мнению автора, не могло не обнаруживать в своем развитии ряд трудностей и недостатков. Свои позиции утрачивало ударничество. Кроме того, «в 1936 – 1937 гг. особую опасность для стахановского движения представляло увлечение подготовкой рекордов, хотя бы и массовых, в ущерб созданию условий, позволявших всем рабочим постоянно работать по-стахановски» [12, с. 69]. По мнению В. А. Сахарова, стахановское движение имело дальнейшую перспективу в своем развитии, заключающуюся, прежде всего, в переходе к стахановским методам второго поколения. Ведь методы первого поколения (уплотнение рабочего дня, увеличение режимов работы оборудования) имели свои естественные ограничения. Поэтому важно было перейти к совершенствованию технологических процессов на основе технического творчества передовых рабочих, в чем и заключалась суть стахановских методов второго поколения. Однако, сам автор был вынужден согласиться с тем, что этот метод в годы второй пятилетки не получил широкого распространения. Применение второго подхода предполагало «относительно более высокий уровень технической грамотности рабочих; к тому же возможность стахановских методов первого поколения (особенно в производственных цехах) еще не была использована до конца» [12, с. 80].

Рассуждения В. А. Сахарова относились к более общей проблеме реконструкции советских предприятий на основе передового мирового и отечественного опыта. Однако очевидно, что стахановцы не могли выступать носителями научно-технической мысли, а также организаторами производственных процессов. Собственно, это обнаруживалось при переходе к систематической стахановской работе целых коллективов заводов и фабрик. А такие попытки предпринимались в отрасли уже со второй половины ноября 1935 г., когда на работу по-стахановски были переведены сборочные конвейеры Харьковского и Сталинградского тракторных заводов [12, с. 81]. Правда, возможности коллективной стахановской работы были с самого начала ограничены. Для этого попросту не существовало производственной основы, в частности в отношении работы смежников, вспомогательных цехов и т.д. Это же в полной мере относилось к организации стахановских смен, суток, декад и месячников. «Стало ясно, что стремительной «атакой» поставленной цели не достичь, что для этого необходимо не столь быстрое, но более систематическое, планомерное «наступление», в ходе которого будет проведена необходимая организационно-техническая перестройка производства и накоплен большой опыт стахановской работы цехов и заводов» [12, с. 85]. Понятно, что стахановское давление на производственные процессы имело свои пределы. Уже в 1936-37 гг. обозначилось сокращение общего количества стахановских коллективов, а наиболее распространенной формой коллективной стахановской работы стала организация стахановских декад, месячников и т.п. Автор констатировал и стабилизацию удельного веса стахановцев в отрасли на уровне 24 – 36 % от всего количества всех рабочих [12, с. 96].

В целом же, полагал исследователь, стахановское движение помогло автотракторной промышленности выполнить напряженные планы 1935, 1936, 1937 гг. Однако это выполнение все же потребовало большей, чем прежде, интенсивности труда. Как замечал В. А. Сахаров, повышенные нормы выработки 1936 г. не выполнялись от 18 до 40 % рабочих. Причем среди рабочих, освоивших новые нормы, около 50 % выполняли их лишь в пределах нормы – на 100 – 125 % [12, с. 103]. То есть главное, в русле авторского понимания проблемы, заключалось в том, что стахановское движение стало важным фактором повышения интенсивности труда в предвоенные годы. Достижения передовых рабочих становились нормированным ориентиром для всех советских рабочих, а это предполагало проведение в жизнь целого комплекса экономических, технических и организационных мероприятий, в совокупности повысивших общий уровень эффективности советского производства.

Таким образом, стахановское движение, как одно из ключевых явлений советского производства, стало предметом изучения нескольких поколений советских историков. Если первоначально, по живым следам, акцент ставился на внешнем описании стахановского движения и его общих чертах, то в монографиях конца тридцатых годов (И. И. Кузьминов, О. А. Ерманский) предметом анализа уже становились непростые вопросы его включения в работающие механизмы советского производства. Были раскрыты главные слагаемые успешного сдвига в производственной культуре этого периода – рост технической вооруженности труда и его организации, повышение технической грамотности рабочих, развитие и поощрение их технического творчества. Вместе с тем, были обозначены и крупные проблемы, связанные с развитием движения. Нередко стахановская работа не охватывала всего производственного процесса, нарушала устойчивый ритм производства. К тому же, как справедливо писал О. А. Ерманский, за внешним вниманием к стахановскому движению могла скрываться так называемая «линия наименьшего сопротивления», то есть инициировался процесс мускульной интенсификации труда через механическое повышение норм выработки.

Конечно, значительная часть историков 50 – 60-х гг. видели свою задачу в том, чтобы обозначить главные, имеющие идеологическое значение, черты движения, показать их преломление на региональном материале, подчеркнуть роль партийного руководства. Вместе с тем, в восьмидесятые годы пробуждается интерес к более общим вопросам стахановского движения. Так, С. Р. Гершберг показал его непростую эволюцию, позволившую в конечном счете повысить производительность труда за счет разделения труда и общего увеличения актуального рабочего времени. В свою очередь В. А. Сахарову удалось конкретизировать ряд ключевых проблем стахановского движения, которые приходилось исправлять в дальнейшем: «пережим» в повышении норм, неоправданное расширение сверх определенной меры прогрессивно-сдельной формы оплаты, рекордсменство. Фактически автор подходил к более фундаментальному выводу о том, что стахановское движение кардинально не могло изменить общие недостатки советского производства: слабую техническую основу, недостатки снабжения, общую низкую культуру производства. Тем не менее, исходя из принципа историзма, В. А. Сахаров справедливо подчеркивал, что стахановское движение стало важным фактором повышения интенсивности труда в предвоенные годы. Ведь предстоящая война, как мы знаем, потребовала особого напряжения труда.

Список источников и литературы

1. *Войтович В. Ю. Зарождение стахановского движения – путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 13–19.*
2. *Гершберг С. Р. Стаханов и стахановцы. 2-е изд. М.: Политиздат, 1985. 208 с.*
3. *Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. 372 с.*
4. *Кузьминов И. И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. 220 с.*
5. *Лень П. М. Алексей Стаханов. Взлёт и забвение. Тула: Гриф и К, 2006. 450 с.*
6. *Миргородова Ю. М. Стахановское движение на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в 1933 – 1940 гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 5 (81). С. 95–99.*
7. *Невзорова И. В. Что значит работать «по-стахановски»? О критериях стахановского труда (на материалах Оренбургской области) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб.*

- ст. междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. Т. 1. С. 232–236.
8. Нефедьев Н. История возникновения стахановского движения // Исторический журнал. 1941. № 1. С. 31–41.
  9. Романов Р. Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941 – 1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 69–80.
  10. Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935 – 1938 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 1 (3). С. 201–210.
  11. Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения 1935 – 1938 гг. [Окончание] // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2 (4). С. 196–206.
  12. Сахаров В. А. Зарождение и развитие стахановского движения (на материалах автотракторной промышленности). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985. 121 с.
  13. Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь–ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56.
  14. Стаханов А. Г. Рассказ о моей жизни. М.: СОЦЭКГИЗ, 1937. 189 с.
  15. Хабибулина Р. Я. Ленинградские коммунисты – организаторы стахановского движения. (1935 – 1937 гг.). Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 171 с.
  16. Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. Т. 56, № 3. С. 71–80.
  17. Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65), ч. 1. С. 190–194.
  18. Чигринов Г. А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939 – 1941 годах // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

References

1. Voytovich V. Iu. Zarozhdeniye stakhanovskogo dvizheniya – put' k sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu Rossii (na materialakh Udmurtii). [The birth of the stakhanovite movement – a way to socio-economic development of Russia (on materials of the Udmurt Republic)] *Nauchnoe obozreniye. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific Review. Economic Sciences]. 2017. Pp. 13–19. [In Russian].
2. Gershberg S. R. *Stakhanov i stakhanovtsy*. [Stakhanov and the Stakhanovites]. Ed. 2. Moscow: Plitizdat publ, 1985. 208 p. [In Russian].
3. Ermanskiy O. A. *Stakhanovskoye dvizheniye i stakhanovskiye metody*. [The Stakhanov movement and Stakhanov methods]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izd-vo publ, 1940. 372 p. [In Russian].
4. Kuz'minov I. *Stakhanovskoye dvizheniye – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya*. [The Stakhanov movement is the highest stage of the socialist competition]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo publ, 1940. 220 p. [In Russian].
5. Len' P. M. *Aleksey Stakhanov. Vzlet i zabveniyeye*. [Alexey Stakhanov. Rise and oblivion]. Tula: Grif i K publ, 2006. 450 p. [In Russian].

6. Mirgorodova Yu. M. Stakhanovskoye dvizheniye na predpriyatiyakh sveklosakharnoy promyshlennosti Kurskoi oblasti v 1933 – 1940 gg. [The Stakhanov movement at the enterprises of the sugar beet industry of the Kursk region in 1933 – 1940]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of RSSU]*. 2010. No. 5 (81). Pp. 95–99. [In Russian].
7. Nevzorova I. V. Chto znachit rabotat' "po-stakhanovski"? O kriteriyakh stakhanovskogo truda (na materialakh Orenburgskoy oblasti). [What does it mean to work "in the Stakhanov way"? About the criteria of Stakhanov labor (based on the materials of the Orenburg region)]. *Desiatyye Bol'shakovskiy chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2 vols. Ed. by S. V. Lyubichankovskiy. 2020. Pp. 232–236. [In Russian].
8. Nefed'ev N. Istoriya vozniknoveniya stakhanovskogo dvizheniya. [The history of the formation of the Stakhanov movement]. *Istoricheskiy zhurnal*. 1941. No. 1. Pp. 31–41. [In Russian].
9. Romanov R. E. Arkhetip, traditsiya, modern: fenomen stakhanovskogo truda 1941–1945 godov (na materialakh sibirskogo voenproma) [Archetype, Tradition, Modern: the Phenomenon of Stakhanov's Work 1941 – 1945 (Based on the Materials of the Siberian Military Industry)]. *Historical Courier (Istoricheskiy Kurier)*. 2020. No. 1 (9). Pp. 69–80. [In Russian].
10. Ryabikin S. P. Ekonomicheskoye i politicheskoye sodержaniye stakhanovskogo dvizheniya. [Economic and political content of the Stakhanov movement]. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 1997. Vol. 1(3). Pp. 201–210. [In Russian].
11. Ryabikin S. P. Ekonomicheskoye i politicheskoye sodержaniye stakhanovskogo dvizheniya. [Economic and political content of the Stakhanov movement]. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 1997. Vol. 2(4). Pp. 196–206. [In Russian].
12. Sakharov V. A. Zarozhdeniye i razvitiye stakhanovskogo dvizheniya (Na materialakh avtotraktornoy promyshlennosti). [The origin and development of the Stakhanov movement (Based on the materials of the automotive industry)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU imeni M. V. Lomonosova publ, 1985. 121 p. [In Russian].
13. Selitskiy V. Nachalo stakhanovskogo dvizheniya v Leningrade (sentyabr'-noyabr' 1935 g.). [The beginning of the Stakhanov movement in Leningrad (September-November 1935)]. *Voprosy istorii*. 1951. No 11. Pp. 28–56. [In Russian].
14. Stakhanov A. G. Rasskaz o moyey zhizni. [The story of my life]. Moscow: SOTS'EKGIZ publ, 1937. 189 p. [In Russian].
15. Khabibulina R. Ya. Leningradskie kommunisty – organizatory stakhanovskogo dvizheniya. (1935 – 1937 gg.) [Leningrad Communists – organizers of the Stakhanov movement]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta publ, 1961. 171 p. [In Russian].
16. Khlevnyuk O. V. Stalinskiy period sovetskoy istorii. Istoriograficheskiye tendentsii i nereshennyye problemy [The Stalinist period of Soviet history. Historiographical trends and unsolved problems]. *"Ural'skiy istoricheskiy vestnik" ("Ural Historical Journal")*. 2017. Pp. 71–80. [In Russian].
17. Chemodanov P. A. Sovetskiy stakhanovets vtoroy poloviny 1930-kh godov kak kul'turno-psikhologicheskii tip. [The Soviet Stakhanovite of the second half of the 1930s as a cultural-psychological type]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culture and Art Study. Theory and Practice Matters]*. Tambov: Gramota publ, 2016. No 3(65): 2 parts. Part 1. Pp. 190–194. [In Russian].

18. Chigrinov G. A. Sotsialisticheskoye sorevnovaniye i stakhanovskoye dvizheniye v promyshlennosti Moskvy i Moskovskoy oblasti v 1939 – 1941 godakh. [Socialist competition and the Stakhanov movement in the industry of Moscow and the Moscow region in 1939 – 1941]. *Voprosy istorii*. 1952. No 6. Pp. 3–29. [In Russian].

Дата поступления статьи: 17.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 17.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторах

Володин Сергей Филиппович,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социальных наук ФГБОУ ВО
«Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: volodin93@yandex.ru).

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и археологии ФГБОУ ВО
«Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: volodina.tatiana2016@yandex.ru).

Information about the Authors

Volodin Sergey Filippovich,
PhD in History, Associate Professor,
Chair of Social Sciences,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: volodin93@yandex.ru).

Volodina Tatyana Andreevna,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: volodina.tatiana2016@yandex.ru).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Семантика и прагматика языковых единиц

УДК 81'37:811.161.1+811.133.1

ББК 81.033

DOI 10.22405/2712-8407-2021-2-62

UDC 81'37:811.161.1+811.133.1

LBC 81.033

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА АДЪЕКТИВНОЙ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТЕПЕНЬ ОПЫТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

О. И. Авдеева

*Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)*

М. М. Тлевцежева

*Адыгейский государственный университет
(г. Майкоп, Россия)*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме сопоставления структуры и семантики русских и французских фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека». Так как большинство фразеологизмов любого языка носят антропохарактеризующий характер, а одной из важнейших характеристик человека является его социальное положение, то сопоставительное изучение фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» как одной из существенных характеристик его социального положения является вполне актуальным. Помимо этого, сопоставительное исследование фразеологизмов служит базой для изучения обоих языков, а также вносит определенный вклад в практику перевода.

Изучение фразеосемантических полей и групп воплощает реализацию ономазиологического подхода к анализу фразеологического материала, что наиболее соответствует его природе и вследствие этого является наиболее продуктивным.

При сопоставлении русских и французских фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» выявлены как общие, так и отличительные черты в плане структуры и семантики. Общие черты наблюдаются в строении фразеосемантических групп, в оценочной характеристике фразеологизмов, а в ряде случаев в их внутренней форме. Анализ фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» в обоих языках позволил выявить стройную структуру данных групп, в состав которых входят следующие семантические группировки фразеологизмов: подгруппы, микрогруппы (факультативно), синонимические блоки, синонимические ряды.

В составе фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» и в русском, и французском языках выявлены ядерные и периферийные фразеологизмы.

Отличительными чертами русских и французских фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» являются следующие: количественное наполнение некоторых семантических группировок, отсутствие в некоторых случаях соответствий в одном из языков, а также наблюдающиеся в большинстве случаев отличия во внутренней форме фразеологизмов. Наиболее ярко различия проявляются во внутренней форме фразеологизмов, содержащих национально-специфический культурный компонент.

Фразеосемантическая группа со значением «степень опытности человека» в совокупности с другими фразеосемантическими группами входит в состав фразеосемантического поля «социальная характеристика человека». Благодаря наличию периферийных фразеологизмов возникает явление пересечения фразеосемантических групп, посредством чего создается единое

фразеосемантическое поле «социальная характеристика человека». В свою очередь, фразеосемантическое поле «социальная характеристика человека», пересекаясь с другими фразеосемантическими полями, формирует фразеологический корпус языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фраземы, фразеосемантическое поле, сопоставительная фразеология, русская фразеология, французская фразеология, социальная характеристика человека, опытный, неопытный.

STRUCTURE AND SEMANTICS OF THE ADJECTIVE PHASEOSEMANTIC GROUP "DEGREE OF HUMAN EXPERIENCE" IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

O. I. Avdeeva

*Moscow Pedagogical State University (MPGU)
(Moscow, Russia)*

M. M. Tlevtsezheva

*Adyghe State University (ASU)
(Maykop, Russia)*

Abstract. This article is devoted to the issue of comparing the structure and semantics of Russian and French phraseological-semantic groups with the meaning "the degree of a person's experience". Most of the phraseological units of any language are of an anthropocharacterizing nature, and one of the most important characteristics of a person is their social position. Therefore, a comparative study of phraseological semantic groups with the meaning "the degree of a person's experience" as one of the essential characteristics of one's social position is quite relevant. In addition, a comparative study of phraseological units serves as a basis for the study of both languages, and makes a certain contribution to the practice of translation.

The study of phraseological semantic fields and groups embodies the implementation of the onomasiological approach to the analysis of phraseological material, which is most consistent with its nature and, as a result, is the most productive.

When comparing the Russian and French phraseosemantic groups with the meaning "the degree of human experience", both common and distinctive features in terms of structure and semantics were revealed. Common features are observed in the structure of phraseosemantic groups, in the evaluative characteristics of phraseological units, and in some cases in their internal form. The analysis of phraseological semantic groups with the meaning "the degree of human experience" in both languages revealed a harmonious structure of these groups, which include the following semantic groupings of phraseological units: subgroups, microgroups (optional), synonymous blocks, synonymous series.

In the composition of phraseosemantic groups with the meaning "the degree of a person's experience" both in the Russian and French languages, nuclear and peripheral phraseological units have been identified.

Distinctive features of Russian and French phraseological semantic groups with the meaning "degree of human experience" are the following: the quantitative content of some semantic groupings, the absence in some cases of correspondences in one of the languages, as well as the differences observed in most cases in the internal form of phraseological units. The differences are most clearly manifested in the internal form of phraseological units containing a nationally specific cultural component.

The phraseosemantic group with the meaning "the degree of a person's experience" in conjunction with other phraseosemantic groups is part of the phraseosemantic field "social characteristics of a person." Due to the presence of peripheral phraseological units, the phenomenon of intersection of phraseological-semantic groups arises, by means of which a single phraseological-semantic field "social characteristics of a person" is created. In turn, the phraseological-semantic field "social characteristics of a person", intersecting with other phraseological-semantic fields, forms the phraseological corpus of the language.

Keywords: phraseological units, phrasemes, phraseosemantic field, comparative phraseology, Russian phraseology, French phraseology, social characteristic of a person, experienced, inexperienced.

Введение

Сопоставительные фразеологические исследования служат лингвистической базой для усовершенствования уже существующих методик обучения иностранным языкам и для создания новых, более совершенных методик, а также способствуют дальнейшему развитию теории и практики перевода. Актуальность сопоставительного исследования русских и французских фразеологизмов со значением «степень опытности человека» объясняется тем, что данная фразеосемантическая группа (ФСГ) является частью обширного фразеосемантического поля «социальная характеристика человека», которое в совокупности с другими полями образует антропохарактеризующий пласт фразеологии, доминирующий в составе фразеологического корпуса любого языка, в том числе русского и французского. Помимо этого, сопоставительный анализ фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» в русском и французском языках позволяет глубже исследовать национальную специфику фразеологического корпуса каждого из языков.

Цель данной статьи – выявить особенности структуры и семантики фразеосемантических групп со значением «степень опытности человека» в русском и французском языках.

Ономасиологический подход к изучению фразеологического материала языка наиболее продуктивен, т.к. использование единиц фразеологии в речи опирается на их значение, а не на компонентный состав (на что опирается семасиологический подход к изучению фразеологизмов). В этом заключается специфика фразеологического материала в сравнении с лексическим. Поэтому исследование фразеосемантических полей и групп представляется «наиболее соответствующим природе фразеологического материала» [2, с. 13] и находит широкое применение в практике изучения языков и в практике перевода.

Значения исследуемых фразеологических единиц устанавливаются при помощи приёма идентификации, разработанного Ш. Балли [4] и описанного в рамках исследования русской фразеологии Р. Н. Поповым [8, с. 40–41], Ю. А. Гвоздарёвым [6] и др. Однако следует отметить, что данный приём позволяет установить приблизительное значение фразеологизма, т.к., по справедливому замечанию Ю. А. Гвоздарева, нельзя признать тождественным значение слова и фразеологической единицы [6, с. 149].

Характеризуя единицы лексико-семантического поля с точки зрения их категориальной отнесенности, В. П. Абрамов отмечал, что каждый раз они употребляются «как единицы того или иного лексико-семантического класса слов, обладая всеми его семантическими, структурными и функциональными свойствами» [1, с. 48]. Данное положение применимо и к фразеологическим единицам, о чем свидетельствует анализ фразеологического материала.

Фраземы (термин Н. Ф. Алефиренко [3, с. 4]) со значением «степень опытности человека» с точки зрения их категориальной отнесенности чаще всего представляют собой адъективные фразеологические единицы. Адъективными называются фраземы, обозначающие признак предмета или лица, их значение идентифицируется прилагательными, полными или краткими, или адъективными словосочетаниями [9, с. 13]. Данный разряд фразеологизмов, по терминологии А. М. Чепасовой, называется призначным. Например, **стреляный (старый) воробей** означает ‘многоопытный человек, которого трудно обмануть’.

Фразеосемантические группы, подобно полям, имеют ядро и периферию. Ядерными являются фразеологизмы, основное значение которых совпадает со значением

фразеосемантической группы, формальным показателем в этом случае являются значения, отраженные в словарях. Периферийными являются фразеологизмы, которые имеют другое основное значение и входят в данную фразеосемантическую группу по своему неосновному значению, т.е. могут быть использованы в речи в значении данной фразеосемантической группы; при этом данное значение фразеологизма, как правило, не отражается в словарях.

Анализ

Адъективная фразеосемантическая группа со значением «степень опытности человека» представляет собой совокупность фразеологических единиц, характеризующих наличие или отсутствие опыта у человека.

Фразеосемантическая группа «*степень опытности человека*» образована на основе архисемы «степень опытности» и делится на 2 антонимичные подгруппы: «опытный» и «неопытный».

Подгруппа «*опытный*» образована на основе архисемы «большой опыт» и содержит 4 синонимических блока с дополнительными оттенками значения: 1) «многоопытный человек, которого трудно обмануть», 2) «много испытавший, переживший человек», 3) «побывавший в переделках, иногда имеющий безупречное прошлое», 4) «многоопытный, ловкий, сообразительный человек, который своего не упустит».

В каждом синонимическом блоке выделены синонимические ряды, в некоторых случаях одиночные фраземы.

Семемы фразем подгруппы «опытный» имеют в своём составе следующие семы: «признак предмета» + «непроцессуальный признак» + «признак живого предмета» + «качества человека» + «социальные качества человека» + «постоянный/переменный признак человека» + «степень опытности» + «большой опыт» + **архисема (или совокупность архисем) каждого синонимического блока** + «положительная (отрицательная) оценка». Рассмотрим каждую отдельную подгруппу.

1) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «многоопытный человек, которого трудно обмануть» создан на основе архисемы «невозможность обмануть» и содержит русские ядерные фраземы **стреляный (старый) воробей, стреляная (обстрелянная) птица, старый (стреляный, травленный) волк (зверь), тёртый калач** [БФСРЯ: 127], **собаку съел, с понятием кто** [БФСРЯ: 128] – французские ядерные фраземы ***ne pas être à ses premiers amours*** (досл. «влюбиться не впервые») [НБФРФС], ***ancien du papier*** арг (досл. «старый журналист» [НБФРФС: 58], ***chat échaudé*** (досл. «ошпаренный кот» [НБФРФС: 286–287], ***avoir l'oeil américain*** (досл. «иметь американский глаз») [НБФРФС: 1082], а также французские периферийные фраземы ***avoir dans l'oeil*** (досл. «иметь в глазах») [НБФРФС: 1086], ***avoir l'oeil mobile*** (досл. «иметь подвижный глаз») [НБФРФС: 1087], ***cheval de retour*** (досл. «вернувшаяся лошадка») [НБФРФС: 298]. Например: «**Стреляный воробей** этот бывший полицейский! Такого на мякине не проведешь, – пояснил он причину своего смеха» (А. Н. Сабуров. У друзей одни пороги). «*Celle que vous avez est bonne pour la maison. Il vous en faut une autre pour les visites. J'ai vu ça, moi, du premier coup en entrant. J'ai l'oeil américain.* (То платье, что на вас, хорошо для дома. А вам нужно платье для визитов. Я это поняла с первого взгляда. Уж поверьте, у меня **наметанный (опытный) глаз**)» (G. Flaubert. Madame Bovary). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках чаще содержат позитивную оценку, но изредка могут использоваться и с негативной оценкой.

2) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «много испытавший, переживший человек» создан на основе архисемы «много переживаний» и содержит русские ядерные фраземы **выдавший виды, видал (видывал) (всякие) виды, побывавший в переделках, не вчера родился кто, не первый год (раз) замужем кто** [БФСРЯ: 127] – французские ядерные фраземы ***avoir vu le loup*** (досл. «уже видевший волка») [НБФРФС: 907], ***ne pas être né d'hier*** (досл. «не вчера родившийся») [НБФРФС: 1055], ***vieux routier*** (досл. «старый воин»)

[НБФРФС: 1367], **vieux troupiér** (досл. «старый солдат») [НБФРФС: 1552], фр. периферийные фраземы **avoir déjà vu neiger** (досл. «уже видевший, как идет снег») [НБФРФС: 1056], **connaître le tabac** (досл. «знать толк в табаке») [НБФРФС: 1461], **avoir le tour de main** (досл. «иметь сноровку») [НБФРФС: 1521]. Например: «И мы снова начинали понимать его то мольбами, то угрозами, но мужичок, зная, **«видывал виды»** и на мякине его не проведёшь: невозмутим, как истукан» (Д. А. Фурманов. Мятаж). «*Monsieur Barthélémy n'est pas né d'hier, il consentira à ne pas approfondir, à fermer les yeux.* (Господин Бартелеми далеко **не младенец (не вчера родившийся)**). Он охотно согласится не копаться в ее прошлом, закроет на него глаза)» (H. Duvemois. La Poule). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках чаще всего содержат позитивную оценку.

3) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «побывавший в переделках, иногда имеющий небезупречное прошлое» сформирован на основе совокупности архисем «побывавший в переделках» и «сомнительное прошлое» и содержит русские ядерные фраземы **пролётная голова (головушка), пройми (прошедший) (сквозь) (и) огонь (и) воду (огни и воды) (и медные трубы)** [БФСРЯ: 128] – французскую ядерную фразему **savoir le latin** (досл. «знать латынь») [НБФРФС: 886], а также французские периферийные фраземы **vieux marcheur** (досл. «старый ходок») [НБФРФС: 961], **vieux reître** (досл. «старый солдафон») [НБФРФС: 1328], **ancien de la Garde** (досл. «старый вояка») [НБФРФС: 58]. Например: «Ты не гляди, что он грубоват. Его жизнь не баловала. **Прошел огонь, воду и медные трубы**» (Ф. Н. Таурин. Гремящий порог). «*Se trouvant en présence d'un homme qui «entendait le latin», il se replia prudemment dans le maquis de l'esthétique.* (Оказавшись в обществе человека, **«понимающего латынь» (очень опытного)**, он благоразумно ретировался в дебри эстетики)» (R. Rolland. La Foire sur la place). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках имеют как негативную, так и позитивную оценки.

4) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «многоопытный, ловкий, сообразительный человек, который своего не упустит» создан на основе совокупности архисем «сообразительность» и «ловкость, практичность» и содержит русские ядерные фраземы **(парень) не промах** [БФСРЯ: 127], **продувная (хитрая) бестия (шельма)** [БФСРЯ: 86], **не лапоть** и рус. периферийные фраземы **не лыком шит, на ходу подмётки рвёт (режет)** (с основным значением «ловкий, быстрый»), **прожжённый плут** (с основным значением «жуликоватый»), **знает как и что, знает (все) ходы и выходы** (с основным значением «хитрый») [БФСРЯ: 87] – французские ядерные фраземы **rompu aux affaires** (досл. «умелый, опытный в делах») [НБФРФС: 19], **avoir la main rompue à qch** (досл. «набить себе руку на чем-л. ») [НБФРФС: 924], **être orfèvre en la matière** (досл. «быть мастером золотых дел в своем деле») [НБФРФС: 1116], **conserver les pieds au sec** (досл. «сохранить ноги сухими») [НБФРФС: 1202], а также французские периферийные фраземы **n'avoir plus de lait au bout du nez** (досл. «не иметь больше молока на кончике носа») [НБФРФС: 877] (с основным значением «молодой»), **à la redresse прост**, (досл. «удалой, лихой, бравый») [НБФРФС: 1323], **savoir nager** (досл. «уметь плавать») [НБФРФС: 1394] (с основным значением «ловкий, быстрый»). Например: «Но малый, видать, **не промах**, глазки-угольки так и горят. (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны). «*Je me suis mis dans les affaires.* On ne lui a pas demandé quel genre d'affaires. Dans ce milieu, la qualité **qui vous conserve les pieds bien au sec, c'est la discrétion.** Nous ne l'avons jamais oublié. (Я занимаюсь бизнесом». Мы не спросили его, каким именно. Видимо он парень **не промах**. В блатном мире чем меньше вы знаете, тем безопаснее. Этой истины мы никогда не забывали)» (S. Bertheaut. Piaf). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках чаще содержат позитивную оценку, но могут использоваться и с негативной оценкой.

Подгруппа «неопытный» антонимична подгруппе «опытный» и образована

на основе архисемы «малый опыт». Она содержит 3 синонимических блока с дополнительными оттенками значения: 1) «не имеющий жизненного опыта, несведущий, не испытывавший трудностей», 2) «неопытный по молодости», 3) «из-за неопытности попавший в неприятную ситуацию». В каждом синонимическом блоке выделены синонимические ряды, а в ряде случаев – одиночные фраземы.

Семемы фразем подгруппы «неопытный» имеют в своём составе следующие семы: «признак предмета» + «непроцессуальный признак» + «признак живого предмета» + «качества человека» + «социальные качества человека» + «постоянный/переменный признак человека» + «степень опытности» + «малый опыт» + **архисема (или совокупность архисем) каждого синонимического блока** + «отрицательная оценка».

1) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «не имеющий жизненного опыта, несведущий, не испытывавший трудностей» создан на основе совокупности архисем «несведущий» и «отсутствие трудностей» и содержит русские ядерные фраземы **не нюхал пороха (пороху)** [БСФСРЯ: 111], **и не нюхал (чего), не видел (не знал) кузькиной матери (маминой мамы)** – французские ядерные фраземы **c'est un amiral suisse** (досл. «это швейцарский адмирал...») [НБФРФС: 54], **avoir encore son pucelage** (досл. «быть девственником(цей)») [НБФРФС: 1287], **pur comme une oie** (досл. «чистый как гусь») [НБФРФС: 1288]. Например: «Мелешь чепуху, потому что ещё **пороху** как следует **не нюхал**, а послать тебя, так тогда бы и узнал» (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Тёмы). «- ...*Est-ce que j'ai jamais eu le temps d'aimer, moi? Est-ce que je sais ce que c'est qu'une femme? Je suis pur, mon cher, pur comme une oie, ajouta-t-il en éclatant de rire avec beaucoup de bonhomie....* (Разве у меня было время любить? Разве я знаю, что такое женщина? Я **чист как ягненок (неопытный)**, мой милый, - добавил он, разразившись добродушным смехом)» (G. Sand. Horace). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках могут содержать как негативную, так и позитивную оценки.

2) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «неопытный по молодости» создан на основе совокупности архисем «несведущий» и «молодость» и содержит русские периферийные фраземы **нос не дорос, мало каши ел** [БСФСРЯ: 111], **на губах ещё молоко не обсохло, молодо – зелено** [РФ: 382], **из молодых да ранний** [РФ: 444] (с основным значением «молодой») – французские периферийные фраземы **né d'hier** (досл. «вчера родившийся») [НБФРФС: 1055] (с основным значением «молодой»), **être neuf comme un fifre** (досл. «быть новым как флейтист») [НБФРФС: 1058] (с основным значением «новый»), **des jeunes oui** (досл. «**малолетки**»). Например: «Мелко плаваешь, куда тебе до нас! **Мало каши ел**» (Н. Г. Помяловский. Брат и сестра). «*Je suis passé à un stand et j'ai parlé à des jeunes oui* (Около стойки с лимонадом я разговаривал с какими-то **малолетками**)». (Jules Romain. «6 octobre»). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках, в основном, содержат негативную оценку.

3) Синонимический блок с дополнительным оттенком значения «из-за неопытности попавший в неприятную ситуацию» создан на основе архисемы «создание неприятной ситуации» и содержит русские ядерные фраземы **как первый раз замужем** [БСФСРЯ: 111], **как вчера родился** – французскую ядерную фразему **mauvais départ** (досл. – «плохое начало») [НБФРФС: 473]. Например: «Но Лина продолжила: «Ты **как вчера родился**. Голландские и другие европейские овощи, фрукты и ягоды привозят из Китая, это все знают!» (Г. Садулаев. Таблетка). Фраземы данного синонимического блока в обоих языках содержат негативную оценку.

Результаты

Таким образом, адъективная фразеосемантическая группа со значением «степень опытности человека» содержит фраземы, характеризующие наличие или отсутствие опыта у человека. ФСГ «*степень опытности человека*» образована на основе архисемы «степень опытности человека», выделенной в значении каждой фраземы.

Сопоставительный анализ ФСГ «*степень опытности человека*» в русском и французском языках выявил их сходства и различия. К сходным чертам относится близость внутренней формы некоторых фразем, однако при расхождении в значении или его оттенках, например, рус. **на губах ещё молоко не обсохло** (синонимический блок с дополнительным оттенком значения «неопытный по молодости») – фр. **n'avoir plus de lait au bout du nez** (досл. «не иметь больше молока на кончике носа») (синонимический блок с дополнительным оттенком значения «многоопытный, ловкий, сообразительный человек, который своего не упустит»); рус. **как вчера родился** (синонимический блок с дополнительным оттенком значения «из-за неопытности попавший в неприятную ситуацию»), **не вчера родился кто** (синонимический блок с дополнительным оттенком значения «много испытывший, переживший человек») – фр. **ne pas être né d'hier** (досл. «не вчера родившийся») (синонимический блок с дополнительным оттенком значения «много испытывший, переживший человек»).

Кроме того, исследуемые фразеосемантические группы в обоих языках имеют сходную структуру. Анализ данной ФСГ показал, что в русском и французском языках она включает следующие семантические группировки фразеологизмов различной степени абстракции: подгруппы, синонимические блоки, синонимические ряды и отдельные фраземы.

В составе ФСГ «*степень опытности человека*» выделены 2 антонимичные подгруппы - «опытный» и «неопытный». Подгруппа «опытный» содержит 4 синонимических блока с дополнительными оттенками значения: 1) «многоопытный человек, которого трудно обмануть», 2) «много испытывший, переживший человек», 3) «побывавший в переделках, иногда имеющий небезупречное прошлое», 4) «многоопытный, ловкий, сообразительный человек, который своего не упустит». Подгруппа «неопытный» содержит 3 синонимических блока с дополнительными оттенками значения: 1) «не имеющий жизненного опыта, несведущий, не испытывший трудностей», 2) «неопытный по молодости», 3) «из-за неопытности попавший в неприятную ситуацию». Данные синонимические блоки состоят из синонимических рядов и отдельных фразем.

Следует отметить, что в обоих языках выявлена сходная оценочная характеристика в рамках семантических подгрупп и синонимических блоков.

Различия наблюдаются чаще всего во внутренней форме фразем, а также в объеме фразеологического материала в составе синонимических блоков.

Особого внимания заслуживают фразеологизмы с компонентами, имеющими национально-специфическую культурную окраску. Для понимания данных фразеологизмов необходимы фоновые знания носителей данной лингвокультуры. В исследуемой фразеосемантической группе это такие русские фразеологизмы, как **тёртый калач, не лыком шит, продувная (хитрая) бестия (шельма), не видел (не знал) кузькиной матери** и французские фразеологизмы **avoir l'oeil américain** (досл. «иметь американский глаз»), **savoir le latin** (досл. «знать латынь»), **c'est un amiral suisse** (досл. «это швейцарский адмирал...»), **être neuf comme un fife** (досл. «быть новым как флейтист»).

Заключение

Некоторые фразеологизмы могут входить в состав нескольких ФСГ или синонимических блоков из-за наличия у них нескольких значений или дополнительных оттенков значений. Данные фраземы образуют периферию исследуемой ФСГ. Например, синонимический блок с дополнительным оттенком значения «неопытный по молодости» и в русском, и во французском языках полностью сформирован периферийными фразеологизмами, имеющими другое основное значение: с основным значением «молодой» – рус. **нос не дорос, мало каши ел, на губах ещё молоко не обсохло, молодо – зелено, из молодых да ранний** – фр. **né d'hier** (досл. «вчера родившийся»); а также с основным значением «новый» – выявлена

фразема только во французском языке – *être neuf comme un fife* (досл. «быть новым как флейтист»).

Благодаря наличию периферийных фразем возникает явление пересечения разных ФСГ, а также разных синонимических блоков внутри исследуемой ФСГ. Например, фраземы из синонимического блока с дополнительным оттенком значения «неопытный по молодости» входят по другим своим значениям во фразеосемантические поля «физическая характеристика человека» и «духовная характеристика человека», а также в поле «характеристика неживого предмета». Явление пересечения семантических групп и полей создает единый фразеологический корпус языка.

Список источников и литературы

1. Абрамов В. П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. 112 с.
2. Авдеева О. И. Структурно-грамматический аспект синтагматических отношений адъективных фразем русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 10 (38). С. 13–19.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 448 с.
6. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 184 с.
7. Новый большой французско-русский фразеологический словарь = *Le nouveau dictionnaire phraséologique français-russe: более 50000 выражений* / В. Г. Гак [и др.]. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 1624 с.
8. Попов Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка. Курск: Изд-во Курск. пед. ин-та, 1976. 83 с.
9. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск: Изд-во Челяб. пед. ин-та, 1983. 93 с.
10. Яранцев Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник : около 1500 фразеологизмов. М.: Рус. яз., 1997. 845 с.

References

1. Abramov V. P. *Sintagmatika semanticheskogo polya (na materiale russkogo yazyka) [Syntagmatics of the Semantic Field (based on the material of the Russian language)]*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1992. 112 p. [In Russian].
2. Avdeeva O. I. *Strukturno-grammaticheskiy aspekt sintagmaticheskikh otnosheniy ad'yektivnykh frazem russkogo yazyka [Structural and grammatical aspect of syntagmatic relations of adjective phrases of the Russian language]*. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of the Adyghe State University]*. 2008. Issue 10 (38). Pp. 13–19. [In Russian].
3. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology in the system of the modern Russian language]*. Volgograd: Peremena publ., 1993. 149 p. [In Russian].
4. Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika [French stylistics]*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury publ., 1961. 394 p. [In Russian].

5. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological synonyms of Russian language]. Moscow: AST-PRESS KNIGA publ., 2009. 448 p. [In Russian].
6. Gvozdev Yu. A. *Osnovy russkogo frazobrazovaniya* [Basics of the Russian phrase-formation]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta publ., 1977. 184 p. [In Russian].
7. Novyy bol'shoy frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar' [New large French-Russian phraseological dictionary = Le nouveau dictionnaire phraséologique français-russe: more than 50,000 expressions]. Ed. by V. G. Gak [et al.]; 2nd ed., Stereotyped. Moscow: Rus. yaz. Media publ., 2006. [In Russian].
8. Popov R. N. *Metody issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka* [Research methods of the phraseological composition of the language]. Kursk: Izd-vo Kursk. ped. in-ta publ., 1976. 83 p. [In Russian].
9. Chepasova A. M. *Semanticheskiye i grammaticheskiye svoystva frazeologizmov* [Semantic and grammatical properties of phraseological units]. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. ped. in-ta. publ. 1983. 93 p. [In Russian].
10. Yarantsev R. I. *Russkaya frazeologiya: slovar'-spravochnik: okolo 1500 frazeologizmov* Russian phraseology: dictionary-reference: about 1500 phraseological units]. Moscow: Rus. Yaz. publ., 1997. 845 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 29.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 29.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторах

Авдеева Ольга Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего языкознания
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
(e-mail: ol_avd@rambler.ru).

Тлевцежева Мариет Магаметовна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка как
инострannого ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»
(e-mail: rasul110511@rambler.ru).

Information about the Authors

Avdeeva Olga Ivanovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the
Chair of General Linguistics, Moscow
Pedagogical State University (MPGU)
(e-mail: ol_avd@rambler.ru).

Tlevtsezheva Mariet Magametovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Russian as a Foreign Language,
Adyghe State University (ASU)
(e-mail: rasul110511@rambler.ru).

СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕМ: ТРАДИЦИИ АНАЛИЗА И СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Е. В. Брысина

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(г. Волгоград, Россия)*

Аннотация. Общепринятые фразеологизмы и фразеологические единицы литературного языка отличаются от локально ограниченных фразем прежде всего спецификой своих образов, характером их оценочности, эмотивности и культурной составляющей семантики. Эти компоненты невозможно отделить один от другого: фразеологический образ ни при каких обстоятельствах не может быть оценочно и эмотивно нейтральным, так как появление образа как мыслительной категории неизбежно рождает чувство-отношение к нему, его оценку с позиций как коллективного бессознательного, так и субъективного начала – личностного отношения творящего субъекта. В полной мере семантика фразеологизмов раскрывается в ходе интерпретационного анализа, алгоритм которого универсален для большинства фразеологических единиц, однако экспрессивность диалектных фразем, основанная на их образности, оценочности и эмотивности будет по-разному реализовываться в диалектной среде и среде носителей литературного языка. Это обусловлено несколькими причинами: с одной стороны, диалектная фразема воспринимается носителями литературного языка как новая, необычная, чрезвычайно выразительная, созданная на базе «неожиданного» образа, поэтому эффективно воздействующая на воображение; с другой стороны, яркость оценочности и образности диалектной фраземы может быть не вполне понятной носителю городской культуры (в том числе, и языковой), так как диалектный образ может быть тесно связан с реалиями сельской жизни, малознакомой городскому жителю и, кроме того, может апеллировать к фактам локальной истории и (или) культуры. Все это требует особой организации интерпретационного анализа диалектного фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, образность, оценочность, эмотивность, диалект, диалектная фразема, интерпретационный анализ.

SEMANTICS OF DIALECT PHRASEMES: TRADITIONS OF ANALYSIS AND PECULIARITIES OF INTERPRETATION

E. V. Brysina

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)*

Abstract. National phraseological units and phraseological units of a literary language differ from locally limited phrasemes primarily by the specifics of their images, the nature of their evaluativeness, emotivity, and the cultural component of semantics. These components cannot be separated from each other: under no circumstances can a phraseological image be evaluatively and emotively neutral, since the appearance of an image as a mental category inevitably gives rise to a feeling-attitude to it, its assessment from the positions of both the collective unconscious and the subjective principle – the personal attitude of the creative subject. The interpretative analysis reveals the full semantics of phraseological units. The algorithm of the analysis is universal for most phraseological units, but the expressiveness of dialect phrasemes, based on their imagery, evaluativeness and emotivity, will be implemented differently in the dialect environment and among native speakers of the literary language. This is due to several reasons: on the one hand, native speakers of the literary language perceive the dialect phraseme as new, unusual, extremely expressive, created on the basis of an "unexpected" image,

so it effectively affects the imagination. On the other hand, the brightness of the evaluation and imagery of the dialect phraseme may not be completely understandable to the bearer of urban culture (including language), since the dialect image may be closely related to the realities of rural life, unfamiliar to the urban resident and, in addition, may appeal to the facts of local history and (or) culture. All this requires a special organization of the interpretative analysis of dialect phraseology.

Keywords: phraseological unit, semantics, imagery, evaluativeness, emotivity, dialect, dialect phraseme, interpretative analysis.

Введение

Во многих работах ученых, стоявших у истоков теории фразеологии и практики интерпретационного анализа русских фразеологических единиц, отмечается основное свойство фразеологических единиц в отличие, скажем, от слова – это особые свойства семантики фразем, отличающиеся от семантической структуры лексемы. Коннотативный макрокомпонент фразеологического значения – обязательная составляющая фразеологической семантики, при этом структура данного макрокомпонента относительно подвижна и может включать в себя разное соотношение базовых микрокомпонентов – образности, оценочности, эмотивности, квантитативности, сем культурного содержания и др.

В. И. Зимин в одной из своих работ настаивает на том, что организующим элементом фразеологической семантики является образность фраземы. С этим трудно не согласиться. Ученый аргументирует свое мнение тем, что образ в семантике и функционировании фразеологизма мотивирует его реальное значение, «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма, является носителем культурной коннотации фразеологизма. «Абсолютное большинство фразеологизмов в период своего становления представляет собой образ, организующий значение фразеологизма – считает ученый. – Иными словами, образ фразеологизма – это образная внутренняя форма, в ономазиологическом аспекте его можно рассматривать как самый основополагающий компонент семантики фразеологизма. Можно думать, что без образа, т.е. без внутренней формы, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма [7, с. 49]. А. Р. Обдуллаев поддерживает это мнение, считая, что «фразеологические единицы не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате внутренней формы, так как между внутренней формой, значением и функционированием фразеологизма наблюдается тесная связь, когда одно явление не может существовать без другого» [13, с. 29].

Интересно заметить, что общенародные фразеологизмы и ФЕ литературного языка отличаются от локально ограниченных фразем (просторечных, жаргонных, диалектных) именно спецификой своих образов, характером их оценочности, эмотивности и культурной составляющей семантики. Цель нашего исследования – показать эту специфику образности локально распространенных единиц и особенности ее воздействия на участников коммуникации.

В ходе рассмотрения диалектного фразеологического материала нами использовался когнитивный **метод** интерпретационного анализа, предполагающий применение таких частных методов и приемов, как этимологизация образа, лингвокультурологический комментарий диалектных фразем, этнолингвистические характеристики образа.

Анализ

Диалектный фразеологический материал неоднороден как по составу, так и по образности входящих в него единиц. Каждая фразема может быть интерпретирована как несущая в себе определенный этнолингвокультурологический потенциал. Так, к примеру, донская диалектная фразема *попасть под советскую власть*² – оказаться в крайне затруднительном, безвыходном положении этимологически опирается на события тридцатых годов прошлого века – трагического периода «рассказывания»

казачества как военно-социального сословия, выселения с обжитых мест, как правило, в Сибирь, за Урал. Таким жестким и не всегда справедливым было наказание казаков Советской властью за участие в гражданской войне и вооруженных мятежах. Память о тех событиях до сих пор болью отзывается в сердцах казаков. В выражении *попасть под Советскую власть* и поныне сохраняется отрицательная оценочность: «попасть под Советскую власть» – испытать потрясения, лишения и утраты, пережить трагически события – и «это плохо». Понятно, какие чувства и эмоции может испытывать человек в этих обстоятельствах – боль, страдание, разочарование, угнетенность. Данный пример наглядно демонстрирует роль образа в формировании и функционировании диалектной фраземы. Кроме того, соответствующий интерпретационный анализ фраземы обнажает культурный фон тех трагических событий.

Другая фразема – *запирать ворота пирогами* – о полной достатка, беззаботной жизни – содержит образ, относящийся к иной области жизнедеятельности. Понять этот образ несложно, если хорошо представлять себе полуголодное существование в определенный период жизни основных слоев казачества, когда большинство из них *жили в одном кресте* (т.е. крайне бедно, когда нательный крест нечем было прикрыть), а пища бедняка характеризовалась как *ни пойка ни едка* (непонятно из чего приготовленная похлёбка). И если себе представить, что в этот период *горестного житья* кто-то страдает от избытка пищи до такой степени, что пироги не поедаются и ими уже и ворота запирают, таким людям завидуют, но и осуждают их за чрезмерность, несдержанность, излишества.

Однозначно соглашаясь с мнением В. И. Зимина о значимости фразеологического образа, хотим уточнить все-таки некоторые детали его концепции. Выделяя в семантической структуре фраземы микроэлементы коннотации – образность, оценочность, эмотивность и рассматривая их как некоторую иерархическую систему (образ «возбуждает» оценочность и эмотивность фразеологической единицы, согласно позиции В. И. Зимина), следует рассматривать эту процедуру, на наш взгляд, лишь как инструмент лингвистического анализа, потому что само формирование образа фраземы автоматически предполагает наличие «сопровождающих» его оценочности и вместе с ней эмотивности. Как представляется, эти компоненты невозможно отделить один от другого: фразеологический образ ни при каких обстоятельствах не может быть оценочно и эмотивно нейтральным (если, конечно, не включать в понятие *фразеологизма* всю совокупность устойчивых сочетаний слов, вплоть до грамматических конструкций); появление образа как мыслительной категории неизбежно рождает чувство-отношение к нему, его оценку с позиций как коллективного бессознательного, так и субъективного начала – личностного отношения творящего субъекта. Иными словами, если признать образность ФЕ ее определяющим свойством (в чем нет сомнений), тогда равнозначными характеристиками следует признать и оценочность и эмотивность фраземы.

При рассмотрении диалектных фразем алгоритм семантического анализа аналогичен анализу фразеологических единиц литературного языка, однако следует обратить внимание на важную деталь: яркость и неповторимость образа, представленного в диалектной единице, будет по-разному проявляться в восприятии диалектоносителя и говорящего на литературном языке. Локальная ограниченность диалекта приводит к некоторой «коммуникативной замкнутости» людей, проживающих на данной территории. Это проявляется в том, что большинство сельских жителей используют диалектные слова и выражения, как правило, только в бытовом общении «со своими» и воспринимают их как элементы повседневной речи – хорошо знакомые, привычные, не вызывающие никаких дополнительных смыслов. В официальном общении диалектоносители свободно (или почти свободно) переходят на разговорную литературную речь. Для носителей же литературного языка каждая диалектная единица нова, неповторима, выразительна, а образ, положенный в основу

диалектной фраземы, часто является настоящим открытием, сравните: *ходить бело-рыбцей* – двигаться медленно, с достоинством, гордо; *коситься как мышь на крупу* – завидовать тихо, исподтишка; *ни пены ни пузырей* – об отсутствии результата в каком-л. деле; *не на чай ходить, не пряники перебирать* – о каком-л. сложном деле; *собачья сбеглиж* – о компании нехороших людей, хулиганов; *ломаться как аржаной пряник* – зазнаваться, привередничать, капризничать; *нельзя почесать корявой палкой (терновой веткой)* кого-л. – кто-л. неприступен, не в меру горд, капризен; *коситься сентябрём* – смотреть на кого-л сурово, с недоверием и мн. др.

Нередко при образовании диалектного фразеологизма как семантический прием создания образа используется алогизм, что, конечно является достаточно представленным и в литературном языке. Однако, как нами уже отмечалось, для диалектоносителей характерна более выраженная конкретизация мышления, поэтому и образы, положенные в основу фразем, отличаются некоторой новизной, «неизбитостью», «привязанностью» к конкретному поступку, действию, состоянию. К примеру, диалектная ФЕ *показывать дули воробьям* имеет значение «бездельничать, заниматься бесполезным, бестолковым делом». Внутренняя форма данной фраземы открывает перед собеседником всю абсурдность данного действия и тем самым выносит однозначную оценку совершаемому поступку, вызывая не просто осуждение, но и возмущение, отторжение, неприязнь. Аналогичны по структуре и содержанию, а, собственно, и по эффективности воздействия образа диалектные фразеологизмы *ловить мух ноздрями; на собаках шерсть бить, косить сено собакам, дразнить лягушек, сбивать сучки на грушах, околачивать китушки (китушки (кытушки))* – небольшие круглые плодики – семенные коробочки, образующиеся на кустах картофеля после его цветения и под.

В очередной раз хочется обратить внимание на такое широко представленной в диалектах явление, как детализация характеристик описываемого явления, признака, действия. В отличие от литературного языка в диалекте абсолютное большинство поговорок и фразеологических единиц образует развернутый многочисленный (осторожно не называем его синонимическим) ряд семантически близких единиц, каждый элемент которого характеризует рассматриваемое явление, признак, свойство с новой стороны, детализируя описание, представляя его по-новому, порою в неожиданном ракурсе, ср. поговорки и фразеологизмы о ленивом человеке: *волка в огороде завелись* (у кого-л.); *посадила, полила и боле не была*; (кто-л.) *за всю жизнь кизека не слепил*; (кто-л.) *не поднял с земли тонкую сенину*; *ни курочки ни овечки – полёживай на печке; лежать как сом на икре* – неподвижно, ничего не делать; *двигаться как лень по дну* – делать что-либо медленно, лениво; (кто-л.) *и мышей не ловит*; *ни ногами ни руками; пальцем не ворохнуть* и др. Или другой пример: робкий человек характеризуется в диалекте таким рядом устойчивых сочетаний слов: *бояться тележного скрипу; сидеть как мышь за веником, (такого) куры загребут; жаба на языке испекётся* (у кого-л) и др.

Отмечая яркость и неповторимость образности диалектных фразем для носителей литературного языка, следует сказать и еще об одной, возможно, противоположной особенности интерпретации диалектного образа. Поскольку место обитания диалектоносителей, это, как правило, сельская среда, то чаще всего и в основу диалектных фразем будут положены привычные сельские образы, не все из которых могут быть легко интерпретируемы жителями городских территорий. Понятно, что яркость и эффективность воздействия таких образов на носителя литературного языка будет стертой. Неслучайно, и В. И. Зимин в свое время отмечал, что без образа нет и фразеологизма. Стертая образность лишает фразеологизм и определенной оценочности, и эмотивности. Так, к примеру, диалектный фразеологизм *ходить как за стельной коровой* – чрезмерно опекать, ухаживать, буквально глаз не сводить с кого-л. – будет иметь большую воздействующую силу только на человека, который знаком с особенностями хозяйственной жизни сельчанина. В каждой сельской семье корова

– чуть ли не первая кормилица, позволяющая и деток вырастить, и взрослых накормить, да и молочные запасы сделать (*ирьян*, творог, например, или *стечное молоко*, *каймак* и др.). Поэтому хозяева, ожидая очередного отёла коровы, глаз с нее не спускают, дополнительно ухаживают за ней, оберегают, подкармливают и т.п. Такое внимание является исключительным и относится только к некоторым животным в конкретный период их жизни. Однако подобное отношение можно наблюдать и среди людей – тогда это вызывает определённые ассоциации и ироничное отношение к данной ситуации. Подобное можно отметить в диалектной фраземе *бить на «гэ»* – проносить взрывной звук [г] вместо привычного для казаков, жителей южнорусских территорий, фрикативного, подстраиваясь под речь городских жителей; для носителя литературного языка, не знакомого с фонетическими особенностями южнорусских говоров, использование в диалектной среде взрывного («городского») звука может быть ошибочно интерпретировано как стремление улучшить свою речь, сделать ее более грамотной, приближенной к литературному языку. В этом случае и оценочность фраземы, и ее эмотивность будут восприняты как позитивные. На самом же деле, все наоборот: попытка местного жителя в разговоре с односельчанами в чем-то изменить свою речь, подчеркнуть ее соответствие литературной норме воспринимается носителями говоров как преднамеренное стремление выделиться из «необразованной» среды, подчеркнуть свое отличие от других, противопоставить себя окружающим, подчеркивая свою «образованность». Такое поведение осуждается коллективом, вызывает отрицательную оценку и чувство неудовольствия, коллективного протеста. Фразема *бrehать на молодой месяц (на воду, на пень)* – поднимать шум, гвалт, ругать кого-либо, не имея на то никаких оснований – также может восприниматься носителями литературного языка как не вполне выразительная, поскольку мотивация образа данной единицы напрямую связана с условиями жизни диалектоносителей: собаку в деревне, как правило, заводят из практических потребностей, прежде всего как сторожа, охранника, который своим лаем должен предупреждать хозяина о приближающейся опасности (о приближении «чужих»). При этом если пёс бестолковый и не может отличить «своих» от «чужих», он лает, не замолкая, на все подряд, понапрасну беспокоя хозяина. Такое поведение «домашнего сторожа» недопустимо и вызывает возмущение, негодование хозяина, равно, как и люди, беспричинно устраивающие сплетни, шум, скандал. К иной (сакральной) сфере отсылает нас образ фраземы *нужен (кто-л.) как варешка в Петров день* – не нужен ни при каких обстоятельствах – так же, как не нужны варешки в жаркий июльский день (12 июля – день святых Петра и Павла). Образность данной фраземы может быть до некоторой степени затемнена, если слушающий не может сразу соотнести фиксируемый во фразеологической единице факт и религиозную дату. Эффектность образности данной фраземы основана на абсурдности ситуации, представленной в первичной порождающей модели. Диалектная фразеологическая единица *завести как бондарский конь под обручами* – долго и нудно повторять одно и то же – также требует от собеседника дополнительного знания о том, что за профессия такая – *бондарь*, чем бондари занимаются, какую роль в бондарском деле играет конь, под какими обручами, какое время и зачем он ходит. Без этих знаний образность фраземы не раскроется и ее значение останется недопонятым.

Столь же «закрытыми» могут выступать образы диалектных фразем, включающих в свой состав собственно лексические диалектизмы, ср.: *слетаться как сороки на махан* – о сплетниках (где *махан* – кусок тухлого мяса, отходы); *быть у бабушки на каньшах* – получать от жизни удовольствие, жить в достатке, испытывать к себе внимание и заботу (*каньши* – выпечное сдобное изделие); *три бабайки в гору* – о длинном, высоком человеке (*бабайка* – весло); *жить бирюком* – быть одиноким, замкнутым, нелюдимым (*бирюк* – старый одинокий волк); *отобрать у старца кийёк* –

поступить жестоко, отнять надежду, лишить последнего (*киёк* – палка, трость, на которую опирается идущий, обычно старый больной человек); *найти в сербучке* – о незаконнорожденном ребенке (*сербучка* – крапива) и др.

Так же, как в литературном языке, в диалекте при анализе фразеологического материала чрезвычайно важными оказываются пресуппозиционные знания. Даже, как нам представляется, для анализа диалектного фразеологизма они более значимы, так как нередко являют собой интерпретационный фон, связанный с особенностями **локальной** культуры, истории, месторасположения и пр. Так, к примеру, человеку, не знакомому с историей формирования казачества, сложно будет интерпретировать фразеологический образ в выражении *жить как казак с татаринном*. В этом случае фразема имеет значение «находиться в состоянии вражды, соперничества, постоянных ссор и столкновений». Образ отсылает нас к событиям XVI – XVII веков, когда на волго-донских просторах Дикого поля первые ватаги казаков постоянно сталкивались с другими кочевыми обитателями Дикого поля – калмыками, казахами, остатками хазарских племен, но чаще всего с татарскими племенами, потомками монголо-татар, когда-то проживавшими в этих местах на территории хазаната. Вооруженные столкновения с татарскими воинами служили казакам источником добычи, как, собственно, и наоборот. Другая фразема *жить как хохол на отживе* «жить отрешенно, быть безразличным ко всему происходящему как временно проживающий на данной территории» по времени образования более поздняя и характеризует отношения казаков с «союзниками» – этническими украинцами, которые нередко присоединялись к казачьим отрядам для совместных походов против недругов. Бывало, украинские казаки оставались на какое-то время в донских хуторах и станицах в ожидании таких походов, при этом они не вмешивались в текущие дела донских казаков, оставались безучастными ко всему происходящему. Эти пресуппозиционные знания, связанные с историей формирования казачества, и являются мотивационной основой данных диалектных образов. Донская поговорка *не рассказывай казаку азовские вести* в значении «не говори того, о чем слушающий знает из собственного опыта, не понаслышке» также отсылает нас к военному конфликту – войне с азовскими турками, в которой казаки были «главной ударной силой».

Заключение

Исследуемый диалектный материал наглядно демонстрирует общепризнанное положение о роли образности, оценочности и эмотивности в развертывании экспрессивных характеристик фразеологической единицы. Номинация предметов и явлений окружающего мира – безусловная задача лексики. Фраземика же представляет познание с иных позиций, оценивает его, дает ему квалификативную характеристику. Донские диалектные фразеологизмы своими образными оценочно-эмотивными характеристиками охватывают практически все сферы жизнедеятельности казаков, переосмысливая привычные образы, наделяя их метафоричностью, что свидетельствует о богатстве языкового мышления народа, его способности устанавливать многомерные ассоциативные связи между предметами, явлениями, признаками и состояниями: военную (*не нашего сукна епанча* – о ком-то (чем-то) чужом, не соответствующем принятым нормам; *одна чашка-ложка* – первоначально – о сослуживцах, затем – о единомышленниках, товарищах, верных друзьях; *от нашего полку мало толку* – о неудачной совместной деятельности); интеллектуальную (*дурак по самое некуда* – глупый, безрассудный человек; *Ванька дома, Сеньки нет* – об умственно неполноценном человеке; *куфилка не варит* – о несообразительном человеке); хозяйственную (*за чужой стеной затишек пахать* – поступать хитро и нечестно, выполнять легкую работу за счет других; *некогда поискаться* – о постоянной заботе, о множестве хлопот; *отстать от рук и ног* – сильно устать, работать до изнеможения); межличностные отношения (*мамушкин лизунчик* – как правило, о ребенке: любимчик, ласковое нежное дитя; *завернуть салазки* – наказать, побить кого-л.; *не*

выпускать из колеи – держать в подчинении, не позволять проявлять свою волю; *сакральную (жить в лесу – пенькам богу молиться – о темном, необразованном человеке; ни Богу свечка ни черту кочерга – о несостоятельном, беспечном, неудачливом человеке; бубнить как дьякон на амвоне – о плохой, невнятной речи; узнал попа в рясе – о недостоверных сведениях; жить как у Христа за пазухой – ни в чем не нуждаться, жить в достатке и удовольствии)*; связанную с характером человека, его привычками, внешностью, поведением (*с бусорью кто-л. – о взбалмошном, неуравновешенном человеке; мигать лытками – вести себя непристойно, привлекать к себе внимание; выбиться из колеи – плохо вести себя, потерять над собой контроль; что поставь что положи – о невысоком толстом человеке и мн. др.*

Говоря о диалектной фраземике в целом, ее неповторимой образности, яркой оценочности, детализированной эмотивности, следует сказать в заключении, что оригинальность народной мысли, уникальная способность простого народа, сельского жителя, по-своему видеть и квалифицировать окружающий его мир, раскрашивает наш русский национальный язык уникальными единицами – лингвистическими квантами, позволяющими в деталях представить мир, в котором мы живем.

Примечания

1. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19–412–340004 «Духовная культура казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».
2. Все примеры диалектных фразем взяты из Словаря донских говоров Волгоградской области (Волгоград, 2011) и материалов диалектологических экспедиций по казачьим районам Волгоградской и Ростовской областей.

Список источников и литературы

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель-АСТ Люкс, 2005. 700 с.
3. Брысина Е. В. Диалектное слово в этнокультурном пространстве // Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы. Волгоград: Перемена, 2012. С. 78–85.
4. Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 387 с.
5. Демидова К. И. Диалектная картина мира. Екатеринбург, 2003. 78 с.
6. Закуткина Н. А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Закуткина Надежда Алексеевна. М., 2001. 157 с.
7. Зимин В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации. М.: Новый проект, 2016. С. 32–51.
8. Зимин В. И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов // Фразеология вчера, сегодня, завтра : межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, проф. В. Т. Бондаренко. Тула, 2011. С. 17–23.
9. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.

10. Кунин А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии : сб. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1980. Вып. 168. С. 158–185.
11. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 228 с.
12. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 38–43.
13. Обдуллаев А. Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч, 1996. 96 с.
14. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
15. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Механизмы создания языковой экспрессивности / Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 36–67.
16. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука, 1980. 89 с.
17. Федуленкова Т. Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. 1997. Вып. 4. С. 81–88.
18. Федуленкова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 4-2. С. 178–182.

References

1. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [The principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language]. Issue 6. 2009. Pp. 21–34. [In Russian].
2. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Ed. by V. M. Mokienko 2005. 700 p. [In Russian].
3. Brysina E. V. Dialektnoye slovo v etnokul'turnom prostranstve [Dialect word in ethnocultural space]. *Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie process* [Word and meaning in time and space: dynamic processes]. Volgograd: Peremena publ., 2012. Pp. 78–85. [In Russian].
4. Brysina E. V. *Etnokul'turnaya idiomatika donsogo kazachestva* [Ethnocultural Idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd: Peremena publ., 387 p. 2003 [In Russian].
5. Demidova K. I. *Dialektnaya kartina mira* [Dialect language picture of the world]. Ekaterinburg, 2003. 78 p. [In Russian].
6. Zakutkina N. A. *Fenomen dialektnoy kartiny mira v nemetskoj filosofii yazyka XX veka* [The phenomenon of the dialect picture of the world in the German philosophy of language of 20th century]. Diss. ... kand. filol. nauk [Thes. ... Cand. Philol. Sciences]: 10.02.19. Zakutkina Nadezhda Alekseyevna. Moscow, 2001. 197 p. [In Russian].
7. Zimin V. I. Osnovnyye roli obraza v semanticheskoy strukture frazeologizma [The main roles of the image in the semantic structure of phraseology]. *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii* [Modern phraseology: trends and innovations]. Moscow: Novyy proyekt publ., 2016. Pp. 32–51. [In Russian].

8. Zimin V. I. Problema verifikatsii gipotez proiskhozhdeniya frazeologizmov [The main roles of the image in the semantic structure of phraseology]. *Frazeologiya vchera, segodnya, zavtra : mezhvuz. sb. nauch. tr. v chest' 70-letiya d-ra filol. nauk, prof. V. T. Bondarenko* [Phraseology yesterday, today, tomorrow: interuniversity collection of scientific papers in honor of the 70th anniversary of Doctor of Philology, Professor V. T. Bondarenko]. Tula, 2011. Pp. 17–23. [In Russian].
9. Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [The basis of the evaluation logic]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta publ., 1970. 230 p. [In Russian].
10. Kunin A. B. Mekhanizm okkazional'noy frazeologicheskoy nominatsii i problema otsenki [The mechanism of occasional phraseological nomination and the problem of evaluation]. *Voprosy frazeologii: sb. tr. [Questions of phraseology: collection of works]*. Moscow: Mosk. gos. ped. in-t inostr. yaz. im. M. Toreza publ., Issue 168. 1980. Pp. 158–185. [In Russian].
11. Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial use (issues of semantics)]. Novosibirsk: Nauka publ., 1986. 228 p. [In Russian].
12. Maslova V. A. Parametry ekspressivnosti teksta [Expressive vocabulary of colloquial use (problems of semantics)]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in the language. Language mechanisms of expressivity]. Moscow, 1991. Pp. 38–43. [In Russian].
13. Obdullaev A. R. *Frazeologiya: vnutrennyaya forma yedinit* [Phraseology: the internal form of units]. Urgench, 96 p.
14. *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of the Don dialects of the Volgograd region]. Edited by R. I. Kudryashova. 2nd edition, rev. and aug. Volgograd: Izdatel' publ., 2011. 704 p. [In Russian].
15. Teliya V. N. Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh yedinit [Mechanisms of expressive coloring of language units]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Mekhanizmy sozdaniya yazykovoy ekspressivnosti* [The human factor in the language. Language mechanisms of expressivity]. In-t yazykoznaniya; executive editor V. N. Telia. Moscow: Nauka publ., 1991. Pp. 36–67. [In Russian].
16. Fedorov A. I. *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk, 1980. 89 p. [In Russian].
17. Fedulenkova T. N. Geneticheskiy prototip – osnova natsional'no-kul'turnoy spetsifiki frazeologicheskikh yedinit [The genetic prototype is the basis of the national-cultural specificity of phraseological units]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*. Moscow: MGU publ., Issue 4, 1997. Pp. 81–88. [In Russian].
18. Fedulenkova T. N. Lingvokul'turologicheskiy metod v frazeologii M. L. Kovshovoy: indeks innovatsii [Linguoculturological method in M. L. Kovshova's phraseology: innovation index]. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [European Social Science Journal]*. Issue 4 (43). Vol. 2. 2014. Pp. 178–182. [In Russian].

Дата поступления статьи: 20.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 20.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Брысина Евгения Валентиновна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и
методики его преподавания, директор
Института русского языка и словесности
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-
педагогический университет»
(e-mail: filolog@vspu.ru).

Information about the Author

Brysina Evgeniya Valentinovna,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Russian
Language and Methods of Teaching,
Head of the Institute of Russian
Language and Literature,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(e-mail: filolog@vspu.ru).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ В АСПЕКТЕ ИХ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

И. Ю. Третьякова

*Костромской государственный университет
(г. Кострома, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена вопросам окказионального преобразования фразеологических единиц в современном русском языке. Актуальность исследования обусловлена вниманием учёных к проблемам изменчивости языковых единиц в речи. Новизна работы заключается в неизученности трансформационной активности фразеологизмов различных тематических, фразеосемантических групп и полей. В одну из таких групп объединены фразеологизмы с компонентами-орнитонимами, проявляющими в условиях фразеологической связанности особенности семантики, что, в свою очередь, обуславливает специфику окказиональных изменений фразеологизма. Целью статьи является исследование трансформационной активности фразеологизмов данной группы на примере одного вида преобразований – замены компонентов. В статье рассматриваются фразеологизмы белая ворона, стреляный воробей, гусь лапчатый, мокрая курица, построенные по одинаковой синтаксической модели, но имеющие существенное различие в семантическом и образном плане. В процессе анализа преобразовательных возможностей фразеологических единиц больше внимание уделяется отражению внешних реалий во фразеологическом образе, изоморфизму значения и формы, мотивированности фразеологического значения как факторам, обуславливающим возможность трансформационных замен фразеологических компонентов. Для определения специфики трансформаций фразеологизмов с компонентом-орнитонимом целесообразным является исследование замен компонентов, происходящие как на основе парадигматических связей слов, называющих птиц, так и на основе актуализированных асистемных отношений. В результате исследования выявлена обусловленность трансформационной активности фразеологизмов степенью значимости компонента-орнитонима в формировании семантики фразеологической единицы: чем менее компонент-орнитоним значим в образовании фразеологического значения, чем менее компонент связан с характеристикой каких-либо специфических черт фразеологического образа, чем слабее фразеологическая спаянность компонентов, тем большие возможности замены этого компонента проявляются в условиях функционирования фразеологизма в речи, тем более активно проходят процессы окказиональной трансформации фразеологизма.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, трансформации фразеологизмов, орнитонимы, трансформационная активность фразеологизма.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ORNITHONYM COMPONENT IN THE CONTEXT OF OCCASIONAL VARIABILITY

I. Y. Tretyakova

*Kostroma State University
(Kostroma, Russia)*

Abstract. The article deals with the occasional variability of phraseological units in the modern Russian language. The research relevance arises from scholars' attention to the variability of language units in speech. The study novelty lies in insufficient knowledge about transforming the capacity of phraseological units of diverse thematic, phrase-semantic groups and fields. One of these groups combines phraseological units with ornithonym components. In the context of phraseological coherence, they display

the peculiarities of semantics, which, in turn, determines the specificity of occasional changes in the phraseological unit. The work aims to analyze the transforming capacity of phraseological units via component substitution. The article studies the phraseological units *belaya vorona* (white crow), *strelyanny vorobey* (old bird), *gus' lapchatyy* (palmate goose (cunning fellow)), and *mokraya kuritsa* (bedraggled hen), which have the same syntactic pattern but different semantic and figurative content. While analyzing phraseological capacity, we regard reflection of outer realities in a phraseological image, isomorphism of a meaning and form, motivation of a phraseological meaning as the factors determining a possibility of transformational component substitution. To define specific features in transforming processes of phraseological units with the ornithonym component, the author studies component substitution based on paradigmatic connections and actual asystemic relations. The research results demonstrate that the transforming capacity of phraseological units depends on the relevance of the ornithonym component in forming phraseological semantics: a minor role of the ornithonym component in creating a phraseological meaning; vague connection between the one and phraseological image; weak component bonds lead to a higher possibility of component substitution and more occasional transformations to take place.

Keywords: occasional phraseology, phraseological transformations, ornithonyms, transforming potential of a phraseological unit.

В круг научных проблем современной фразеологии входят вопросы, связанные с окказиональной фразеологией. На протяжении последних десятилетий достаточно активно изучались типы и способы речевых преобразований фразеологических единиц (далее ФЕ), были составлены классификации приёмов окказионального преобразования фразеологизмов, описаны многочисленные примеры трансформации ФЕ в произведениях отечественных и зарубежных писателей и поэтов, в публицистических текстах различных жанров. Актуальными остаются исследования факторов, влияющих на трансформации фразеологизмов, – как внутренних, касающихся особенностей организации семантики и грамматической структуры устойчивых знаков, так и внешних, обусловленных «человеческим влиянием».

Научный интерес вызывают вопросы, связанные с преобразованием ФЕ, имеющих в своём составе специфические компоненты (антропонимы, зоонимы, мифологизмы, библеизмы и др.), так как трансформации фразеологизмов часто бывают обусловлены именно особенностями таких компонентов, что – в свою очередь – может влиять на активность и частотность речевой изменчивости языковых единиц.

Одну из групп таких единиц составляют ФЕ с компонентами-орнитонимами. Группа фразеологизмов, содержащих компоненты – названия птиц, в современном русском языке достаточно большая – около 100 идиом. Конечно, фразеологизмы с компонентами-орнитонимами не единожды становились объектом исследований, и в первую очередь – в лингвокультурологическом аспекте; точнее сказать, фразеологизмы с компонентами-орнитонимами в основном и изучаются в этом аспекте. Так, базовые образы птиц биоморфного культурного кода для языкового сознания русских людей представлены в Лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» [8]. Большая часть исследований национальной специфики фразеологизмов с компонентами-орнитонимами проводится в сопоставительном аспекте: выявлены особенности русских фразеологизмов в сравнении с ФЕ французскими, немецкими, испанскими и др. [4, 5 и др.] Однако из всех лингвистических работ, посвящённых птицам, хочется выделить статью замечательного фразеолога В. И. Зимины «Птицы в русской фразеологии и поэзии». В этой работе автор, оставаясь верным своему научному пристрастию – фразеологическим образам и этимологии фразеологизмов, проводит связь между реальными свойствами, характером птиц – и их воплощением во фразеологических образах. В. И. Зимин так пишет о своём замысле: «У меня несколько основных целей: рассказать кое-что интересное о птицах, показать, как наименования птиц вырастают в семантику фразеологизмов (тут я буду

стремиться обеспечить правильное прочтение и понимание фразеологического значения). ... Все свои выводы я буду делать на основе личных наблюдений над птицами в их естественных условиях» [3, с. 107]. Именно эта работа, где наиболее полно представлена обусловленность фразеологического значения фразеологическим образом, легла в основу настоящего исследования, посвящённого анализу окказиональных трансформаций фразеологических компонентов-орнитонимов.

Целью данного исследования является определение факторов, влияющих на трансформации фразеологизмов с компонентами-орнитонимами и обеспечивающих активность этих трансформаций, в частности – замен компонентов ФЕ.

В качестве ФЕ, подвергающихся трансформациям, представлены четыре фразеологизма, имеющих одинаковую грамматическую модель: это двухкомпонентные субстантивные сочетания слов с именными компонентами «прилагательное + существительное» – *стреляный воробей, белая ворона, лапчатый гусь, мокрая курица*; при сходстве грамматической структуры во фразеологизмах происходят одинаковые модификации, направленные на изменение именно грамматических моделей, а значит, различия в трансформациях фразеологизмов не будут касаться грамматической модели ФЕ и основное внимание будет направлено на собственно компоненты-орнитонимы. Кроме того, выбор названных ФЕ объясняется тем, что в группе фразеологизмов с компонентами-орнитонимами это одна из самых распространённых моделей.

Среди факторов, оказывающих влияние на возможность / невозможность окказиональных преобразований ФЕ, на активность / неактивность трансформационных процессов следует назвать образность фразеологизмов, мотивированность значения, изоморфизм значения и формы, символическое значение компонентов, детерминированный характер компонентов, наличие системных парадигматических связей орнитонимов.

Фразеологизмы могут подвергаться различным трансформациям: расширению компонентного состава, контаминации, двойной актуализации значения, замене компонентов и др., однако именно замена компонента-орнитонима выявляет культурную обоснованность фразеологического знака и прагматическую направленность использования фразеологизмов в том смысле, что фразеологизмы с анималистическими компонентами используются в основном для характеристики человека, его внешних и внутренних качества, оценки его поступков, привычек и др. (взгляд на мир людей «сквозь призму» мира животных).

1. Фразеологическая единица *стреляный воробей* имеет значение ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’ [11, с. 78]; используется в случаях, когда подразумевается, что кто-либо, побывав в разных переделках и трудных ситуациях, приобрёл «горький» опыт и стал осторожен и хитёр [2, с. 674]. Фразеологический образ – при его актуализации – связан не просто с «картинкой» – образом воробья, но со «сценариями» – эпизодами, в которых по воробьям стреляют люди, так как «... в поисках пищи воробьи могут собираться в большие стаи и портить посевы, чем доставляют много хлопот земледельцам, которые стремятся отпугнуть птиц от полей, в том числе с помощью стрельбы» (см. культурологический комментарий в [2, с. 674]). Фразеологическое значение является мотивированным, внутренняя форма прозрачной: подвижность и юркость воробья, не единожды оказывавшегося в опасных для жизни ситуациях, его умение уворачиваться от пуль или других опасных предметов и легли в основу метафорической характеристики человека – тот, кто ловко умеет обойти жизненные трудности, если нужно – перехитрить, обмануть.

Особенности трансформационной активности данной ФЕ связаны с образным планом и с изоморфизмом ФЕ.

В образе воробья не актуализированы внешние либо внутренние черты, характерные именно и только для этой птицы, – значимым для образования семантики

оказывается лишь сноровка воробьёв, свойственная, что очень важно, и другим представителям пернатых.

Компонент *воробей* репрезентирует в значении фразеологизма лишь сему 'человек', тогда как на долю компонента *стреляный* приходится основной «семантический груз», и этот компонент становится не только ключевым, концентрирующим в себе почти весь смысл фразеологизма, но и максимально устойчивым, обеспечивающим деривационную связь с инвариантом при окказиональных трансформациях ФЕ. Напротив, орнитоним *воробей*, будучи семантически максимально обобщённым (воробей = человек = тот, кто), оказывается компонентом, относительно легко замещаемым окказиональными элементами при речевых модификациях фразеологизма. Круг таких окказиональных заместителей достаточно широк. Во-первых, это могут быть слова-гиперонимы, также имеющие обобщающий смысл (*птица, птаха*): «Ого, *стреляная птица!* – подумал капитан, заметив, как уверенно держится на судне пассажир» [28]. Во-вторых, заместителями становятся слова, входящие в различные тематические группы представителей животного мира (*ворон, попугай, волк, лиса, вервь* и под.), окказиональные замены при этом обусловлены стремлением авторов либо конкретизировать ситуацию, либо буквализировать семантику ФЕ: «Я *старый, битый и стреляный ворон*. И меня смущает, что сыскуны совсем не чешутся. Здесь хоть и не столица, а приказные свою службу несут исправно» [17]. В-третьих, при экспликации семы 'человек' в компонентный состав ФЕ вводятся слова, называющие человека в самых разных его ипостасях (*мужик, женщина, президент, актёр, механик* и т.д.), что объясняется авторскими интенциями либо к экспликации элементов семантики ФЕ, либо к конкретизации значения, либо к буквализации значения: «Словом, экипирован я был как самый удачливый мужчина. И к тому же обладал необходимым для таких дел пунктиком: сторонился как невинных дев, так и *стреляных женщин*» [14]; «Российские КАМАЗы воротились из Латинской Америки. Поздравления выпали на долю победителей. Чагин – превосходный лётчик, Ильгизар Мардеев – *самый стреляный механик*. В общем, старый и малый попытались на славу!» [29].

Компонент *стреляный* при окказиональных трансформациях фразеологизма проявляет относительную устойчивость. Носители языка прочно связывают слово *стреляный* именно с фразеологической единицей: при проведении ассоциативного эксперимента на слово *стреляный* респонденты реагировали именно отзывом *воробей*. Поэтому замена компонента *стреляный* может привести к потере деривационной связи окказионального фразеологизма с языковой ФЕ, от которой он образован. Для «опознавания» фразеологизма с заменой адъективного компонента требуется специальный контекст, актуализирующий именно фразеологическое значение сочетания слов: «На меня, ребята, положитесь без сомнения, – чистя таранку, заговорил скороговоркой Белоус. – И где не припало побывать! И на Астрахани, и в море, и в Перми. Повидал я видов на вольном свете! ... Я ведь *бывалый воробей!*» [19].

Таким образом, анализ ФЕ *стреляный воробей* на предмет специфики её окказиональных преобразований позволил сделать вывод об активности трансформационных замен именно компонента *воробей*, не несущего большой семантической нагрузки, без выделения каких-либо специфических черт этой птицы во фразеологическом образе, не являющегося доминантным во фразеологизме.

2. Фразеологическая единица *белая ворона* имеет значение 'тот, кто резко отличается от окружающих, выделяется чем-либо необычным для них; непонятный, кажущийся странным, имеющий иную систему ценностей'. В основу фразеологического образа взят «портрет» вороны нетипичного – белого – окраса. Именно белый цвет оперения птицы в природе становится причиной неприятия вороны со стороны других птиц с «нормальным» чёрным пером.

Во ФЕ *белая ворона* языковые компоненты составляют внутреннюю оппозицию по линии цвета (белый – чёрный). Скорее всего, именно этим объясняется выбор

вороны в качестве носителя «неправильного» цвета: на фоне традиционно чёрных птиц максимально контрастно выделяется ворона белая. Кроме цвета никакой другой признак (внутренний или внешний), свойственный представителям этого семейства, не актуализирован. Последнее замечание играет важную роль при окказиональных трансформациях ФЕ: именно благодаря отсутствию специфических признаков, свойственных воронам (см. для сравнения ФЕ *гусь лапчатый*), компонент-орнитоним относительно легко подвергается замене. Окказиональными компонентами-заместителями становятся другие члены этой тематической группы, а также существительные-анимализмы, называющие животных, рыб, насекомых. См.: «Он помнил её совсем молодой и красивой. Она была артисткой Ильинского театра – единственной женщиной-артисткой, потому что женские роли тогда в большинстве играли мужчины. ... Пётр, наконец, понял, что мать его была *белым голубем* в стае ворон. Жила она какой-то своей жизнью, чуждой отцу, деду, детям и односельчанам» [Цит. по: 6, с. 136].

Следует заметить, что далеко не все сочетания слов с анималистическим компонентом и колоративом определяются как фразеологизмы или фразеологические трансформы: так как многие представители мира животных и птиц имеют традиционный белый окрас, то такие словосочетания, как *белый медведь*, *белый заяц*, *белый петух*, употребляются, как правило, в прямом значении и, лишь помещённые в соответствующий контекст, «опознаются» как ФЕ.

Орнитоним *ворона* репрезентирует в значении фразеологизма сему 'тот', не имеет основной семантической нагруженности, не является компонентом, обеспечивающим деривационную связь трансформов с языковым инвариантом, и этим объясняется относительная лёгкость, с которой происходят окказиональные замены компонента *ворона*.

Трансформационным заменам подвергается компонент *белый*. Колоратив *белый* репрезентирует элементы значения фразеологизма ('резко отличается от окружающих, выделяется чем-либо необычным для них'), становится ключевым компонентом ФЕ, а потому приобретает относительную устойчивость. Тем не менее, анализ текстов с функционирующими в них фразеологическими трансформами показал активность замен колоратива *белый* другими словами тематической группы «Цвет» (*красная ворона*, *жёлтая ворона*, *голубая ворона*, *синяя ворона* и др.) При этом преобразования ФЕ происходят только в специфическом контексте, актуализирующем метафорический фразеологический смысл. См., к примеру: в названии статьи «Жёлтая ворона будет пошибче белой» [16] присутствует оба фразеологизма – и языковой (*белая ворона*), и трансформированный (*желтая ворона*). Окказиональный фразеологизм *жёлтая ворона* сохраняет значение языкового, характеризуя странного и экзальтированного художника Новосибирска Сергея Кабышева. Замена же адъективного компонента *белый* на *жёлтый* объясняется в самом тексте статьи так: «Ходит по городу странный человек... Сергей Кабышев (*жёлтая ворона*). Любимый его цвет – жёлтый: цвет солнца, весны, радости». См. также фразеологизм *жёлтая ворона* с прозрачной мотивировкой, функционирующий в рассказе А. Зорича «Тридцать первый, жёлтая ворона»: «Вскоре на железнодорожной станции обнаружился бесхозный танк МЛЗ. Танк имел пустынный камуфляж [цвет песка в пустыне – И. Т.] и был среди других танков *белой вороной* (а точнее *жёлтой*)» [15].

Окказиональной замене могут подвергаться оба компонента языкового фразеологизма. Обязательным условием при полной замене компонентов ФЕ является присутствие в контексте языковой единицы, выполняющей функцию актуализатора речевого (окказионального) фразеологизма, без которой последний не определяется как таковой. В качестве примера см. фрагмент из произведения Л. Успенского «Записки старого петербуржца»: «Рядом со считавшими себя левыми эсэрами Изачеком и Шполянским, рядом с уже упомянутым мною Николаем Быстровым в золотом пенсне и со шкиперской трубочкой в зубах, Левин выглядел не столько *белой вороной*,

сколько, наоборот, так казать, “*черным гусем*”» [Цит. по: 6, с. 136]. В среде вышеназванных эсэров, которых Успенский характеризует как интеллигентных, умных людей, державших себя как джентльмены и уверовавших в способность России стать европейской страной, Левин, с его замашками “спекулянтского босса”, помятый, длинноносый и грязный, действительно резко отличался своими далеко не светлыми качествами личности, а во внешности и поступках скорее был схож – образно выражаясь – с гусем (ср.: ФЕ *гусь лапчатый* – ‘пройдоха, плут, хитрый, пронырливый человек’ [10, с. 136]. Следует учесть, что колоратив *чёрный* актуализирует здесь своё символическое значение, связанное со сферой отрицательного [7, с. 560]. Так в контексте очерков словосочетание *чёрный гусь*, образованное по модели языковой ФЕ *белая ворона*, приобретает окказиональное значение ‘человек, резко отличающийся от окружающих неприличным поведением, порицаемым в обществе достойных людей; имеющий иную систему ценностей’. Как видим, в данном случае замена компонента-колоратива *белый* словом *чёрный* осуществляется не только на основе цветовой оппозиции – окраса оперения птицы, но в компонентах *белый* и *чёрный* актуализируется символическая интерпретация цвета: белому – ‘чистому, благородному’ – противопоставлен *чёрный* – ‘грязный, низменный’.

Следует заметить, что далеко не всегда понятна мотивировка замены колоративов, однако устойчиво важным условием идентификации собственно фразеологизма, его семантики остаётся наличие контекстных актуализаторов. См. фрагменты стихотворения Д. Королёва «Красная ворона»: «Не люблю, когда нет дозвона! / Когда поздно и не в сезон. / Обернулась *красной вороной* / среди тысячи *белых ворон*» [7].

Многие словосочетания с колоративами не являются фразеологизмами. Так, в названии квеста «Синяя ворона» [22], сценарий которого создан по повести Радия Погода «Шаг с крыши», героиня Ворона приводит такую мотивировку собственного именования: «Раз в сто лет я колдую. От этого и посинела», и словосочетание *синяя ворона* не воспринимается в названии квеста как фразеологическая единица.

Исследование языкового материала показало, что носители языка довольно активно используют сочетания колоративов со словом *ворона* в самых разных ситуациях и сферах жизнедеятельности. Так, название «Красная ворона» имеют кафе в Санкт-Петербурге на Дворцовой площади и наградной знак общественного признания на «Шадруновских чтениях» в городе Ломоносове; название «Синяя ворона» – магазин подарков в Эссентуках и приют в Санкт-Петербурге; «Голубая ворона» – это творческая мастерская в Санкт-Петербурге и проч. При этом связь сочетаний слов с фразеологической единицей *белая ворона* отсутствует, а значит, эти сочетания слов не являются фразеологическими трансформами.

Интересно отметить, что фразеологический компонент-орнитоним *ворона* не подвергается окказиональным заменам словами тематической группы «Человек», как это свойственно многим ФЕ с компонентами-анимализмам (см. выше ФЕ *стреляный воробей*); эта особенность объясняется наличием в языке фразеологизмов *белый человек*, *белые люди*.

Таким образом, фразеологизм *белая ворона*, образ и значение которого не связаны с яркими специфическими признаками, свойственными именно воронам, не имеющий детерминантных компонентов в своём составе, характеризуется достаточно активным преобразовательным потенциалом.

3. Фразеологизм *гусь лапчатый*, имеющий значение ‘пройдоха, плут, хитрый, пронырливый человек’, используется для негативной характеристики кого-либо, однако семантика ФЕ слабо мотивирована, мало связана с повадками, чертами внешности, нравом птицы, взятой в основу фразеологического образа. По мнению авторов историко-этимологического справочника по русской фразеологии, ассоциация с гусем-мошенником «...появилось под влиянием оборота *как с гуся вода* и была связана с представлениями, что заговорённому человеку не страшны болезни и неудачи» [1, с. 142], и, как следствие, он может позволить себе совершать неблагоприятные поступки,

плутовство и не бояться сурового наказания за них». Эскурс в этимологию позволяет увидеть особенность семантики данной единицы: фразеологизм не обладает изоморфизмом значения и формы, то есть выявляется неравномерность семантической нагруженности компонентов ФЕ. Компонент-орнитоним репрезентирует полное значение фразеологизма, тогда как компонент *лапчатый* остаётся семантически незначимым. (О специфической «привязке» к слову *гусь* негативной характеристики свидетельствует семантика просторечного шутивого фразеологического выражения *Ну и гусь!* в значении 'пройдоха, ловкач' [12, с. 128]).

Между тем, анализ окказиональных преобразований ФЕ *гусь лапчатый* позволил сделать следующие выводы. Адъектив *лапчатый* имеет большое значение при трансформациях фразеологизма, так как является важным элементом описания внешности гуся, связан с образом гуся. Именно компонент *лапчатый* становится максимально устойчивым при окказиональных заменах частей фразеологизма, он является основным средством сохранения деривационных связей трансформов с языковым инвариантом. За счёт устойчивости компонента *лапчатый* именно компонент *гусь* активно замещается другими – окказиональными – компонентами: *лапчатый народ*, *лапчатая птица*, *лебедь лапчатый*, *утка лапчатая*, *лодка лапчатая*, *штурман лапчатый*, *страж лапчатый*, *друг лапчатый*, *червь лапчатый*, *Циникус лапчатый*, *Змей-Горыныч лапчатый* и др.

Авторы текстов для замены компонента *гусь* в соответствии с разными целями выбирают разные компоненты. Замена компонента *гусь* осуществляется орнитонимами, называющими птиц, имеющих конечности, схожие с формой конечностей гуся (перепончатые лапы): *утка*, *лебедь*, а также гиперонимом *птица*. Особенностью таких замен является существенное ослабление, а подчас и полное отсутствие фразеологического значения ('пройдоха, плут, хитрый человек'), при этом происходит актуализация образного плана, а компонент *лапчатый*, не репрезентирующий элементов фразеологического смысла, характеризует форму лап, точнее – отнесённость предмета речи к отряду утиных: «Десять лет выращиваем мускусных уток. ... Хороши *утки лапчатые!*» [13]; «Вот и ходят по двору разные *птицы лапчатые*, крикают, гогочут, друг друга в угол загоняют» [13]. В подобных словосочетаниях, лишённых фразеологического смысла, адъективный компонент *лапчатый* способствует не только связи трансформа с языковым инвариантом, но и буквализации значения речевого фразеологизма.

В авторских текстах (публицистических, художественных) некоторые компоненты-заместители используются в качестве средств выразительности, получают положительную оценку: «Двигались по солнечному кругу: разрывные цепи, хоровод ... Штандр-штандр, где моя подруга? Гуси-гуси, *лапчатый народ!*» [21]; «В одну из ночей птица [гусь – И. Т.] выследила грабителей. ... Подняв невероятный гвалт, птица привлекла внимание соседей и тем самым спасла имущество хозяина. Видимо, после этого случая ...Смит решил рассчитать своих сторожей, заменив их обыкновенными гусями. ... Утверждают, что Смит доволен работой *лапчатой стражи*» [20]; «Утка – *лапчатая лодка*, только плавает неходко» [24]. Как видно, словосочетания *лапчатый народ*, *лапчатые стражи*, *лапчатая лодка* имеют иное, нежели языковой фразеологизм, значение. В словах *стража*, *лодка* актуализированы разные признаки, свойства птиц (элементы внешности, повадок, умений и проч.).

Новые – окказиональные – компоненты фразеологизма *гусь лапчатый* могут именовать героев книг, характеризующихся негативными чертами характера, совершающих скверные поступки. В названиях таких персонажей видится их связь с фразеологической семантикой, трансформы поддерживают деривационные связи с языковой ФЕ. Так, герой новогодней сказки, внешне напоминающий гуся, получил имя *Змей Горыныч лапчатый* [25]. Герой произведения И. Рахлецова [23], также крайне неприятный тип, именуется Циникусом Лапчатым (в имени прослеживается

связь со словом *циник* – ‘человек, отличающийся бестактностью, вседозволенностью, грубостью, нарушающий моральные и этические нормы поведения в обществе’).

Таким образом, относительная устойчивость компонента *лапчатый*, обусловленная выражением яркой особенности внешности гуся, способствует появлению в разных контекстах большого количества фразеологических трансформов с заменой компонента-орнитонима *гусь*.

4. Фразеологическая единица *мокрая курица* имеет значения: ‘безвольный, бесхарактерный человек’; ‘человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо’. Прозрачна связь значения и образа: вид курицы, попавшей под дождь, жалок и непримечателен [1, с. 324], образ мокрой курицы очень точно характеризует состояние беспомощности и подавленности. Особенностью данного фразеологизма является отсутствие специфических компонентов, способных актуализировать деривационные связи при осуществлении замены языковых компонентов окказиональными, а также компонентов, актуализирующих образный план фразеологизма, характеризующих какие-либо особенности внешности, повадок птицы. Замена компонента-орнитонима *курица* другими словами-орнитонимами (*мокрый петух*, *мокрый воробей*, *мокрая ворона* и др.), словами-зоонимами (*мокрый заяц*, *мокрый баран*, *мокрый суслик* и др.), словами-антропонимами (*мокрый человек*, *мокрый дворник* и др.) приводит к потере деривационных связей, к невозможности интерпретировать сочетания слов как окказиональные фразеологические трансформы. Слово-сочетания являются свободными, имеют прямое значение: «Мокрая ворона по газону бродит, / что-то вроде ищет, ищет – не находит. / То листок поднимет, то бумажку сдвинет, / то конфетный фантик в сторону откинет ...» [27]; «В городе погода – дрянь, хоть в петлю, / Новый год?... Где?... Слыхом не слыхал ... Кто в моё окно стучит капелю? / Не открою мокрым петухам!» [26]. Такой же вывод можно сделать и в отношении замен адъективного фразеологического компонента *мокрая* (*влажная курица*, *сухая курица* и под.). Как фразеологический трансформ будут восприниматься лишь сочетания слов, поддерживающие со своим языковым инвариантом связь – семантическую и / или образную.

Анализ ФЕ с компонентами-орнитонимами позволил сделать следующие выводы: активность замены компонента-орнитонима зависит от нескольких факторов.

1) При замене компонентов-орнитонимов происходит актуализация системных связей орнитонима, и слово-заместитель может относиться к группам (1) орнитонимов, (2) гиперонимов, (3) зоонимов, (4) анимализмов, (5) антропонимов и – редко – (6) предметов, (7) явлений.

2) Чем меньше семантическая нагрузка компонента, репрезентирующего элементы фразеологического значения, чем менее компонент связан с характеристикой каких-либо специфических черт фразеологического образа, чем слабее фразеологическая спаянность компонентов – тем чаще он подвергается окказиональным заменам. Если же компонент при репрезентации фразеологического значения является смысловой доминантой, или он доминирует при сохранении деривационных связей трансформы с его языковой базой, или он является компонентом-символом, сохраняющим связь с символическим значением, то замены такого компонента не являются частотными.

3) Устойчивые к заменам компоненты способны самостоятельно обеспечить деривационную связь трансформы с базовой языковой единицей, однако, как правило, для идентификации окказионального фразеологизма требуются внешние контекстные актуализаторы.

Список источников и литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
3. Зимин В. И. Птицы в русской фразеологии и поэзии // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. ст. к юбилею проф. А. М. Мелерович. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 107–127.
4. Крепкогорская Е. В. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84), ч. 2. С. 359–362.
5. Кутьева М. Семантика фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в русском и испанском языках // Docplayer: сайт.
URL: <http://docplayer.ru/29550971-Semantika-frazeologizmov-s-komponentom-ornitonimom-v-russkom-i-ispanskoy-yazykah-1.html> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы русской речи : словарь. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
7. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адамчик. Минск: Харвест, 2008. 607 с.
8. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
9. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
10. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 391 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
12. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
13. Мускусная утка [Электронный ресурс] // Весёлое подворье. Мой любимый загородный дом : [интернет-форум].
URL: <http://dvor.ru/forum/index.php?topic=164.4925> (дата обращения: 23.02.2021).
14. Дунаенко А. Ушла и не вернулась [Электронный ресурс] // Libking : сайт. URL: <https://libking.ru/books/love-/love-short/447940-aleksandr-dunaenko-ushla-i-ne-vernulas.html> (дата обращения: 13.03.2021).
15. Зорич В. Тридцать первый, жёлтая ворона [Электронный ресурс] // Книгавухе : сайт. URL: <https://knigavuhe.org/book/tridcat-pervyyj-zhjoltaja-vorona/> (дата обращения: 13.03.2021).
16. Кабышев С. Жёлтая ворона будет пошибче белой [Электронный ресурс] // Новая Сибирь: сайт. URL: <http://newsib.net/kultura/zheltaya-vorona-budet-poshibche-beloj.html> (дата обращения: 13.03.2021).
17. Каплан В. Последнее звено [Электронный ресурс] // Sv-scena.ru : сайт.

- URL: <http://sv-scena.ru/Buki/Poslyednyeye-zvyeno.html> (дата обращения: 10.03.2021).
18. Королёв Д. Красная ворона [Электронный ресурс] // Parnasse: литературный сайт. URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/love/krasnaja-vorona.html> (дата обращения: 10.03.2021).
19. Крюков Ф. Гулебики (Очерк из быта стародавнего казачества). [Электронный ресурс] // Vibra.ru: Библиотека российских авторов : сайт. URL: <https://vibra.ru/composition/gulebshhiki/> (дата обращения: 13.03.2021).
20. Лапчатый страж [Электронный ресурс] // Potka.ru : [сайт]. URL: <http://potka.ru/lapchatyj-strazh.html> (дата обращения: 13.03.2021).
21. Остудин А. Автопилот любви. Стихотворения [Электронный ресурс] // Мегалит: евразийский журнальный портал : [офиц. сайт Южнорусского Союза Писателей]. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php> (дата обращения: 10.03.2021).
22. Расев А. Синяя ворона [Электронный ресурс] // Flatik.ru : сайт. URL: <https://flatik.ru/sinyaya-vorona> (дата обращения: 11.01.2021).
23. Рахлецов И. Циникус лапчатый, гробы, устрицы и крутая компашка [Электронный ресурс] // Литнет : сайт. URL: http://samlib.ru/i/iwan_rah/1cinkuslapchatyjgrobustricyikrutajakompashka.shtml (дата обращения: 10.03.2021).
24. Сангур Г. Стрекоза; Утка; Поезд [Электронный ресурс]. URL: <https://go.mail.ru/search?fm=1&rf=1011&q=утка%20лапчатая&sf=30> (дата обращения: 10.03.2021).
25. Сказка на новый лад про петуха [Электронный ресурс] // Hellcomics : сайт. URL: <https://hellcomics.ru/skazka-na-novyi-lad-pro-petuha-dlya-detei-povogodnyaya-skazka-priklyucheniya/> (дата обращения: 15.01.2021).
26. Соловьёв С. Мокрый петух [Электронный ресурс] // Стихи.ру: [российский литературный портал]. URL: <https://stihi.ru/2016/12/27/7352> (дата обращения: 15.01.2021).
27. Тьдман В. Мокрая ворона по газону бродит... [Электронный ресурс] // Поэмбук : [поэтическая социальная сеть]. URL: <https://poembook.ru/поэм/27725> (дата обращения: 10.03.2021).
28. Цыбизов В. Тайна «Соленоида» [Электронный ресурс] // Libking : сайт. URL: <https://libking.ru/books/sf-/sf/11717-vladimir-tsybizov-tayna-solenoida.html> (дата обращения: 15.01.2021).
29. Черняев С. Победа русских КАМАЗов [Электронный ресурс] // Камаз-мастер : сайт. URL: <https://kamazmaster.ru/media/media/strategiia-beskonechnosti-ili-piat-epizodov-estafetnoi-igry-kamaz-mastera> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Birikh A. K., Mokiyeenko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravocnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. St-Petersburg, Folio-Press publ, 2001. 704 p. [in Russian].

2. Teliya V. N. (ed.) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znacheniiye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* [The Big Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ, 2006. 784 p. [in Russian].
3. Zimin V. I. Ptitsy v russkoy frazeologii i poezii [Birds in Russian phraseology and poetry]. *Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni: sb. nauch. st. k yubileyu prof. A. M. Melerovich* [The life of phraseology - phraseology in life: Collection of scientific articles for the anniversary of prof. A. M. Melerovich]. Kostroma, Izd-vo Kostrom. gos. un-ta publ, 2018. Pp. 107–127. [in Russian].
4. Krepkogorskaya Ye. V. Natsional'no-kul'turnyye osobennosti frazeologizmov s komponentom-ornitonimom v angliyskom i russkom yazykakh [National and cultural peculiarities of phraseological units with the ornithonym component in the English and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*. 2018. No 6 (84), P. 2. Pp. 359–362. [in Russian].
5. Kut'yeva M. Semantika frazeologizmov s komponentom-ornitonimom v russkom i ispanskoy yazykakh [Semantics of phraseological units with an ornithonym component in Russian and Spanish]. *Docplayer*. URL: <http://docplayer.ru/29550971-Semantika-frazeologizmov-s-komponentom-ornitonimom-v-russkom-i-ispanskoy-yazykah-1.html> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
6. Melerovich A. M., Mokiyeenko V. M. *Frazeologizmy russkoy rechi: slovar'* [Phraseologisms of Russian speech: dictionary]. Moscow, Russkiye slovari publ, 1997. 864 p. [in Russian].
7. Adamchik V. V. (comp.) *Polnaya entsiklopediya simvolov i znakov* [Complete encyclopedia of symbols and signs]. Minsk: Kharvest publ, 2008. 607 p. [in Russian].
8. Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B. et al, *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'. Issue 1* [Russian cultural space: a linguoculturological dictionary. Issue 1]. Moscow: Gnozis publ, 2004. 318 p. [in Russian].
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: ITI TEKHNologii publ, 2003. 944 p. [in Russian].
10. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. In 2 vols. Moscow, Tsitadel' publ, 1997. Vol. 1. 391 p. [in Russian].
11. Molotkov A. I. (ed.) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk publ, 1986. 543 p. [in Russian].
12. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St-Petersburg, Norint publ, 2004. 768 p. [in Russian].
13. Muskusnaya utka [Musk duck]. *Vesoloye podvor'ye. Moy lyubimyy zagorodnyy dom*: [Internet-forum]. URL: <http://dvor.ru/forum/index.php?topic=164.4925> (accessed: 23.02.2021). [in Russian].
14. Dunayenko A. *Ushla i ne vernulas'* [She left and did not return]. *Libking*. URL: <https://libking.ru/books/love-/love-short/447940-aleksandr-dunaenko-ushla-i-ne-vernulas.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].

15. Zorich V. Tridtsat' pervyy, zholtaya vorona [Thirty-first, yellow crow]. *Knigavukhe*. URL: <https://knigavuhe.org/book/tridcat-pervyyj-zhjoltaga-vorona/> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
16. Kabyshev S. Zholtaya vorona budet poshibche beloy [The yellow crow will be a little faster than the white one]. *Novaya Sibir'*. URL: <http://newsib.net/kultura/zheltaya-vorona-budet-poshibche-beloy.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
17. Kaplan V. Posledneye zveno [The last link]. *Sv-scena.ru*. URL: <http://sv-scena.ru/Buki/Poslyednyeye-zvyeno.html> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
18. Korolov D. Krasnaya vorona [Red crow]. *Parnasse.ru* URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/love/krasnaya-vorona.html> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
19. Kryukov F. Gulebshchiki (Ocherk iz byta starodavnego kazachestva). [Gulebschik-nomad (Essay from the life of the ancient Cossacks)]. *Bibra.ru*. URL: <https://bibra.ru/composition/gulebshhiki/> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
20. Lapchatyy strazh [Palmated guard]. *Potka.ru*. URL: <http://potka.ru/lapchatyj-strazh.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
21. Ostudin A. Avtopilot lyubvi. Stikhotvoreniya [Autopilot of love. Poems]. *Megalit: yevraziyskiy zhurnal'nyy portal*. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
22. Rasev A. Sinyaya vorona [Blue crow]. *Flatik.ru*. URL: <https://flatik.ru/sinyaya-vorona> (accessed: 11.01.2021). [in Russian].
23. Rakhletsov I. Tsinikus lapchatyy, groby, ustritsy i krutaya kompashka [Cynicus palmated, coffins, oysters and a cool company]. *Litnet*. URL: http://samlib.ru/i/iwan_rah/1cinikuslapchatyjgrobyustricyikrutajakompashka.shtml (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
24. Sapgir G. Strekoza; Utka; Poyezd [Dragonfly; Duck; Train]. *Go.mail.ru* URL: <https://go.mail.ru/search?fm=1&rf=1011&q=utka%20lapchataya&sf=30> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
25. Skazka na novyy lad pro petukha [A tale in a new way about a rooster] *Hellcomics*. URL: <https://hellcomics.ru/skazka-na-novyi-lad-pro-petuha-dlya-detei-novogodnyaya-skazka-priklyucheniya/> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
26. Solov'yov S. Mokryy petukh [Wet rooster]. *Stikhi.ru*. URL: <https://stikhi.ru/2016/12/27/7352> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
27. Tydman V. Mokraya vorona po gazonu brodit... [Elektronnyy resurs] // Poembuk : [poeticheskaya sotsial'naya set']. URL: <https://poembook.ru/poem/27725> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
28. Tsybizov V. Tayna «Solenoida» [The secret of the "Solenoid"]. *Libking*. URL: <https://libking.ru/books/sf-/sf/11717-vladimir-tsybizov-tayna-solenoida.html> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
29. Chernyayev S. Pobeda russkikh KAMAZov [Victory of Russian KAMAZ]. *Kamaz-master*. URL: <https://kamazmaster.ru/media/media/strategiia-beskonechnosti-ili-piat-epizodov-estafetnoi-igry-kamaz-mastera> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].

Дата поступления статьи: 17.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 17.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Третьякова Ирина Юрьевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной
филологии ФГБОУ ВО «Костромской
государственный университет»
(e-mail: trirfr@mail.ru)

Information about the Author

Tretyakova Irina Yuryevna,
Doctor of Philology, Assistant Professor,
Professor of the Chair of Russian Philology,
Kostroma State University
(e-mail: trirfr@mail.ru)

МОДЕЛЬ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ А. П. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Ж. А. Колесникова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье предпринимается попытка концептуального анализа повести А. П. Платонова «Котлован». В качестве основополагающих рассматриваются концепты «человек», «пустота», «жизнь», «счастье», «тоска», «скука», «будущее». В процессе анализа упоминаются как специфические, так и узуальные компоненты семантического наполнения концептов, необходимые для постижения организации реальности произведения. Так, индивидуально-авторская картина мира А. П. Платонова генерирует понимание «человека» как бессистемного механизма двупланового содержания, «жизни» как причины смерти и вектора, «пустоты» как потенциальной возможности заполнения и одиночества, «счастья» как неизбежности, «скуки» как предзнаменования смерти и т.д. Между состоянием сущего, спецификой восприятия темпоральных категорий как пространственных и мотивом сиротства выстраиваются отношения подчинения.

Настоящая работа раскрывает такое важное положение для картины мира повести «Котлован», как отдельное бытие предметов и частей тела живых существ. Доказательства тому можно найти в семантическом наполнении перечисленных выше антропологических концептов, а также непосредственно в предикатах и атрибутах при существительных с соответствующей семантикой, частотных префиксах и целых эпизодах повести. Так, бессистемность, разрозненность всего сущего складывается в хаотичную картину дезорганизации мира. А мотив сиротства, предполагающий потерю опекающего субъекта, пересекается с темой богооставленности, введенной А. П. Платоновым с помощью эпизода с попом в церкви и отдельных лексем.

Автор статьи, усматривая связь между философией Владимира Соловьёва и отсутствием объединённости в мироустройстве повести, выдвигает теорию о зависимости отдельного бытия частей всего сущего от вынесения за пределы посюстороннего божественного начала.

Ключевые слова: концепт, бытие, небытие, «человек», «жизнь», «счастье», «тоска», «будущее», «скука», время.

MODEL OF THE WORLD AND INDIVIDUAL IN THE NOVEL "THE FOUNDATION PIT" BY A. PLATONOV

Zh. A. Kolesnikova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article makes an attempt of conceptual analysis of the novel "The Foundation Pit" by A. Platonov where the concepts of 'individual', 'emptiness', 'life', 'happiness', 'anguish', 'boredom' and 'future' are considered as the basic ones. In the process of analysis, the attention is paid to both specific and conventional components of semantic content of the concepts that are essential for comprehension of the reality structure of the composition. Thus, Platonov's worldview regards 'individual' as a systemless mechanism of a two-facet content, 'life' as cause of death and a vector, 'emptiness' as an opportunity for fulfilment and loneliness, 'happiness' as an inevitability, 'boredom' as an omen of death and etc. Relations of subordination are built between the universum, the peculiarity of the perception of temporal categories as spatial and the motive of orphanhood.

The article also reveals such an important proposition of the novel as an autonomy of things and body parts. This may be observed in the content of the foregoing anthropological concepts as well as directly in predicates and attributes for the nouns with corresponding semantics, in some frequently appearing prefixes and in entire episodes of the novel. Thereby the inconsistency, the fragmentation of the universum develops into a chaotic picture of the disorganized world. The motive for orphanhood implying the loss of a tutelary entity meets with a theme of godforsakenness, transmitted through the episode about the priest in the church, and with the help of certain lexemes.

As a result, having established the connection between the philosophy of Vladimir Solovyov and the inconsistency of the world in the novel, the author of the article proposes the theory of dependence of the autonomous being of parts within The universum on the intentional outbordering of the immanent divine principle.

Keywords: concept, being, non-being, 'individual', 'life', 'happiness', 'anguish', 'future', 'boredom', 'time'.

Исключительный характер индивидуальных представлений о мире находит отражение в языке каждого человека. Помещённые в философский дискурс, видения обрастают символами и особыми ассоциациями, что связано с аккумулятивной функцией языка.

В рамках индивидуально-авторской картины мира можно говорить о целостных метафизических концепциях, репрезентированных в идиостиле, образах, аллегорических описаниях. Наиболее эффективным способом её изучения является концептуальный анализ, «предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте» [3, с. 204].

Обращаясь к центральному понятию данной сферы – концепту, отметим, что разные направления лингвистики рассматривают его как объект своих исследований: лингвокультурологический (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик), когнитивный (Е. С. Кубрякова), психологический (Д. С. Лихачёв), этнофилософский (В. В. Колесов) подходы и т.д. Синтезируя несколько представлений, мы понимаем концепт как ментальную единицу семантического образования, формируемого значением языкового знака.

Последующее изложение демонстрирует попытку концептуального анализа в рамках индивидуально-авторской картины мира А. П. Платонова, сформулированной в повести.

Метафизические герои «Котлована» живут в постапокалиптической действительности, т.е. в мире, пережившем катастрофу, в мире устанавливающемся. Воцев, один из центральных персонажей повести, обеспокоен незакрытым гештальтом поиска истины существования. С этой персоналии мы и начнём постижение концепта «человек», лежащего в основании картины мира А. П. Платонова. Буквально первое предложение произведения позволяет нам ввести семантический компонент концепта: человек являет себя двуплановым существом. На примере утверждения возраста Воцева прослеживается разделение героя на две составляющих – личную и социальную, внутреннюю и внешнюю («В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчёт с небольшого механического завода...») [6, с. 4]. Микрокосм представлен единственным элементом – зияющей пустотой, образовавшейся на месте извлечённого кем-то «убеждённого чувства».

Представляется важным обозначить «пустоту» отдельным концептом, поскольку данное явление характеризует вовсе не только человека А. П. Платонова, но и самый мир. Описывая представления об этом феномене, мы пойдём от периферии к центру. Среди прочих смыслов обозначенного, пожалуй, менее всего выделяется одиночество, представленное инженером, который «боялся пустого домашнего времени» [6, с. 19], и немощным Козловым, который «ночью под одеялом сам себя» любит [6, с. 17]. Семантическим ядром концепта «пустота» является оппозиция

‘отсутствие чего-то’ – ‘возможность образовать что-то’. Так, Воцев угадывал в собственном теле наличие места, где *«ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться»* [6, с. 10]. Отметим, что в данном случае нет надобности выделять «ничто» как отдельную категорию, поскольку автор здесь не имеет в виду Небытие, он подразумевает некогда наличествовавшее нечто. Чаще всего концепт «пустота» эксплицируется в атрибутивной позиции как прилагательное *пустой* (12 словоупотреблений, согласно НКРЯ) и характеризует состояние окружающей среды и предметов, её наполняющих (*«на пустом свете»* [6, с. 33], *«пустым мешком»* [6, с. 17]), человеческого организма и его частей (*«я весь пустой»* [6, с. 71], *«в пустом сердце»* [6, с. 27]), а также отражает субъективное равнодушное отношение Прушевского к грядущему (*«пусть будущее будет чужим и пустым»* [6, с. 34]). Реже (4 вхождения, согласно НКРЯ) репрезентантом выступает существительное, представляющее пространством отсутствие чего-либо (*«а пролетариат живёт один в этой скучной пустоте»* [6, с. 23]) и характеристику имманентного явления (*«в душевной пустоте»*) [6, с. 92]. Завершая разговор о вакууме как черте мира и человека в «Котловане», мы не можем не указать на перекличку идей А. П. Платонова и Н. А. Бердяева. Человек творит собственное бытие, взаимодействуя с действительностью и принимая в себя её влияния, потому что он не только *«от мира сего, но и от мира иного»* [2, с. 68]. В этом абсолютном Сотворчестве человек строит действительность, потому особенно трагично выглядит смерть Насти в повести: погибает не индивид, а целый мир.

Ребёнок в произведении – образ особый. Ему необходимо отвести отдельное место в нашем рассуждении. Детство воспринимается как концентрация истины. Если связывать явления произведения с историческими событиями, то можно вывести причину такого осмысления: ребёнок родился в новой реальности – он не знал другой. Идея привести девочку-сироту на котлован принадлежит Жачеву. Выбор оправдан: должна быть именно сирота, потому что общество всё одиноко. Концепт «человек» сопровождают сиротство и тщетность (*«бесприютные массы»* [6, с. 6] неизменно предаются *«безответному существованию»* [6, с. 7]), – таким образом находит реализацию имплицитно введённая здесь тема Бога, богооставленности.

В качестве номинации человечества, людей в общем часто используется политическое клише *массы* (39 употреблений, согласно НКРЯ), а priori предполагающее нивелирование различий и индивидуальностей, свойственное советской идеологии. В связи с этим человек вообще обесценивается, он стоит *«наравне с материалом»* [6, с. 13].

Разложение и расщепление – это процессы, непрерывно происходящие с людьми в мире А. П. Платонова. В этой связи можно вспомнить многочисленные упоминания частей живого организма как действующих самостоятельно, вне сцепления с другими элементами, вне системы. Так, голова, глаза, руки и т.д. часто предстают фрагментами, обладающими собственным бытием: *«отверстые глаза наблюдали»* [6, с. 8], *«чувствуя нарастающую силу горящего ума»* [6, с. 10], *«молчаливой головой»* [6, с. 39], *«остановил молящуюся руку»* [6, с. 30], *«прощупывая тщательными глазами»* [6, с. 61]. Всё это служит созданию образа поэтапного расстройств человека как механизма: будто работа в его организме ведётся лишь на некоторых участках, которые предстают отдельно сущими. То же справедливо и для других обитателей мира «Котлована». В этом контексте можно вспомнить эпизод с собаками, постепенно поедающими элемент – вполне в духе языка А. П. Платонова – обобществлённого скота (*«Но жизнь лошади ещё была цела – она лишь бледнела в дальней нищете, делилась всё более мелко и не могла утомиться»* [6, с. 81]). Итак, концепт «человек» сопровождает сценарий умирания его как системы *«по мелким частям на ходу жизни»* [6, с. 54].

Другой антропологический концепт, достойный анализа, – «скука». Она пересекается с «пустотой» (*«в скучной пустоте»* [6, с. 23]) и воспринимается как предвестник или причина смерти. Юлия, мать Насти, умирает от скуки. А ближе к концу

жизни её дочь, ребёнок пролетариата, всё чаще повторяет, что ей *«так скучно стало»* [6, с. 111]. Так, концепт приобретает моральные ассоциации. Наиболее часто (12 словоупотреблений) рассматриваемый концепт эксплицируется в безлично-предикативных словах, безусловно, характеризующих состояние живых существ и олицетворяющих окружающую действительность (*«скучно собаке»* [6, с. 81], *«мне стало скучно»* [6, с. 45], *«со сволочью нам скучно будет»* [6, с. 91], *«кругом скучно»* [6, с. 19]). Наречие *скучно* встречается 9 раз и представляет признаки как человека и его частей, так и элементов реальности (*«скучно лежала пыль»* [6, с. 4], *«скучно билось его ослабевшее сердце»* [6, с. 76]). В атрибутивной позиции репрезентант данного концепта определяет мир (*«среди скучной ночи»* [6, с. 36], *«скучное место»* [6, с. 27]), лицо (*«скучный мужик»* [6, с. 89]) и интеллектуальное состояние (*«в скучном недоумении»* [6, с. 107]). Глагольная экспликация (8 словоупотреблений) свидетельствует о наличии действия, движения в семантическом поле «скуки».

Концепт «жизнь» находит выражение, как и «тоска» (представленная 11 существительными, 3 прилагательными, 13 формами глаголов и 1 безлично-предикативным словом), в векторности, ориентации на будущее. Но, поскольку всё в мире А. П. Платонова существует вне системы, жизнь отделена от человека и не воспринимается как нечто, безусловно с ним сопряжённое. Уже о будущем говорят: *«тогда назначим жизнь и отдохнём»* [6, с. 19]. Векторность анализируемого концепта связана не только с будущим, но и со «смертью»: *«у нас каждый и живёт оттого, что гроб свой имеет»* [6, с. 54]. Экзистенциальный характер семантического поля «жизни» возникает вместе с восприятием оной как процесса постепенного умирания и причины смерти: *«от жизни все умирают»* [6, с. 107].

Антропологический концепт «счастье» пересекается с концептом «будущее». Первое – это непереносимое условие существования человека в лучшие времена (*«для будущего неподвижного счастья»* [6, с. 23]). Счастье воспринимается как неизбежность – *«всё равно <...> наступит исторически»* [6, с. 23].

Вопросы антропологии были в той или иной мере рассмотрены нами выше, значит, имеет смысл перейти к окружающему миру – природе и вещам. Описание состояния бытия не представляется возможным без описания сущего. Всё в мире пребывает зачем-то. Если главный герой сомневается в смысле своего существования, то природные явления взаимосвязаны: ветер дует, *«чтобы люди не задохнулись»* [6, с. 5]. Однако не всё так стройно, распад и бессмысленность можно проследить не только в наблюдениях за человеком: мучается и окружающий мир (*«вопрошающее небо»* [6, с. 5], *«ветхость отживающего мира»* [6, с. 42], *«пахло умершей травой»* [6, с. 15]).

Тема одиночества находит отражение и в пейзажах: *«безлюдная ночь»* [6, с. 11]. Пространство наделяется вполне человеческими атрибутами и предикатами, что являет образ «чувствующего, сознающего» мира (запах *«обнажённых мест»* поля [6, с. 15], *«...точно грусть – стояла мёртвая высота над землёй»* [6, с. 20]). Потеря человеком гармонии с природой выражается в противопоставлении: *«камень нагревался, а Козлов постепенно холодел»* [6, с. 20]. Отличительная характеристика всего сущего в мире А. П. Платонова – это его энтропийность. В таком пространстве возможно существование солнца, которое *«безрасчётно расточало своё тело»* [6, с. 25].

Время в «Котловане» особое, сближающееся, по нашему мнению, с эйнштейновской концепцией взаимообусловленности. Восприятие темпоральных категорий как локальных реализовано в конструкциях с пространственными предложениями (*«отправился в ночь»* [6, с. 5], *«пеший путь лежал среди лета»* [6, с. 6], *«пожить одному среди скучной ночи»* [6, с. 36]) и в образе старика, плетущего лапти, в которых он собирался отправляться в прошлое (*«он сидел под навесом для сырья и чинил лапти, видно, собираясь отправляться в них обратно в старину»* [6, с. 43]). Часто время воспринимается как почти неподвижное, тянущееся бремя (*«Сельские часы <...> терпеливо шли силой тяжести мёртвого груза»* [6, с. 13]), а герои – как застрявшие между двумя вечностями: радостным детством и неизбежно счастливым будущим.

Сделанные умозаключения позволяют нам перейти к бытийному в языке А. П. Платонова. Писатель использует «вещество существования» в качестве обозначения материала-идентификатора Бытия. Мы понимаем его так, как понимал Хайдеггер, – как обращённое к человечеству просветление, которое «предоставляет пространственно-временной зазор, в котором может являться сущее» [8, с. 112]. Но всё сущее в произведении рушится, в том числе человек. Всё распадается на отдельно бытийствующие части. Самый язык А. П. Платонова указывает на то: он про разрушенный мир, собранный по частям, которые так и не начали работать как целое. Оттого часто используются слова с приставкой *из-*(*ис-*) в значении ‘доведение действия до излишнего предела’ («*исчахшие люди*» [6, с. 14], «*тело, истомлённое мыслью*» [6, с. 15], «*истомлённый прах*» [6, с. 43], «*истёршаяся терпеливая ветхость*» [6, с. 96]) и с приставкой *без-*(*бес-*) в значении ‘отсутствие или недостаток чего-либо’ («*приучали бессемейных детей*» [6, с. 4], «*бесприютные массы*» [6, с. 6], «*документы беспланового создания мира*» [6, с. 41], «*безубыточные мужики*» [6, с. 81]).

Так, не отрицая версии И. А. Бродского о том, что Платонов писал на языке некогда популярной «утопии, на языке своей эпохи» [4], мы утверждаем, что А. П., подобно Бальзаку, способному «видеть время в пространстве» [1], смог узреть его в языке.

Всё в мире «Котлована» ожидает наступления Ничто. Вспомним страх одного из персонажей перед небытием: «*не быть он боялся*» [6, с. 65]. Но почему так происходит? Ответом на данный вопрос нам видится реплика одинокого попа в церкви: «*Я не чувствую больше прелести творения – я остался без Бога, а Бог без человека*» [6, с. 76]. Обратим внимание на то, что Бытие Творца не отрицается, а утверждается в отрыве от человека. Так, из имманентного явления Бог превращается в трансцендентное, т.е. он выносится за пределы посюстороннего. Эта идея реализована в образе опустошённого мужика, у которого «*душа ушла изо всей плоти*» [6, с. 71], и теперь он боится улететь к чему-то по ту сторону.

Становится ясно, что эпоха, отражённая А. П. Платоновым в «Котловане», с её идеологией безнадежно пытается достигнуть Всеединства в отрыве от Бога, что невозможно, по В. Соловьёву, поскольку «отпавший от божественного единства природный мир является как хаос разрозненных элементов» [7, с. 104].

Причина крушения некогда существовавшего мироустройства ясна – отказ от Первоначала. А в последней реплике Жачева («*Я теперь в коммунизм не верю*»¹ [5]) находится выход из пут утопизма – это преодоление режима. Тогда Воцев найдёт свою истину в Боге, мировая душа перестанет гибнуть из-за отсутствия стремлений, котлован уже не будет раной на её теле и могилой будущего, тогда наступит неподвижное счастье и, стало быть, вечность.

Итак, проведённый нами анализ позволил выделить основные концепты, на которых зиждется устройство мира повести «Котлован» А. П. Платонова: «человек», «скука», «пустота», «тоска», «счастье», «будущее», «жизнь». Каждый из них имеет специфическое семантическое наполнение по сравнению с узуальным употреблением. «Человек» раскрывается в двух планах: личном и общественном. Микрокосм заменяет пустота, пришедшая на место утратившейся истины, именуемой в повести «убеждённым чувством», причём её стихийная потеря воспринимается как решение, принятое не носителями самой истины. Такие семантические компоненты, как бессмысленность и сиротство человечества, вводят тему богооставленности, центральную для понимания причин специфического устройства мира повести.

«Пустота», предстающая не только антропологическим концептом, раскрывается как одиночество и оппозиция «отсутствие – возможность». «Жизнь», как и «тоска», «счастье», «будущее», обнаруживается не как процесс, явление, феномен или состояние, а как вектор, направление, ориентация. Концепт «скука» содержит мотив смерти.

Маркерами состояния бытия выступают «вещество существования», а также расщепление и разложение как семантические компоненты концепта «жизнь». Эти процессы способствуют созданию картины отдельного бытия всех предметов окружающего мира, в том числе частей тела человека. Мир как бы находится в состоянии первоначального хаоса, где каждый его элемент не сопряжён с системой, а существует самостоятельно. Так пересекаются мотив богооставленности и разрозненность всего сущего. Зависимость бессистемного устройства мира от отрицания теодицеи выводится в связи с философией Владимира Соловьёва. Таким образом, преодоление существующего миропорядка возможно только при отказе от режима, о чём свидетельствует последняя реплика Жачева.

Примечания

1. Цитату мы приводим по изданию, загруженному в НКРЯ, поскольку в советских изданиях реплика содержит редакторские правки.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* [Электронный ресурс] // Институт исследований природы времени : сайт. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения: 03.05.2021).
2. Бердяев Н. А. *Смысл творчества*. М.: АСТ, 2018. 416 с.
3. Болотнова Н. С. *Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста* // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3-4. С. 198–207.
4. Бродский И. *Послесловие к «Котловану» А. Платонова* [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова : электронная библиотека. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (дата обращения: 01.05.2020).
5. Подкорпус «Котлован» А. П. Платонова [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка : сайт. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 03.05.2021).
6. Платонов А. П. *Котлован ; Ювенильное море : повести*. М.: Худож. лит., 1987. 192 с.
7. Соловьев В. *Чтения о Богочеловечестве* / ред., вступ. ст. и коммент. С. П. Заикина. СПб.: Азбука, 2014. 384 с.
8. Хайдеггер М. *Положение об основании*. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при Филос. фак. СПбГУ : Алтейя, 2000. 290 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel]. Institut issledovaniy prirody vremeni. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (accessed: 03 May 2021). [In Russian].
2. Berdiaev N. A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Moscow: AST publ., 2018. 416 p. [In Russian].

3. Bolotnova N. S. Poeticheskaia kartina mira i ee izuchenie v kommunikativnoi stilistike teksta [Poetic picture of the world and its study in the communicative style of the text]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. Novosibirsk, 2003. Issue 3-4. Pp. 198–207. [In Russian].
4. Brodsky I. Posleslovie k “Kotlovanu” A. Platonova [Afterword to “The Foundation Pit” by A. Platonov]. *Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova*. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (accessed: 01 May 2020). [In Russian].
5. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. «Podkorpus “Kotlovan” A.P. Platonova»*. [National corpus of the Russian language. «Subcorpus “The Foundation Pit” by A.P. Platonov»]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 03 May 2021) [In Russian].
6. Platonov A. P. *Kotlovan; Iuvenil'noe more: Povesti*. [The Foundation Pit; The Juvenile Sea: Novels]. Moscow: Khudozh. Lit. publ., 1987. 192 p. [In Russian].
7. Solov'ev V. Chteniia o Bogochelovechestve [Readings on God-manhood]. Ed., introductory article and comments by S. P. Zaikin. St. Petersburg: Azbuka publ., 2014. 384 p. [In Russian].
8. Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii [Regulation on the foundation]*. St. Petersburg: Lab. metafiz. issled. pri Filos. fak. SPbGU publ.; Aletheia publ., 2000. 290 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 26.05.2021

Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 26.05.2021

Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Колесникова Жанна Александровна,
студент 4 курса факультета русской
филологии и документоведения
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: iamjane21@gmail.com).

Information about the Author

Kolesnikova Zhanna Aleksandrovna,
4th year student of the Department of Russian
Philology and Records Management,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: iamjane21@gmail.com).

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е. В. Пронина

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть особенности идиостиля произведения, иллюстрирующие своеобразие и неповторимость художественной манеры Достоевского, благодаря которым создается уникальная картина произведения и возможность глубже проникнуть в идейное содержание на всех уровнях анализа. Производится лингвопоэтический анализ языка рассказа по фонетическому, лексико-семантическому, синтаксическому аспектам. В фонетическом строе рассказа проявляется ритмический контраст, влияющий на структуру и семантику произведения. Благодаря подобной ритмической организации текста в первой части рассказа достигается эффект спутанности сознания главного героя, а к концу ритм становится спокойным размеренным. Рассматривая лексико-семантическую сторону художественного текста, следует заключить, что в нем развернуто представлены все основные гносеологические образы-слова тезауруса Достоевского: человек – жизнь – хронотоп – страх – смерть – Истина. Одной из наиболее примечательных особенностей синтаксиса рассказа являются особые индивидуальные сочетания глагола и существительного. По мере продвижения в повествовании, когда позиция героя становится более определённой и осознанной, отрывистый темп повествования сменяется размеренным, появляется гипотаксис, предложения разветвленной структуры с несколькими типами связи, а в эпилоге рассказа, когда герой принимает решение проповедовать, можно наблюдать сходство синтаксиса произведения с подобными особенностями жанра православной церковной риторики – проповеди. Особо рассматриваются повторы, сцепления, а также такие сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса такие, как именительный темы, причем в тему Достоевским выносятся идиоглоссы: жизнь, истина, проповедь, сон. Проведенный анализ доказывает утверждение о том, что в рассказе переплетаются лингвопоэтические «нити» всех больших романов Достоевского.

Ключевые слова: лингвопоэтика, Достоевский, «Дневник писателя», ритмическая организация художественного текста, гносеологические образы-слова (идиоглоссы), паратаксис, гипотаксис, сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса.

LINGUO-POETIC PECULIARITY OF A SCIENCE FICTION STORY BY F. M. DOSTOEVSKY «THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN»

E. V. Pronina

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The purpose of the article is to consider the peculiar features of the ideostyle of a literary work, describing originality and distinctiveness of Dostoevsky's manner of writing thanks to which a unique image of a literary work is created and one gets a possibility to understand the message of the writer's work on all levels of the analysis much deeper. The linguopoetic analysis of the language of the story is carried out in terms of phonetic, lexical-semantic, syntactic aspects. Phonetically the text presents a rhythmical contrast influencing the structure and semantics of the text. This rhythmical arrangement of the text provides for the effect of the main character's confused mental state. By the end of the story, the rhythm becomes more serene and measured. As far as the lexico-semantic level of the text is

concerned, it should be concluded that the main epistemic images – the words of Dostoevsky's thesaurus are extensively presented: person – life – chronotope – fear – death – truth. One of the main peculiarities of the syntactic level of the text is the use of the occasional noun plus verb collocations. As the story unfolds and the main character's point of view becomes more evident and obvious, an abrupt pace of the narration changes into a measured one, the writer resorts to hypotaxis, the use of composite complex and compound sentences of different types. Moreover, in the end of the text, where the main character makes up his mind to preach, one can observe the similarity between the syntactic arrangement of the story and the syntax of the genre of the Orthodox Church Rhetoric, namely a sermon. The article also treats repetitions, chain repetitions, and such segmental constructions of expressive syntax as nominative theme; what is more, F. Dostoevsky uses such words as the elements of the theme as life, truth, sermon, dream. The produced analysis proves the statement that linguo-poetic "threads" of Dostoevsky's global novels are interwoven in the literary work under analysis.

Keywords: linguopoetics, Dostoevsky, "A Writer's Diary", a rhythmic arrangement of a literary work, epistemic images – the words (idioglosses), parataxis, hypotaxis, segmental constructions of expressive syntax.

Введение

В «Дневнике писателя» за апрель 1877 года особое место занимает – произведение «Сон смешного человека». Рассказ, жанр которого обозначен самим автором как фантастический представляет собой некое обобщение его творческих идей, является весьма интересным и своеобразным отступлением от традиционной хронометражной документалистической основы дневника. В нем «переплетаются» нити всех романов Достоевского, и автор предстает как писатель и публицист, психолог и проповедник. «...Поражает предельный универсализм этого произведения и одновременно его предельная же сжатость, изумительный художественно-философский лаконизм... По своей тематике «Сон смешного человека» почти полная энциклопедия ведущих тем Достоевского» – отмечает М. М. Бахтин» [1, с. 167–169].

Нельзя не отметить, что «Сон» пронизывает глубокий автобиографизм. В частности, датой происшествия, днем назначенного самоубийства, оказавшемся «внутренним перерождением» героя, выбрано третье ноября (ноябрь – месяц рождения писателя, можно усмотреть, что в этом заложена мысль о «втором рождении» героя после познания Истины); «смешному человеку», как и самому Федору Михайловичу, часто снится его умерший старший брат, принимающий участие в его земных делах, и, наконец, все переживания и ощущения смерти напоминают те страшные трагические моменты подготовки к казни и многократные пожизненные эпилептические припадки, когда Достоевский терял сознание, его тело становилось холодным, как у мертвеца, у него захватывало дыхание, пропадал пульс, он ощущал приближение смерти буквально чувствовал ее дыхание, переживал ее.

Обозначенная жанровая специфика, глубина и всеобъемлемость содержания, представленные в рассказе, находят отражение и в языковой ткани произведения. Цель статьи – рассмотреть лингвостилистические особенности произведения, подчеркивающие и подтверждающие своеобразие и неповторимость художественной манеры, идиостиля Достоевского, благодаря которым создается уникальная картина произведения, что позволяет глубже проникнуть в идейное содержание рассказа на всех уровнях его анализа.

Методика

Для достижения указанной цели производится лингвопоэтический анализ языка «Сна» по системным аспектам языка: фонетическому, лексико-семантическому, синтаксическому. После чего путем обобщения полученных данных делается вывод об особенностях идиостиля Достоевского.

Анализ

В фонетическом аспекте особое внимание обращает на себя ритмическая организация текста «Сна смешного человека». По меткому выражению В. Д. Днепров, у

Достоевского «слово не в силах держать мерность и дистанцию, оно заражается тревогой происходящего, ускоряет свой бег, резко меняет акценты, задыхается и спешит вместе с героями» [4, с. 144]. Так, первую часть рассказа отличают прерывистые интонации, неровный и лихорадочный ритм речи, благодаря которым чувствуется, в каком нестабильном психологическом состоянии находится герой, насколько обострённо герой воспринимает действительность. Этим же подчёркивается исповедальный характер повествования: *Я смешной человек. Они называют меня теперь сумасшедшим... Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 104]. Посредством подобной ритмической организации текста первой части рассказа достигается эффект спутанности сознания главного героя, описание конкретных фактов материального мира таят в себе признаки глубокого психологического кризиса личности, доведённого до пограничного состояния, самоубийства: *Я поднялся в мой пятый этаж. Я живу от хозяев, и у нас номера. Комната у меня бедная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диван, стол, на котором книги, два стула и покойное кресло, старое-престарое, но зато вольтеровское.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. А вот те же приемы при описании встречи героя с девочкой: *Девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая, но я запомнил особенно ее мокрые разорванные башмаки и теперь помню. Они мне особенно мелькнули в глаза. Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но как-то отрывисто выкрикивала какие-то слова... Она прокричала лишь: «Барин, барин!...» – но вдруг бросила меня и стремглав перебежала улицу...* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106] – герой, рассказывая это «задыхается», паузы в ритме заставляют перехватывать дыхание, графическим подтверждением чего являются многоточия и тире, отражающие экспрессивно-разговорную форму речи. Данный ритм сменяется книжным, спокойным по мере продвижения повествования, когда позиция героя становится более определённой, осознанной, он становится спокойнее, начинает понимать, что делать, для чего жить. Отрывистый, судорожный темп повествования сменяется рассуждением в конце третьей, четвертой и пятой глав рассказа. Подробно проанализировав ритмическую организацию прозы Достоевского, Г. Ф. Хажиева приходит к следующему выводу: «Среди многообразия ритмических приемов Ф. М. Достоевского наиболее ярким является ритмический контраст, существенно влияющий на структуру и семантику «фантастического рассказа». Исползованные в нем риторические конструкции, принципы музыкальной композиции обеспечивают нарастание эмоционального напряжения и авторскую организацию читательского восприятия. Так в ритмическом своеобразии «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» отражается индивидуальный художественный почерк Ф. М. Достоевского» [14, с. 22].

Анализируя семантический аспект произведения, следует отметить, что в «Сне смешного человека» представлены все основные идиоглоссы (гносеологические образы-слова) тезауруса Достоевского: человек – жизнь – время (хронотоп) – страх – смерть – Истина. Идиоглосса «человек» вынесена в заглавие рассказа, у героя, как отмечалось ранее, отсутствует имя, это является выражением концептосферы писателя. Как отмечал сам Достоевский, именно человек, его внутренний мир представляет для него наибольший интерес. Примечательным для данного произведения является тот факт, что идиоглосса «хронотоп» своеобразно представлена лексемой *вдруг*. По мнению И. В. Ружицкого, «в этом слове сконцентрирован весь художественный мир Достоевского» [11, с. 76]: заключена граница между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, внезапность, неопределённость, страх. Это почти ничто, но в то же время, начало и конец времени, слово-возможность перехода в разные миры. В данном рассказе неслучайно соседство слова *вдруг* с неопределёнными и отрицатель-

ными местоимениями: *ничто, нигде, никогда*, – в кульминационный момент развития повествования, когда в сознании героя утверждается мысль о самоубийстве. Рассмотрим знаковые, с этой точки зрения, фрагменты текста: *Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что ничего при мне не было* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 105]. И далее: *Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя...* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 105–106]. Следующий фрагмент текста: *И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. Интересно отметить, что в четвертой и пятой частях текста лексема *вдруг* исчезает, «самоустраняется», когда идет ровное, спокойное повествование о пребывании у «людей счастливой земли», и «возвращается» при пробуждении героя, используется последний раз при указании на инструмент смерти: *Тут вдруг, пока я стоял и приходил в себя, – вдруг мелькнул передо мной мой револьвер, готовый, заряженный, – но я в один миг оттолкнул его от себя! О, теперь жизни и жизни!* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118], показывая выход героя из пограничного состояния сна и реальности, переход от смерти к жизни, его возрождение, преодоление страха и неопределенности существования, победу разума и веры в Истину.

Одной из наиболее примечательных лингвопоэтических особенностей синтаксиса рассказа являются особые индивидуальные сочетания глагола и существительного, которые часто стоят на грани неправильности: *мелькнули в глаза, поднялся в мой пятый этаж, живу от хозяев, капитан... просит на бедность* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») и т.п., странное вкрапление предлогов в подчинительную связь – *капитан во весь месяц не возбудил во мне никакой досады, я иду хотя бы на тысячу лет* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека»). По мнению академика Д. С. Лихачева, подобное «небрежения словом» подчеркивает впечатление торопливости речи, неумелого поиска героем необходимых смысловых нюансов. Эта особенность языка писателя проявляется во всех произведениях для создания специфической ауры психологического состояния героя, не исключением является и «Сон» [9]. Следует отметить, что во «Сне» все эти «неправильности» сконцентрированы в тех фрагментах текста (главы 1-2), где герой пытается объяснить нам причины, приведшие его к мысли о самоубийстве. Несомненно, эти особые синтаксические модели, позволяющие создать атмосферу потока сознания, подчеркивают исповедальный характер повествования.

Паратаксис Достоевского представляет собой нанизывание простых предложений на одну смысловую ось (данная особенность характера для языка первых славянских переводов евангельских текстов). Причем данный прием сочетается с синтаксическими разрывами предложений, точкой в «неожиданном месте» – парцелляцией. В первой и второй главах рассказа при описании быстрой смены событий подобные расчлененные парцеллированные конструкции весьма частотны: *А прежде я тосковал очень оттого, что казался смешным. Не казался, а был. Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого моего рождения. Может быть, я уже семи лет знал, что я смешон.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 104]. Далее: *Я положил в эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два месяца назад, и как я ни беден, а купил себе прекрасный револьвер и в тот же день зарядил его. Но прошло уже два месяца, а он все лежал в ящике <...> Я все ждал минуты. И вот теперь эта звездочка дала мне мысль, и я положил, что это будет непременно уже в эту ночь. А почему звездочка дала мне мысль – не знаю.* (Досто-

евский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 106]. Благодаря использованию подобных сегментированных конструкций в совокупности с лексическими повторами фразы становятся более динамичными выразительными и экспрессивными. Парцелляция пронизывает первую главу рассказа.

По мере продвижения в повествовании, когда позиция героя становится более определённой, осознанной и внятной он становится спокойнее, узнает, что ему делать, для чего жить, отрывистый судорожный темп повествования сменяется размеренным, появляется гипотаксис, предложения разветвленной структуры с несколькими типами связи, например 4-ая глава: *Они слушали меня, и я видел, что они не могли представить себе то, что я говорю, но я не жалел, что им говорил о том: я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул. Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда я чувствовал, что при них и мое сердце становилось столь же невинным и правдивым, как их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 114–115].

Наконец, в эпилоге рассказа, когда герой принимает решение «выйти» на проповедь, можно наблюдать сходство синтаксиса произведения с соответствующими особенностями жанра православной церковной риторики – проповеди. Особого внимания заслуживают такие сегментированные конструкции экспрессивного синтаксиса, как именительный темы, причем в тему Достоевским выносятся ключевые слова рассказа, а также слова-идиоглоссы, такие, как: проповедь, жизнь, истина, сон: *Да, жизнь, и – проповедь! О проповеди я порешил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, - что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу!* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118]; *Сон? Что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), - ну, а я все-таки буду проповедовать.* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 118–119].

Также в качестве особенностей, сближающей эпилог рассказа с жанром проповеди, следует отметить повторы, сцепления в тех фрагментах текста, где непосредственно звучат слова героя-проповедника: *Я **видел**¹ истину, я **видел** и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу **верить**, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой **верой**-то моей и смеются. Но как мне не **веровать**: я видел истину, – не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит.... **Главное** – люби других как себя, вот что **главное**, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться* (Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека») [6, с. 119]. Данные конструкции помогают создать градацию, определенное нагнетание и концентрацию смысла.

Результаты

Таким образом, в результате многоаспектного лингвопоэтического анализа фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» следует отметить, что если в начале рассказа все особенности языка произведения помогают создать исповедальный характер, то по мере продвижения повествования, в эпилоге конструкции «выравниваются», обретают относительно стройный (прежде всего, в ритмическом отношении) вид и заключают в себе признаки проповеди, отражая стремление Достоевского к выделению опорных точек текста, желание акцентировать главное и направить внимание в нужное русло, добиться эффективности слова, и, подобно проповеднику, апеллировать не только к уму, но и к чувствам читателя.

Дискуссия

Приведенные результаты исследования фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» открыты для обсуждения. На наш взгляд, подобные положения отражают особенности идиостиля писателя и могут быть «перенесены» на другие произведения писателей, что, несомненно доказывает утверждение о том, что в данном рассказе переплетаются лингвопоэтические «нити» всех больших романов Достоевского.

Заключение

Проанализировав идейные, жанровые и языковые особенности фантастического рассказа Достоевского «Сон смешного человека», можно прийти к выводу о необходимости рассмотрения данного произведения как самостоятельного, совершенно определенно выходящего за узкие хронометражные рамки «Дневника» программного произведения писателя.

Примечания

1. Выделено мною – Е.П.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. // Собр. соч. в 7 т. М., 2002. 799 с. Т. 6
2. Валова Д. М. Жанровая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 84–91.
3. Волгин И. Последний год Достоевского. Исторические записки. М.: АСТ, 2010. 544 с.
4. Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Сов. писатель, 1980. 600 с.
5. Достоевский и мировая культура : альманах / Общество Достоевского, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2012. № 29. 299 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год, январь-август. Л.: Наука, 1983. 470 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832 – 1859. Л.: Наука, 1985. 551 с.
8. Михновец Н. Г. 136-й псалом в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 61–91.
9. Небрежение словом у Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 30–41.
10. Померанц Г. С. Открытость бездне: встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
11. Ружицкий И. В. О языке Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. 9: Аспекты изучения художественного текста. С. 74–81.
12. Степанян К. Достоевский и Псалтырь // Достоевский и мировая культура : альманах. СПб.: Серебряный век, 2007. № 22. С. 383–395.
13. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Тихомиров Борис Николаевич. СПб., 2006. 567 с.
14. Хажиева Г. Ф. Ритм прозы Ф. М. Достоевского (на примере «фантастического рассказа» «Сон смешного человека») : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Хажиева Гузель Фиратовна. Бирск, 2009. 186 с.
15. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Наука. 1967. 309 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy v 7-mi tomakh. Tom 6* [Collected works in 7 volumes. Vol. 6]. Moscow, 2002. 799 p. [In Russian].
2. Valova D. M. Zhanrovaya poetika rasskaza F.M. Dostoevskogo "Son smeshnogo cheloveka". [Genre poetics of the story of F. M. Dostoevsky "The dream of a ridiculous man"]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik* [Ural Journal of Philology]. 2015. No. 5. Pp. 84–91. [In Russian].
3. Volgin I. *Posledniy god Dostoyevskogo. Istoricheskiye zapiski* [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]. Moscow: AST publ. 2010. 544 p. [In Russian].
4. Dneprov V. D. *Idei vremeni i formy vremeni. [Ideas of time and forms of time]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel publ., 1980. 600 p. [In Russian].
5. Dostoyevsky i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]. *Almanac* No. 29. Obshchestvo Dostoyevskogo, Literaturno-memorial'nyy muzey F. M. Dostoyevskogo v Sankt-Peterburge. St. Petersburg: Serebryanny vek publ. 2012. 299 p. [In Russian].
6. Dostoyevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh. [Complete collection of works in 30 volumes]. Dnevnik pisatelya za 1877 god, yanvar'-avgust* [Diary of the writer for 1877, January-August]. Vol. 25. Leningrad: Nauka publ. 1983. 470 p. [In Russian].
7. Dostoyevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh. [Complete collection of works in 30 volumes]*. Vol. 28. Book 1. Letters 1832 – 1859. Leningrad: Nauka publ., 551 p. [In Russian].
8. Mikhnovets N. G. 136-y psalom v tvorchestve Dostoyevskogo [Psalm 136 in the works of Dostoevsky]. Vol. 17. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya*. St. Petersburg: Nauka publ., 2005. Pp. 61–91. [In Russian].
9. Nebrezheniye slovom u Dostoyevskogo [Dostoevsky's neglect of words]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: materials and research] Vol. 2.]. Leningrad: Nauka publ. 1976. Pp. 30–41. [In Russian].
10. Pomerants G. S. *Otkrytost' bezdne: vstrechi s Dostoyevskim* [Openness to the abyss: meetings with Dostoevsky]. Moscow: Sovetskiy pisatel publ., 1990. 416 p. [In Russian].
11. Ruzhitskiy I. V. O yazyke Dostoyevskogo [On the language of Dostoevsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]. No. 9: Aspekty izucheniya khudozhestvennogo teksta [Aspects of studying literary text]. 2013. Pp. 74–81. [In Russian].
12. Stepanyan K. Dostoyevsky i Psaltyr' [Dostoevsky and the Psalter]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. St. Petersburg: Serebryanny vek publ. 2007. No. 22. Pp. 383–395. [In Russian].
13. Tikhomirov B. N. *Religioznyye aspekty tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii* [Religious aspects of the work of F.M. Dostoevsky. Problems of interpretation, commentary, and textual criticism]: Dis. dr. filol. nauk: 10.01.01 [Thes. ... Dr. Philol. Sciences]. St. Petersburg, 2006. 567 p. [In Russian].
14. Khazhieva G. F. Ritm prozy F. M. Dostoyevskogo (na primere «fantasticheskogo rasskaza» «Son smeshnogo cheloveka») [The rhythm of Dostoevsky's prose (on the example of the "fantastic story "The dream of a ridiculous man")]. *avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Abstract of Cand. Thes. ... Cand. Philos. Sciences] : 10.01.01. Birska, 2009. 186 p. [In Russian].
15. Chirkov N. M. *O stile Dostoyevskogo* [On the style of Dostoevsky]. Moscow. Nauka publ., 1967. 309 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 23.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 23.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Пронина Елена Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: alepro@yandex.ru).

Information about the Author

Pronina Elena Viktorovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Russian Philology
and Literature, Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: alepro@yandex.ru).

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ ВВОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ *ЕСЛИ* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

И. Г. Родионова

*Пензенский государственный университет
(г. Пенза, Россия)*

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть особенности использования вводных предложений с союзом *если* в метаязыковой функции в произведениях К. Г. Паустовского. Выделены два вида метаязыковой информации, вводимой предложениями данного типа: 1) употребление говорящим слова или словосочетания, нетипичного для конкретной речевой ситуации; 2) выражение субъективной оценки высказывания говорящим и характеристика его речевой манеры. Субъектом метаязыкового комментария при употреблении слова или словосочетания, нетипичного для конкретной речевой ситуации, является, как правило, автор, при этом используется вводный метаоператор *если можно так выразиться*. Слово или словосочетание, являющееся объектом метаязыкового комментария, образовано путём метафорического переноса. Метаоператор *если можно так выразиться* активно используется при характеристике лиц, чаще всего писателей: их черт характера, творческой манеры и т.п. Отмечается, что вводные предложения с союзом *если*, служащие для выражения субъективной оценки высказывания говорящим и подчёркивающие его речевую манеру, содержат инфинитив *говорить* и лексему наречного типа, характеризующую способ говорения. Такие предложения употребляются в основном в речи персонажей. Обращается внимание на место вводных конструкций с союзом *если* в структуре предложения: обычно это интерпозиция, которая свидетельствует о том, что метафорический перенос не запланирован говорящим заранее, его желание предупредить адресата о необычном слове или словосочетании возникает как бы в процессе речи. Делается вывод о том, что рассматриваемые конструкции нельзя считать эксклюзивным средством метаязыковой рефлексии К. Г. Паустовского. Однако они характеризуют индивидуальный стиль писателя и делают текст ориентированным на адекватное восприятие читателем и служат для воплощения авторского замысла.

Ключевые слова: вводная конструкция, союз, метаязыковая функция, метаоператор, характеристика, метафорический перенос, субъективная оценка.

THE METALANGUAGE FUNCTION OF INTRODUCTORY SENTENCES WITH THE CONJUNCTION *YESLI* (IF) IN THE WORKS OF K. G. PAUSTOVSKY

I. G. Rodionova

*Penza State University
(Penza, Russia)*

Abstract. The purpose of the article is to consider the features of using introductory sentences with a conjunction *yesli* (if) in the metalanguage function in the works of K. G. Paustovsky. There are two types of metalanguage information introduced by the sentences of this type: 1) the speaker's use of a word or phrase that is atypical for a specific speech situation; 2) the expression of a subjective assessment of the utterance by the speaker and the characteristics of their speech manner. The subject of a metalanguage commentary when using a word or phrase that is atypical for a particular speech situation is, as a rule, the author. The introductory meta-operator is usually the phrase *yesli možno tak vyrazit'sya* (so to speak). A word or phrase that is the object of a metalanguage commentary is formed by meta-

phorical transfer. The metaoperator *yesli mozžno tak vyrazit'sya* (so to speak) is mainly used to characterize individuals, most often writers: their character traits, creative manner, etc. The author notes that introductory sentences with the conjunction *yesli* (if), which serve to express the subjective assessment of the utterance by the speaker and emphasize his speech manner, contain the infinitive *govorit'* (to speak) and the lexeme of the adverbial type that characterizes the way of speaking. Such sentences are used, as a rule, in the speech of characters. The work draws attention to the place of introductory constructions with a conjunction *yesli* (if) in the structure of the sentence. Usually it is used in an interposition, which indicates that the metaphorical transfer was not planned by the speaker in advance, their desire to warn the reader about an unusual word or phrase arises, as it were, in the process of speaking. The author concludes that the constructions under consideration cannot be viewed as an exclusive means of metalinguistic reflection by K. G. Paustovsky. However, they characterize the individual style of the writer and make the text oriented towards adequate perception by the reader and serve to embody the author's intention.

Keywords: introductory construction, conjunction, metalanguage function, metaoperator, characterization, metaphorical transfer, subjective assessment.

Введение

Создавая текст, автор из богатого арсенала языковых единиц отбирает те, которые позволят ему наиболее точно выразить мысль, передать идею произведения, воплотить замысел. Это «касается всех уровней языка, но наиболее ярко проявляется на высшем – синтаксическом уровне, где эти средства объединяются и где проявляются коммуникативные возможности языка», – отмечает Н. А. Герасименко [9, с. 251].

Важнейшая роль при выражении авторских интенций принадлежит вводным конструкциям, которые, по справедливому замечанию В. И. Бухарина, «являются одним из главных средств выражения субъективной модальности, понимаемой как оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания» [6, с. 101]. Повышенное внимание к использованию в тексте вводных слов, словосочетаний, предложений П. А. Лекант связывает со стремлением автора максимально точно передать собеседнику (читателю, слушателю) коммуникативный смысл: «Говорящий стремится быть правильно понятым, желает воздействовать на адресата. Средством решения этой прагматической задачи является вводность», – считает учёный [12, с. 105].

Вводные конструкции неоднократно становились объектом исследования грамматистов (А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев, А. Г. Руднев, М. В. Ляпон, П. А. Лекант, В. В. Бабайцева, Н. К. Оніпенко, Е. Н. Топтыгина и др.). «Интерес к вводным образованиям на протяжении длительного времени периодически усиливался и усиливается в связи с обращением исследователей к тем или иным их сторонам», – отмечает В. И. Чуглов [23, с. 54].

В русской грамматической науке известны различные функционально-семантические классификации вводных конструкций. Несмотря на различия в терминологическом наименовании групп вводных компонентов, учёные в целом единодушны в их функционально-семантическом описании. Так, в корпусе вводных компонентов в самостоятельную группу ими выделены конструкции, «указывающие на отношение говорящего к тем языковым средствам и приёмам, которые им используются для выражения мыслей» [8, с. 142]. Ср.: «Вводные единицы могут выражать отношение говорящего к способам оформления мыслей, стилю высказывания, тону и эмоциональной окрашенности речи. <...> Многочисленность этой группы вводных единиц, разнообразие их типизированных значений и оттенков отражают постоянное внимание говорящих к родному слову, способам выражения мысли» [2, с. 404].

Исходя из вышесказанного, можем заключить, что вводные компоненты названной группы выполняют метаязыковую функцию, являются метаоператорами, то есть средствами выражения метаязыковой рефлексии, которая понимается как «деятельность сознания (индивидуального или коллективного), направленная на

осмысление фактов языка / речи» [24, с. 3]. «В современной лингвистике можно говорить о своего рода «взрыве» интереса к проблематике метаязыковой рефлексии носителей языка», – утверждает А. С. Баранова [4, с. 6]. На наш взгляд, это связано с усилением антропоцентрического подхода при описании явлений языка и речи, с повышением внимания к речи разных носителей языка.

Нисколько не умаляя роль метаязыкового комментирования рядовыми носителями языка, отметим особую важность метаязыковой рефлексии в речи писателей – людей, для которых создание текстов является профессией, которые, обладая тонким языковым чутьём, проявляют повышенное внимание к слову. Особенность метаязыковой рефлексии писателя состоит в том, что она «всегда направлена на читателя, и при помощи рефлексивов он хочет добиться ответной реакции читателя – правильного декодирования и интерпретации текста» [1, с. 16].

Среди вводных конструкций, выполняющих метаязыковую функцию, отметим вводные предложения с союзом *если*, которые активно используются в произведениях К. Г. Паустовского: в рассказах, повестях, очерках, письмах и др. [14–22]. Вводные предложения с союзом *если* стали объектом нашего описания в настоящей статье.

Выбор языкового материала обусловлен рядом факторов.

Во-первых, неординарной является личность самого К. Г. Паустовского – «одного из неповторимых по стилю писателей прошлого столетия» [3, с. 940], творчество которого «перешагнуло границы его века» [3, с. 940]. «Нравственный облик К. Паустовского и степень обаяния его произведений неизменно способствуют интересу к творчеству этого писателя», – считает Д. В. Мызников [13, с. 3]. В этом плане актуальным видится анализ метаязыковых комментариев, отражающих взгляды К. Г. Паустовского как писателя и как человека.

Во-вторых, выбор объекта исследования обусловлен представленностью в творчестве К. Г. Паустовского произведений, посвящённых писательскому труду и отражающих его особенности. В этих произведениях метаязыковая функция рассматриваемых вводных конструкций наиболее актуальна, поскольку связана с выражением субъективной оценки языка текстов, созданных профессионалами.

В-третьих, с помощью метаязыковых вводных конструкций с союзом *если* К. Г. Паустовский объясняет читателям свой выбор языковой единицы, помогая понять мотив этого выбора и реализуя коммуникативный замысел произведения.

Анализ

Вводные компоненты с союзом *если* по структуре сходны с придаточными условными, однако, в отличие от них, не выражают условия как такового, то есть не называют потенциальную ситуацию (реальную или ирреальную), при возможной реализации которой наступит связанное с ней событие. Кроме того, вводные компоненты не обнаруживают связи с основной частью предложения. Включение их в высказывание с помощью подчинительного союза *если* не противоречит грамматическим нормам русского языка. Ср.: «Вводные предложения чаще всего включаются в основное при помощи союзов или союзных слов, это специфическая черта большей части вводных предложений» [7, с. 250].

Поскольку рассматриваемые вводные предложения содержат союз *если*, который «служит недвусмысленным маркером грамматического значения обусловленности» [10, с. 214], они не лишены семантики условия, в связи с чем Л. Д. Беднарская называет их условно-вводными предложениями, которые «выражают условие как попутное модальное замечание с точки зрения говорящего» [5, с. 253–254].

Рассмотрим особенности использования вводных предложений с союзом *если* в метаязыковой функции в произведениях К. Г. Паустовского.

Как показал анализ материала, в произведениях К. Г. Паустовского предложения с союзом *если* вводят метаязыковую информацию двух видов: 1) используются при употреблении говорящим слова или словосочетания, нетипичного для данной речевой ситуации; 2) выражают субъективную оценку высказывания говорящим и

подчёркивают его речевую манеру в конкретной ситуации.

Субъектом метаязыкового комментария при употреблении говорящим слова или словосочетания, нетипичного для данной речевой ситуации, является, как правило, автор, при этом используется вводный метаоператор *если можно так выразиться* (*если позволено так выразиться* и нек. др.). Слово или словосочетание, являющееся объектом метаязыкового комментария образовано путём метафорического переноса, скрытого сравнения. Включение в состав вводного предложения союза *если* сигнализирует о некой условности называния предмета, явления, свойства, о нетипичном, своеобразном, оригинальном использовании автором слова или словосочетания. По словам П. А. Леканта, подобные вводные компоненты «содержат самооценку речевой манеры <...> тем самым внимание собеседника активизируется, поддерживается, решается одна из главных задач говорящего – быть правильно понятым» [11, с. 216].

Языковой материал показал, что в произведениях К. Г. Паустовского метаоператор *если можно так выразиться* используется в основном при характеристике лиц. Чаще всего это писатели, с которыми Паустовский был знаком и которые стали героями его очерков или персонажами автобиографического произведения «Повесть о жизни». Обычно при характеристике лиц используется развёрнутая метафора, с помощью которой передаётся общая характеристика человека (черты характера, особенности восприятия окружающего мира и т.п.): *Ивашкевич – человек острый. Это наблюдатель, склонный к иронии, великий и скромный патриот не только своей страны, а, если позволено так выразиться, патриот всего человечества, неутомимый скиталец и любитель испытывать жизнь в её характерных формах* («Ярослав Ивашкевич»); *Булгаков был жаден до всего, если можно так выразиться, выпуклого в окружающей жизни* («Повесть о жизни»); *Альманах вёл Казакевич – человек, если можно так выразиться, сверкающий* («Повесть о жизни»).

С помощью вводных предложений с союзом *если* в произведениях К. Г. Паустовского передаются особенности того или иного писателя как творческой личности: *Стихи эти, равно как и проза Бунина, говорят о необыкновенной его способности перевоплощаться, если можно так выразиться, во всё то, о чём он пишет* («Иван Бунин»); *Двумя-тремя лаконичными фразами Куприн даёт тонкое, эмоциональное, если можно так выразиться, представление о Балаклаве* («Поток жизни»); *Объясняется это, очевидно, тем, что тогда я был молод и многоречив, а сейчас, с возрастом, стал, если можно так выразиться, молчаливее в своей прозе* («Повесть о жизни»).

Вводные предложения с союзом *если* в метаязыковой функции используются при сравнительной характеристике творческой манеры писателей, что позволяет наиболее ярко и образно показать особенности каждой личности: *Бернс, если можно так выразиться, человек единой любви, единого страдания, его нетрудно просмотреть до дна, а Торыпчану многообразен, изменчив, глубок, – то мимолётен и заразительно весел, то грустен* («Георге Торыпчану»).

Предложения с союзом *если* в произведениях К. Г. Паустовского вводят метаязыковую информацию не только об отдельных писателях, но и обо всех людях данной профессии, давая им обобщённую характеристику: *Поступки и мнения людей, в частности писателей, оцениваются не по отдельным, вырванным из общего контекста их произведений или, если можно так выразиться, «из контекста всей их жизни» кускам, а по всему их творческому пути* (Письмо в Государственное издательство художественной литературы). Благодаря обобщению высказывания приобретают афористический характер: *Просто писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала – живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, и каждый день*

жизни оставляет, конечно, в их памяти и сердце свои заметы и свои зарубки («Золотая роза»).

Метаязыковой комментарий, вводимый предложением с союзом *если*, может содержать оценку конкретного произведения: *Мне кажется, что надо было бы ещё один раз пройтись по рукописи и остановиться на тех её местах, которые носят характер, **если можно так выразиться, «стилистических заимствований» из арсенала исторических повестей и романов*** (Письмо Обществу польско-советской дружбы).

Реже К. Г. Паустовский употребляет метаязыковое вводное предложение *если можно так выразиться* при описании людей других профессий. Например, данный метаоператор, включённый в речь старого инженера Онежского завода, используется при характеристике заводчан: *Вообще должен вам сказать, что у нас на заводе немало людей, **пропитанных, если можно так выразиться, запахом металлургии***, в том числе и ваш покорный слуга («Онежский завод»). Метаоператор с союзом *если* вводит информацию, характеризующую полководца – Н. А. Щорса: *В глазах бойцов в нём воплотились все лучшие качества полководца – твёрдость, находчивость, справедливость, любовь к простому человеку и никогда не иссякавший в нём, **если можно так выразиться, трезвый романтизм*** («Повесть о жизни»).

Вводное предложение с союзом *если* используется при метафорическом описании физического или эмоционального состояния человека: *Я, например, если долго живу в Москве, **начинаю сохнуть, если можно так выразиться*** («О новелле»); *Мне **посчастливилось, если можно так выразиться**, быть в то время на острове Барбадосе, где стоял наш фрегат «Стирлинг Кастль»* («Небесная азбука Морзе»), а также при описании чувств: *Но самая главная помощь со стороны театра состояла в том, что я, как автор, знал и чувствовал **заочную, если можно так выразиться, любовь** театра к теме пьесы* («Пушкин на театральных подмостках»).

Интерес представляют содержащиеся в произведениях К. Г. Паустовского метафорические описания особенностей мыслительной деятельности человека, вводимые предложениями с союзом *если*: *Его воспоминания, **если можно так выразиться, носили преимущественно климатический характер*** («Повесть о жизни»); *Я вспоминал не последовательное течение жизни, а отдельные, **если можно так выразиться, её рубрики*** («Повесть о жизни»).

Рассматриваемые вводные предложения используются при характеристике социальной деятельности людей: *А теперь что? Видали? **Кипение, если можно так выразиться**, – молодёжь бурлит* («Онежский завод»); *О патриотической и, **если можно так выразиться, эстетической** стороне отношения к природе у нас, к сожалению, говорят мало* («Прав старый лесничий»).

Метаязыковая функция вводных конструкций с союзом *если* реализуется при описании природных объектов, однако такие примеры в произведениях К. Г. Паустовского единичны: *Надлежит помнить, что залив окружён раскалённой пустыней и является, **если будет уместно это сравнение, большим котлом**, где выкипает каспийская вода* («Заблуждение лейтенанта Жеребцова»).

Отметим, что метафорический перенос, лежащий в основе описания лиц и природных объектов, делает высказывания экспрессивно окрашенными. Ещё больший выразительный эффект достигается при сочетании метафоры с другими изобразительно-выразительными средствами, например с оксюмороном: *На Луганстрое в сутках не сорок восемь часов, как любят писать специальные корреспонденты строителей, а двадцать четыре часа, заполненных, **если можно так выразиться, спокойной спешкой*** («1080 паровозов»). Оригинальное употребление сочетания *спокойной спешкой* потребовало от автора включения в текст метаязыкового вводного предложения с союзом *если*, которое как бы предупреждает читателя о

предстоящем нетипичном соединении лексем.

Анализ языкового материала показал, что вводное предложение с союзом *если*, «предупреждающее» о дальнейшем следовании слов или словосочетаний, нетипичных для данной речевой ситуации, в основном находится в середине предложения. Такая позиция вводной конструкции свидетельствует о том, что метафорический перенос не запланирован говорящим заранее, его желание предупредить читателя о необычном слове или словосочетании возникает как бы в процессе речи, что делает её (речь) живой, лёгкой, естественной. Несмотря на это, читатель, безусловно, понимает, что на самом деле использование каждого слова в произведениях К. Г. Паустовского глубоко продумано, чем и достигается его писательское мастерство.

Значительно реже метаязыковая вводная конструкция с союзом *если* находится в начале предложения, сигнализируя о семантическом своеобразии всего высказывания, а не отдельных его частей: **Если можно так выразиться, это была мечта-одиночка, потому что никто не обращал внимания на разговоры Липецкого** («Героический юго-восток»).

Помимо использования метаязыкового вводного предложения с союзом *если* при употреблении говорящим слова или словосочетания, нехарактерного для данной речевой ситуации, вводные конструкции рассматриваемого типа служат для выражения субъективной оценки высказывания говорящим и подчёркивания его речевой манеры в конкретной ситуации. Такие вводные предложения обязательно содержат инфинитив *говорить* и лексему наречного типа, характеризующую способ говорения, и употребляются, как правило, в речи персонажей: **Если говорить всерьёз, так я посетил сей мир совсем не для того, чтобы зубоскалить, особенно в стихах** («Повесть о жизни»); *Шуточное ли дело – внутривенное вливание таких препаратов!* **Если говорить по совести, то его должен был делать сам хирург, хитрый старичок** («Приказ по военной школе»).

Усиление смысловой значимости высказывания происходит в том случае, если в одном контексте вводная конструкция с союзом *если* используется дважды, при этом она занимает сильные позиции – в начале и в конце высказывания – и включает синонимичные слова: – **Если говорить по правде, – сказал лесовод, – то я боялся, что не выживут дубки в этой степи. Очень уж тяжёлая степь. Прямо зловредная степь, если говорить откровенно** («Героический юго-восток»).

Вводная конструкция с союзом *если* может содержать оценку высказывания с точки зрения его отнесённости к речи человека определённой профессии: *Наконец, есть ещё одно прекрасное свойство лесов. Они, если говорить языком наших учёных-лесоводов, являются наиболее благотворной средой для кристаллизации человеческой мысли и для творчества* («Зелёная стража»).

Заключение

Рассмотренные вводные предложения с союзом *если* в метаязыковой функции активно используются не только в произведениях К. Г. Паустовского. Их употребляют и другие мастера слова: *Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться* (Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени»); *Но время текло быстро и важно, если так можно сказать о течении времени* (Самойлов Д. С. «Общий дневник (1977 – 1989)»); *Следующая встреча была, если так можно выразиться, односторонней* (Рязанов Э. А. «Подведённые итоги») и др. Поэтому нельзя считать такие конструкции эксклюзивным средством метаязыковой рефлексии К. Г. Паустовского. Однако они определяют, характеризуют индивидуальный стиль писателя, который с помощью проанализированных метаоператоров акцентирует внимание на важных, по его мнению, аспектах текста, стараясь полно и точно донести до читателя идею произведения. Включение в текст вводных предложений с союзом *если* в метаязыковой функции делает его ориентированным на адекватное восприятие читателем и позволяет в максимальной степени воплотить авторский замысел.

Список источников и литературы

1. Андрусенко Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В. П. Астафьева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Андрусенко Елена Анатольевна. Кемерово, 2012. 204 с.
2. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка : монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. 576 с.
3. Бакалова З. Н. Рассказы К. Г. Паустовского о любви: филологический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28, № 6. С. 937–941.
4. Баранова А. С. Критерии выбора рода несклоняемых неодушевлённых существительных рядовыми носителями языка (на материале метаязыковых комментариев) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 5–13.
5. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX – XX столетий : монография. Орёл: Орлов. гос. ун-т, 2012. 393 с.
6. Бухарин В. И. Вводные слова в аспекте актуального членения // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 101–105.
7. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учебник. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.
8. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Синтаксис : учеб. пособие. Изд. стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 200 с.
9. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография. М.: Изд-во МГОУ, 2017. 292 с.
10. Краснова Е. А. Союз если в сильных текстовых позициях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2019. № 4. С. 214–218.
11. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 247 с.
12. Лекант П. А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Грамматические категории слова и предложения. М.: Изд-во МГОУ, 2007. С. 104–106.
13. Мызников Д. В. Повесть «Кара-Бугаз» как лаборатория художественного метода К. Паустовского периода 1930-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Мызников Дмитрий Викторович. Красноярск, 2010. 175 с.
14. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 1: Романы и повести. М.: Худож. лит., 1981. 628 с.
15. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 2: Роман и повести. М.: Худож. лит., 1981. 691 с.
16. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 3: Повести. М.: Худож. лит., 1982. 691 с.
17. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 4: Повесть о жизни, кн. 1-3. М.: Худож. лит., 1982. 738 с.
18. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 5: Повесть о жизни, кн. 4-6. М.: Худож. лит., 1982. 594 с.
19. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 6: Рассказы. М.: Худож. лит., 1983. 628 с.
20. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 7: Сказки ; Очерки ; Литературные портреты. М.: Худож. лит., 1983. 578 с.
21. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 8: Пьесы ; Теория капитана Гернета : докум. повесть ; статьи и выступления М.: Худож. лит., 1984. 450 с.
22. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 9: Письма, 1915-1968. М.: Худож. лит., 1986. 546 с.

23. Чуглов В. И. Вводные образования как синтаксическая категория // Русский язык в школе. 2014. № 11. С. 54–60.
24. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном литературном тексте : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шумарина Марина Робертовна. М., 2011. 802 с.

References

1. Andrusenko Ye. A. *Metayazykovaya refleksiya v khudozhestvennykh tekstakh V. P. Astaf'eva* [Metalinguage reflection in literary texts by V.P. Astafieva]: diss. ... kand. filol. nauk [Thes. ... Cand. Philol. Sciences]: 10.02.01. n. Kemerovo, 2012. 204 p. [In Russian].
2. Babaytseva V. V. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]: monograph. Moscow: FLINTA publ.: Nauka publ., 2015. 576 p. [In Russian].
3. Bakalova Z. N. Rasskazy K. G. Paustovskogo o lyubvi: filologicheskii analiz [Short Love Stories by K. G. Paustovsky: Philological Analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series]. 2018. Vol. 28. No. 6. Pp. 937–941. [In Russian].
4. Baranova A. S. Kriterii vybora roda nesklonyayemykh neodushevlonnykh sushchestvitel'nykh ryadovymi nositelyami yazyka (na materiale metayazykovykh kommentariyev) [The Choice of Gender of Inanimate Indeclinable Nouns by Ordinary Native Speakers (on the Material of Metalinguistic Comments)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2016. No. 412. Pp. 5–13. [In Russian].
5. Bednarskaya L. D. *Slozhnoye predlozheniye v yazyke russkoy liriki XIX-XX stoletiy: monografiya* [Complex sentence in the language of Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries: monograph]. Oryol: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet publ., 2012. 393 p. [In Russian].
6. Bukharin V. I. Vvodnyye slova v aspekte aktual'nogo chleneniya [Introductory words in the aspect of actual division]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1984. No. 1. Pp. 101–105. [In Russian].
7. Valgina N. S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis: uchebnik. 4-ye izd., ispr.* [Modern Russian language: Syntax: textbook 4th edition revised]. Moscow: Vysshaya shkola publ., 2003. 416 p. [In Russian].
8. Galkina-Fedoruk Ye. M., Gorshkova K. V., Shanskiy N. M. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis: uchebnoye posobiye. Izd. stereotip* [Modern Russian language: Syntax textbook, stereotyped ed.]. Moscow: LIBROKOM publ., 2015. 200 p. [In Russian].
9. Gerasimenko N. A. *Bisubstantivnyye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovaniye: monografiya* [Bisubstantial sentences in Russian: structure, semantics, functioning: monograph]. Moscow: Izd-vo MGOU publ., 2017. 292 p. [In Russian].
10. Krasnova Ye. A. Soyuz yesli v sil'nykh tekstovykh pozitsiyakh [Conjunction «если» In Strong Textual Positions]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology]. 2019. No. 4. Pp. 214–218. [In Russian].

11. Lekant P. A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobiye. 3-ye izd., ispr. i dopoln [Syntax of a simple sentence in Modern Russian language: textbook 3rd ed., rev. and aug.]*. Moscow: Vysshaya shkola publ., 2004. 247 p. [In Russian].
12. Lekant P. A. Vvodnost' – kommunikativno-pragmaticheskaya kategoriya [Introductoryness – a communicative-pragmatic category]. *Grammaticheskiye kategorii slova i predlozheniya [Grammatical categories of words and sentences]*. Moscow: Izdatel'stvo MGOU publ., 2007. Pp. 104–106. [In Russian].
13. Myznikov D. V. *Povest' «Kara-Bugaz» kak laboratoriya khudozhestvennogo metoda K. Paustovskogo perioda 1930-kh godov [The story "Kara-Bugaz" as a laboratory of the artistic method of K. Paustovsky period of the 1930s]: diss. ... kand. filol. nauk [Thes. ... Cand. Philol. Sciences]*. Krasnoyarsk, 2010. 175 p. [In Russian].
14. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 1: Romany i povesti [Collected Works in 9 volumes. Volume 1: Novels and Stories]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1981. 628 p. [In Russian].
15. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 2: Romany i povesti [Collected Works in 9 volumes. Volume 2: A Novel and Stories]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1981. 691 p. [In Russian].
16. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 3: Povesti [Collected Works in 9 volumes. Volume 3: Stories]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1982. 691 p. [In Russian].
17. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 4: Povest' o zhizni, knigi 1-3. [Collected works in 9 volumes. Volume 4: A Story of Life, Books 1-3]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1982. 738 p. [In Russian].
18. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 5: Povest' o zhizni, knigi 4-6. [Collected works in 9 volumes. Volume 5: A Story of Life, Books 1-3]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1982. 594 p. [In Russian].
19. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 6: Povesti [Collected Works in 9 volumes. Volume 6: Short Stories]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1983. 628 p. [In Russian].
20. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 7: Skazki; Ocherki [Collected Works in 9 volumes. Volume 7: Fairy tales; Essays]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1983. 578 p. [In Russian].
21. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 8: P'yesy; Teoriya kapitana Gerneta: dokum. povest'; stat'i i vystupleniya [Collected works in 9 volumes. Volume 8: Plays; Captain Gernett's theory: doc. story; articles and speeches]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1984. 450 p. [In Russian].
22. Paustovsky K. G. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh. Tom 9: Pis'ma [Collected works in 9 volumes. Volume 9: Letters]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ., 1986. 546 p. [In Russian].
23. Chuglov V. I. Vvodnyye obrazovaniya kak sintaksicheskaya kategoriya [Introductory formations as a syntactic category]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2014. No. 11. P. 54–60. [In Russian].
24. Shumarina M. R. *Metayazykovaya refleksiya v fol'klornom literaturnom tekste [Metalinguage reflection in the folklore and literary text]: diss. ... dr. filol. nauk [Thes. ... Dr. Philol. Sciences]*. Moscow, 2011. 802 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 25.05.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 25.05.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Родионова Инесса Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и
методика преподавания русского языка»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет»
(e-mail: Inessa96@bk.ru)

Information about the Author

Rodionova Inessa Gennad'yevna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Chair of Russian
Language and Methods of Teaching of the
Russian Language, Penza State University
(e-mail: Inessa96@bk.ru)

ЗООНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «ЗАПИСКАХ...» А. Т. БОЛОТОВА

Д. А. Романов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

В. С. Мосолова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В данной статье поднимаются проблемы лексико-тематического (идеографического) представления творческого наследия русского писателя и мемуариста Андрея Тимофеевича Болотова. Тематические блоки лексики, их наполнение и своеобразие в произведениях Болотова (и в частности в его «Записках...») не изучены и требуют подробного и разностороннего исследования. Данная статья структурирована в соответствии с отобранным из литературного текста языковым материалом и с учетом задач его научной интерпретации. Цель исследования заключается в попытке подготовить базу для типологии лексического состава «Записок...» Болотова в целом, рассмотрев один фрагмент потенциального поля систематизации – зоонимическую лексику.

Мемуарные заметки Болотова рассматриваются не целиком: они ограничены выверенными самим автором для печати фрагментами, охватывающими 1737 – 1796 гг., т.е. период XVIII в. Имеющиеся в рукописях и отрывочно публиковавшиеся после смерти автора без обработки фрагменты, относящиеся к 10-м гг. XIX в., оставлены за границами исследования по стилистическим и хронологическим причинам (т.к. предметом изучения является лексическая картина XVIII в.). Общее рассмотрение текста «Записок...» показывает, что Болотов при создании своих мемуаров широко использовал тематически весьма разнообразную лексику, относящуюся ко всем представленным в языке XVIII в. стилистическим регистрам. Предметом направленного анализа становятся просторечие, высокая лексика архаического типа, межстилевая («посредственная») лексика, паремии, онимы.

Названные лексические феномены в тематической зоонимической лексической сфере представляются не только в качественном, но и в количественном аспекте (при сопоставлении с другими типами лексики в «Записках...», а также в языке того времени). Выделяются и описываются внутренние особенности изучаемой лексической группы. Представлено разделение лексем-зоонимов по семантическим классам в зависимости от их текстовой семантики. Особое внимание уделяется полисемантическим зоонимам на фоне лексики конца XVIII в. и в перспективе их смысловой динамики. С разных сторон характеризуются зоонимы с мелиоративным, нейтральным (нивелированным) и пейоративным коннотативным значением. Теоретические рассуждения обязательно основываются на текстовых примерах.

Исследование демонстрирует, что некоторая часть лексем-зоонимов может приобретать метафорический характер либо включаться в состав сравнений, что свидетельствует об их потенциальной метафоричности. На основании лексикографического и корпусного анализа устанавливается, что Болотов, как и другие русские писатели рубежа XVIII – XIX вв., семантически обогащал многие зоонимические лексемы. В статье определено, в составе каких композиционных и смысловых блоков «Записок...» с какой относительной частотностью встречаются лексем-зоонимы. На основе систематизации материала приводится идея о том, что в тексте «Записок...» А. Т. Болотова зоонимическая лексика сближается по функциям со средствами художественной выразительности. Констатируется, что наиболее частыми дискурсивными зонами зоонимической лексики в «Записках...» А. Т. Болотова являются сугубо повествовательные части, посвященные хозяйственной деятельности человека.

Ключевые слова: Андрей Тимофеевич Болотов, мемуары, проза, русская литература, лексика, семантика, стиль, зоонимы, коннотация.

ZOONYMIC VOCABULARY IN "NOTES..." BY A. T. BOLOTOV

D. A. Romanov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

V. S. Mosolova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. This article raises the issues of the lexical-thematic (ideographic) presentation of the creative heritage of the Russian writer and memoirist Andrei Timofeevich Bolotov. Thematic blocks of vocabulary, their content and originality in the works of Bolotov (and in particular in his "Notes...") have not been studied and require detailed and versatile research. This article is structured in accordance with the language material selected from the literary text and taking into account the tasks of its scientific interpretation. The aim of the research is to try to prepare a basis for the typology of the lexical composition of Bolotov's "Notes..." as a whole, having examined one fragment of the potential field of systematization - zoonymic vocabulary.

Bolotov's memoir notes are not considered entirely: they are limited to fragments verified by the author himself for printing, covering 1737 – 1796; the period of the 18th century. The fragments available in manuscripts and fragmentarily published after the death of the author without processing, dating back to the 10s. 19th century, left outside the boundaries of research for stylistic and chronological reasons (since the subject of study is the lexical picture of the 18th century). General examination of the text of "Notes..." shows that Bolotov, when creating his memoirs, widely used thematically very diverse vocabulary related to all presented in the language of the 18th century stylistic registers. Common speech, high vocabulary of the archaic type, interstyle ("mediocre") vocabulary, paremias, onyms become the subject of direct analysis.

The named lexical phenomena in the thematic zoonymic lexical sphere are presented not only in a qualitative, but also in a quantitative aspect (when compared with other types of vocabulary in the "Notes ...", as well as in the language of that time). The authors highlight and describe the internal features of the studied lexical group. The article presents the division of lexemes-zoonyms into semantic classes depending on their textual semantics. Particular attention is paid to polysemantic zoonyms against the background of the vocabulary of the end of the 18th century and in the prospect of their semantic dynamics. The work characterizes Zoonyms with ameliorative, neutral (leveled) and pejorative connotative meaning from different angles. The textual examples become the necessary theoretical reasoning base.

The study demonstrates that some of the zoonyms lexemes can acquire a metaphorical character or become part of the composition of comparisons, which indicates their potential metaphoricity. On the basis of lexicographic and corpus analysis, it is established that Bolotov, like other Russian writers at the turn of the 18th – 19th centuries, semantically enriched many zoonymic lexemes. The article defines in which compositional and semantic blocks of "Notes..." with what relative frequency there are lexemes-zoonyms. On the basis of the systematization of the material, the authors come up with an idea that in the text of "Notes..." by A. T. Bolotov's zoonymic vocabulary is similar in function to the means of artistic expression. It is stated that the most frequent discursive zones of zoonymic vocabulary in "Notes..." by A. T. Bolotov are purely narrative parts devoted to human economic activity.

Keywords: Andrei Timofeevich Bolotov, memoirs, prose, Russian literature, vocabulary, semantics, style, zoonyms, connotation.

Андрей Тимофеевич Болотов – русский писатель, публицист, мемуарист, оказавший существенное влияние на развитие языка русской литературы. Его творческое наследие до настоящего времени должным образом не оценено и не исследовано в полной мере. Остается еще много неразрешенных вопросов, связанных с лексико-семантическим и стилистическим своеобразием произведений Болотова. В связи с этим

основная цель проведенного исследования – анализ одного из фрагментов лексико-стилистической системы А. Т. Болотова, который создает базу для типологии лексического состава его знаменитых «Записок...». Таким образом, объект исследования – главный многотомный труд А. Т. Болотова, полное название которого звучит так: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (в филологической традиции его принято называть «Записки А. Т. Болотова» или сокращенно «Записки...»).

«Записки...» дошли до нас в двух неодинаковых по объему частях: большая из них была напечатана еще при жизни автора, выверена им и подготовлена к публикации (она касается периода с 1737 по 1796 гг.), другая часть сохранилась только в рукописях и фрагментарно печаталась после смерти автора на протяжении XIX – начала XX вв. (она посвящена событиям первой четверти XIX в.) В исследовательских целях для нас интересен отредактированный Болотовым текст, поскольку он отчетливо представляет эпоху, на которую пришелся расцвет интеллектуальной и хозяйственной деятельности автора, и объективно показывает языковую личность Болотова в контексте семантико-стилистических преобразований лексики того времени. XIX век в этом отношении для Болотова и его языка менее репрезентативен, а потому оставлен за границами нашего рассмотрения.

В болотовских «Записках» можно найти обширную палитру разнообразных языковых средств. В текстах встречаются слова простонародной речи (преимущественно из речи городских мещан); слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению крестьянства, «высокие» архаизмы, поговорки, афоризмы, некоторые виды ономов. Эти единицы принадлежат разным сферам всех трех ломоносовских «штилей». Самое большое количество лексики «Записок...» относится, что вполне естественно для литературы второй половины XVIII в., к межстилевой («посредственной» – по Ломоносову) зоне. В этом лексическом пласте выделяются названия природных топографических объектов (топографизмы), фитонимы и зоонимы.

В числе зоонимов большая часть лексики «Записок» А. Т. Болотова относится к подгруппе названий домашних животных. Сюда входят именованья всех живых существ, так или иначе связанных с сельским и домашним хозяйством человека: зверей, птиц, рыб, насекомых. В противоположность диким животным (волк, медведь, сова, змея, заяц), Андрей Тимофеевич в первую очередь пишет о животных своего собственного хозяйства в родном селе Дворянинове: ... *услышав о множестве расплодившихся у нас карпов...* [2, с. 46], ... *превеликая свинья с поросятами* [2, с. 262], ... *будущую осень побывать и поездить с собаками* [2, с. 61]. О диких животных он упоминает нечасто: ... *я не иначе полагал, что съедят меня тут волки...* [1, с. 40], *Откуда ни возьмись и порхни из-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова...* [1, с. 41], ... *я, как некоего медведя, страшился...* [1, с. 191], *Много ли у вас в Богородицке зайцев?* [2, с. 61]. Болотов, будучи домоседом и имея круг совершенно других увлечений, никогда не бывал на охоте, одним из главных увлечений тогдашнего дворянства. «... Я не охотник и не езжу...», – сообщает он читателям [2, с. 61].

Также из числа зоонимов «Записок» можно выделить ещё несколько семантических групп (они представлены в порядке убывания частотности употребления): дикие птицы (*куропатка, сова* и др.), рыбы (*ёрш, лец* и др.), насекомые (*бабочка, козявочка, мушка*), пресмыкающиеся (*змея, уж*), земноводные (*жаба*). В рассматриваемом материале встречаются также и названия детёнышей животных (как правило, в переносном значении), например: *Слышишь! Пошел прочь, щенок, и не мешай!* [1, с. 359] (коннотативное пейоративное значение).

Зоонимическая лексика «Записок» А. Т. Болотова носит межстилевой характер, ей свойственно широкое распространение в языке; в ее составе не встречаются арха-

измы или диалектизмы. Вместе с тем определенная часть зоонимов является полисемантической и коннотативно окрашенной (коннотация – в языкознании дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории. Включает семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением [4, с. 563]). Интересны зоонимические лексемы, имеющие в болотовском тексте переносные значения: *голубка* (в обращении к жене ... *знаешь ли ты, моя **голубка**...* [1, с. 288]), *гусь* в устойчивом сочетании (... *хорош я теперь **гусь**!* [1, с. 222]), *курочка* (*Он казался нам суццей **курочкой**...* [1, с. 237]), *медведь* (... *я, как некоего **медведя**, страшился...* [1, с. 191]), *улитка* (... *обделал под образ **улитки**...* [2, с. 102]).

Многие зоонимы выступают у Болотова в составе сравнений, реализуя тем самым потенциал к метафорическому переосмыслению значения: *голубь* (*Сердце во мне, как **голубь**, затрепетало ...* [1, с. 516]), *ёри* (... *как **ёри**, глаза растаращив...* [1, с. 517]), *уж* и *жаба* (... ***ужом** и **жабой** вертеться...* [2, с. 151]), *змея* (... *как суцце **змеи**, надували командиру моему на меня всякие клеветы...* [2, с. 231]), *мышь* (... *попался молодец, как **мышь** в западню...* [1, с. 221]), *петух* (... *расхаживающего, как **петуха** индейского...* [1, с. 516]), *червь* (*Погибнем и мы все, как **черви** капустные!..* [1, с. 490]).

Приведенные лексемы-зоонимы приобретают в тексте положительное, нейтральное или отрицательное коннотативное значение. К первой группе отнесём следующие слова: *голубка*, *курочка* (мелиоративную коннотацию поддерживают уменьшительно-ласкательные суффиксы). Лексема *голубка* приобретает положительно окрашенное значение ‘милая женщина’; *курочка* – ‘мягкий, неконфликтный человек’. Ко второй группе (с нивелированной коннотацией) принадлежат слова: *голубь* (‘молодой, покладистый и активный человек’), *ёри* (‘задиристый человек’), *мышь* (эта лексема входит в состав собственно болотовского фразеологизма), *улитка* и др. К третьей группе относятся слова: *гусь* (в составе устойчивого сочетания с семантикой ‘неприятный человек’), *змея* (‘подлый, изворотливый человек’), *петух* (‘напыщенный человек’), *червь* (‘ничтожный человек’) и т. п. В статистическом отношении в идиостиле Болотова проявляется общезыковая тенденция преимущественного наделения лексем-зоонимов пейоративными коннотациями.

Большинство зоонимических лексем переносной семантики Болотов в своих мемуарах использует для выражения того или иного отношения к человеку (иногда к самому себе): *голубка*, *гусь*, *курочка*, *мышь*, *червь* и др. (примеры см. выше). Отдельные лексемы отражают внешние данные человека (*медведь*, *ёри*); другие – особенности поведения (*жаба*, *уж*, *змея*, *петух*). Зоонимическая лексика с коннотативным значением употребляется Болотовым с целью более глубокого описания предметов и явлений действительности. В литературных жанрах российской словесности во времена Болотова эта особенность зоонимов широко распространялась и закреплялась, что основывалось, конечно, на мировой и отечественной фольклорной (преимущественно сказочной и притчевой) традиции.

Кроме того, при создании «Записок» Болотов поддерживал общезыковую тенденцию обогащения полисемантической системы зоонимических слов новыми значениями и оттенками (*курочка*, *медведь*, *мышь*, *улитка* и др.).

Так, в «Словаре русского языка XVIII века» [17] лексема *курочка* не зафиксирована; слово же *курица* приводится только со значением ‘самка петуха’. Таким образом, А.Т. Болотов одним из первых помещает на страницы литературного произведения лексему, которая в будущем будет весьма распространена как положительная характеристика человека. Показательно, что у Болотова она относится к мужчине. Генерал-аншеф Салтыков, о котором идёт речь, казался Андрею Тимофеевичу безобидным, простым, «домашним» человеком кроткого нрава, без особых амбиций: ... он был весьма добрый человек <...> старичок простенький, никаких дальних сведений и достоинств не имеющий и никаким знаменитым делом себя ещё не отличивший [1, с. 236].

«Словарь русского языка XVIII века» [17] определяет слово *медведь* как 1) 'крупный зверь с грузным телом; 2) (переносное) о человеке, чем-л. напоминающим медведя'. Разумеется, связь человека с медведем была фольклорно закреплённой и касалась главным образом внешности и движений ('толстый, неуклюжий, неповоротливый человек'). Болотов же расширяет семантику этого слова, добавляя новое переносное значение, относящееся не к человеку, а к ожидаемому событию ('нечто устрашающее, пугающее, волнительное'): *Но наступил уже и тот день, которого я, как некоего медведя, страшился...* [1, с. 191].

Лексема *мышь* имеет в «Словаре русского языка XVIII века» [17] только семантику 'небольшой грызун'. В современных толковых словарях русского языка у этого слова нами не было найдено переносных значений. Однако тенденцию к семантическому расширению это слово приобрело в некоторых устойчивых оборотах со сравнительным компонентом: *мокрый, как мышь; попал, как мышь в загром; надулся, как мышь на крупу* и др. У Болотова слово *мышь* также входит в состав окказионального фразеологизма сравнительного по структуре типа (... *попался молодец, как мышь в западню...* [1, с. 221]. Соответственно, потенциально значение зоонима расширено семами 'тот, кто попал в несчастье', 'то, кто оказался в беде' и т. п. (не исключены также осложняющие семы 'внезапно', 'безнадёжно' и др.). Следовательно, Болотов как талантливый литератор, хорошо улавливал тенденции семантического развития языка и творчески воплощал их на страницах своих «Записок»

Лексема *улитка* имеет в «Словаре современного русского литературного языка» [18] семантику 'моллюск в раковине', словоформа творительного падежа *улиткой* используется в качестве наречия, обозначая образ действия и форму. Последняя семантика дается как оттеночная. Болотов является одним из «создателей» подобных, отпочковывающихся от зоонимической семантики оттенков. В «Записках...» Болотова эта лексема приводится в сопоставительной конструкции и реализует значение 'форма спирали': ... *некуда мне было девать выкапываемую из сего водоёма землю, так я велел сыпать ее в кучу, которую и обделал под образ улитки, как изволите видеть* [2, с. 102].

Зоонимы используются Болотовым в различных смысловых и композиционных блоках текста. Лексемы зоонимической сферы были обнаружены нами в главах, посвящённых детству Андрея Тимофеевича, его военным походам во время Прусской кампании, его хозяйствованию в родном Дворянинове, его пребыванию на государственной службе в имениях императорского двора – Киясовке и Богородицке. Зоонимы приобретают в тексте «Записок» различные свойства художественной выразительности. Так, при с их помощью Болотов весьма достоверно, хотя и без особых подробностей, изображает поездку по ночному лесу и передает чувства тревоги, страха, напряженности, возникающие у юного путника: *Откуда ни возьмись и порхни из-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова: лошадь моя, стоявшая до того как вкопанная, какова ни была смирна, но нечаянным шумом и шорохом сим так была испужена, что вдруг шарахнулась и что ни есть мочи с одноколкою поскакала, и оставила меня одного с упавшим опять на грязь и спящим моим дядькою. Теперь вообрази себе всяк, каково было мне тогда, будучи десятилетним ребёнком, остаться одному посреди большого, густого и в самом деле страшного леса, и притом ещё ночью, и с одним только опьянившимся до бесчувствия человеком!* [1, с. 40]. Некоторых животных писатель включает в круг заграничных впечатлений, которые он получил во время похода в Кенигсберг. Здесь звучат так присущие тексту болотовских «Записок» легкая ирония и добродушный юмор. Они отражаются как в валентности (сочетаемости) зоонимов с оценочными лексемами, так и в их оформлении как деминутивов: ... *весь шум, слышанный нами, производили не кто иной, как госпожи коровы, забравшиеся каким-то случаем в сей лес...* [1, с. 175], *Есть менажерия, или птичник, и зверинец, в котором содержится множество редких иностранных птиц и зверьков* [1, с. 215], ... *превеликое собрание янтарных*

штучек с находящимися внутри их **мушками** и **козявочками**... [1, с. 215], ... наклеплены за стеклом **натуральные бабочки**... [1, с. 215].

«Записки» свидетельствуют, что Болотов не слишком фокусируется на животном мире, интересуясь больше растительным, но тем не менее уделяет зоонимам достаточно внимания. Опираясь на фольклорную и басенную традицию, Болотов иногда вочеловечивает животных. Вот, например, строки, посвященные крысе в Дворянине: ... *госпоже крысе вздумалось поступить со мною как-то очень неучтиво и приласкать приезжего в жилище своё гостя уже слишком грубо* [1, с. 406].

Наиболее часто зоонимы болотовских «Записок» характеризуют хозяйственную деятельность человека вообще и автора в частности. Это наиболее частые по семантике контексты зоонимической лексики «Записок». Приведем примеры из «княжеских» и «богородицких» глав: *Целое ведро и добрых больших лещей мы тогда из них взяли обеспечились с сей стороны на предбудущее время*... [1, с. 495], ... *обрадовался, услышав о множестве расплодившихся у нас карпов*... [2, с. 46], *Много ли у вас в Богородицке зайцев?* [2, с. 61], ... *дождался я возвращения отправленного за день до того нарочного в Тулу с живыми зайцами и куропатками к г. Давыдову*... [2, с. 249].

Как видно из приведённых выше примеров, лексика в болотовских «Записках» весьма богата и разнообразна. Вместе с тем тексты мемуаров написаны простым языком, который приятно и удобно читать даже по прошествии более чем одного века. Высокие литературные достоинства «Записок» делают их замечательным памятником отечественной словесности, едва ли не лучшим произведением русской прозы XVIII века [1, с. 6].

Андрей Тимофеевич Болотов оказал существенное влияние на развитие и дальнейшее становление русской литературы.

Список источников и литературы

1. Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737 – 1796. В 2 т. Т. 1: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1737 – 1774 / примеч., послесл. В. Н. Ганичева ; худож. В. С. Корнев. Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. 526 с. (Отчий край).
2. Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737 – 1796. В 2 т. Т. 2: 1775 – 1796. Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. 527 с. (Отчий край).
3. Болотов А. Т. Избранное. Псков: ПОИПКРО, 1993. 352 с.
4. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Рос. энцикл. ; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.
5. Левин В. Д. Очерк стилистики русского языка конца XVIII – начала XIX века: (Лексика). М.: Наука, 1964. 407 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
7. Любченко О. Н. Андрей Тимофеевич Болотов: естествоиспытатель и писатель. Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. 244 с.
8. Минералов Ю. И. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2007. 382 с.
9. Михалева С. В. Биография Андрея Тимофеевича Болотова с замечаниями сына, эпиграфией, автографом письма и его переводом. Тула: АССОД, 1997. 31 с.
10. Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов - выдающийся деятель науки и культуры, 1738 – 1833. М.: Наука, 1988. 316 с.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 199 с.

12. Словарь русского языка XVIII век [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984-1991. Вып. 1-6 ; СПб.: Наука, 1992. Вып. 7 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 31.03.2021).
13. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Акад. наук СССР. М. ; Л., 1948–1965.
14. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Рос. фонд культуры. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
15. Тульский край в литературе: лингвостилистическое и лингвокультурологическое исследование : монография / сост.: Д. А. Романов, Н. М. Старцева, Е. А. Печурова. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. 148 с.

References

1. Bolotov A. T. Zapiski Andrey Timofeyevicha Bolotova. 1737 – 1796. V 2 t. [Notes of Andrey Timofeevich Bolotov. 1737 – 1796: In 2 vols.]. Tom 1: Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannyye samim im dlya svoikh potomkov, 1737 – 1774 [The life and adventures of Andrei Bolotov described by himself for his descendants, 1738 – 1793]. Note, afterword by V. N. Ganichev; artist V. S. Korenev. Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo publ., 1988. 526 p. (Otchiy kray). [In Russian].
2. Bolotov A. T. Zapiski Andrey Timofeyevicha Bolotova. 1737 – 1796. V 2 t. [Notes of Andrey Timofeevich Bolotov. 1737 – 1796: In 2 vols.]. Vol. 2: 1775 – 1796. Note, afterword by V. N. Ganichev; artist V. S. Korenev. Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1988. 527 p. (Otchiy kray). [In Russian].
3. Bolotov A. T. Izbrannoye [Favourites]. Pskov: POIPKRO publ., 1993. 352p. [In Russian].
4. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. 2-ye izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoye [Big encyclopedic dictionary. 2nd edition, revised and enlarged] Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya publ.; St. Petersburg: Norint publ., 1999. 1456 p. [In Russian].
5. Levin V. D. Ocherk stilistiki russkogo yazyka kontsa XVIII – nachala XIX veka: (Leksika). [Essay on the stylistics of the Russian language at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries: Vocabulary]. Moscow: Nauka publ., 1964. 407 p. [In Russian].
6. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Sovremennaya entsiklopediya publ., 1990. [In Russian].
7. Lyubchenko O. N. Andrey Timofeyevich Bolotov: yestestvoispyatel' i pisatel' [Andrei Timofeevich Bolotov: Naturalist and writer]. Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo publ., 1988. [In Russian].
8. Mineralov Yu. I. Istoriya russkoy literatury XVIII veka [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola publ., 2007. [In Russian].
9. Mikhaleva S. B. Biografiya Andrey Timofeyevicha Bolotova s zamechaniyami syna, epitafiyei, avtografom pis'ma i yego perevodom [Biography of Andrei Timofeevich Bolotov with his son's remarks, epitaph, autograph of the letter and its translation]. Tula: ASSOD publ., 1997. [In Russian].
10. Berdyshev A. P. Andrey Timofeyevich Bolotov - vydayushchiysya deyatel' nauki i kul'tury, 1738 – 1833. [Andrei Timofeyevich Bolotov, an Outstanding Figure in Science and Culture, 1738 – 1833]. Moscow: Nauka publ., 1988. 316 p. [In Russian].
11. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastics terminology]. Moscow: Nauka publ., 1988. 199 p. [In Russian].

12. *Slovar' russkogo yazyka XVIII vek [Dictionary of the Russian language of the 18th century]*. AN SSSR, In-t rus. yaz. Exec. ed. Yu. S. Sorokin. Leningrad: Nauka publ, 1984–1991. No. 1–6. St. Petersburg: Nauka publ., 1992. No. 7. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed: 31 March 2021). [In Russian].
13. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 volumes]*. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR publ., 1948–1965. [In Russian].
14. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]*. Rossiyskaya akademiya nauk; Rossiyskiy fond kul'tury; Moscow: AZ" publ., 1995. 928 p. [In Russian].
15. *Tul'skiy kray v literature: lingvostilisticheskoye i lingvokul'turologicheskoye issledovaniye: monografiya [Tula Territory in Literature: Linguo-stylistic and Linguocultural Research: Monograph]*. Comp. by D. A. Romanov, N. M. Startseva, Ye. A. Pechurova. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ., 2018. 148 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 21.05.2021

Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 21.05.2021

Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторах

Романов Дмитрий Анатольевич,
доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: vallis-94@mail.ru).

Мосолова Виктория Сергеевна,
аспирант кафедры
русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: vallis-94@mail.ru).

Information about the Authors

Romanov Dmitry Anatolievich,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Russian Language and Literature,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: vallis-94@mail.ru).

Mosolova Victoria Sergeevna,
Postgraduate student of the Department of
Russian Language and Literature,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: vallis-94@mail.ru).

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. И. ЗИМИНА

А. П. Василенко

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)*

IN MEMORY OF PROFESSOR V. I. ZIMIN

A. P. Vassilenko

*Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)*

«Неужели фразеология – царица наук?!» – именно такой вопрос я задал себе, когда, будучи совсем юным аспирантом, познакомился с Валентином Ильичом.

Потом была моя докторантура, время непростого поиска своего вклада в науку. И снова Валентин Ильич подставил плечо и шёл рука об руку, внушая уверенность и придавая силы.

Увлечённый фразеологией, Валентин Ильич мог увлечь других...

Уже со временем начинаешь понимать, как же повезло встретить на своём пути этого человека, который тебе показал тайные лингводидактические тропы в науке, начинаешь ценить то, как этот человек поделился с тобой любопытными фразеологическими достижениями, написал тебе длинное рекомендательное письмо на пяти тетрадных листах, а затем бережно вывел твой адрес на белоснежном конверте и заботливо отправил тебе заветное письмо по почте.

Человек чуткий, добрый, внимательный, дружелюбный, улыбчивый. Похвалит, подбодрит, немного поругает – всё на пользу.

Суеверный. Вот фраза Валентина Ильича по этому поводу: «Этот серый костюм приносит мне удачу, поэтому в нём я приехал на Вашу защиту».

Можно было бесконечно слушать неподражаемые рассказы о вьетнамской фразеологии с вкраплениями из французского языка. Да и я тоже был у Валентина Ильича на французский манер – Анатолий.

Говорит как-то раз Валентин Ильич: «Анатолий, а Вы разобрались с функционально-параметрическим отображением семантики фразеологизмов?» И тут же добавляет: «Анатолий, Вам непременно нужно отправиться на эту научную конференцию. Там всегда много участников, и там всегда угощают вкусными

булочками с повидлом, – хлеба и зрелищ подают». И уже начинаешь понимать: а фразеология – и впрямь царица наук! Доводилось работать с Валентином Ильичом в соавторстве при написании научных статей, которые кажутся лично для меня знаковыми уже потому, что представлялась уникальная возможность вместе с УЧИТЕЛЕМ погружаться в глубины фразеологической теории.

Вот, например, одна из них: Зимин, В. И., Василенко А. П. Символ как элемент семантики фразеологизмов в русском и французском языках / В. И. Зимин, А. П. Василенко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета: Научный журнал. – Челябинск: ЧГПУ, 2009. – № 9. – 360с. – С. 227–234.

В этом печатном тексте Валентин Ильич фокусировал внимание на роли символического значения при анализе устойчивых оборотов. Каждым примером и комментарием Валентин Ильич доказывал тесное отношение языка и культуры, выявлял ряд особенностей национальных картин мира, раскрывал исторически нивелированную ввиду динамичности языковой системы, но, тем не менее, существующую связь между означаемым и означающим фразеологизма.

Другая совместная работа – Зимин, В. И., Василенко, А. П. Основные подходы к изучению культурного содержания фразеологизмов русского языка / В. И. Зимин, А. П. Василенко // Журнал «Русский язык в школе», 2010. – № 2. – С. 58 – 62, 77.

В данной работе Валентин Ильич всё также придерживался идеи о том, что фразеологизм, являясь лингвистической структурой, одновременно содержит информацию этнокультурного толка. А в своей известной бумажной картотеке, аккуратно пополняемой на протяжении всей научной длительности, УЧИТЕЛЬ находил теоретические и практические факты, которые позволяли безошибочно отличать отдельно взятую устойчивую единицу языка от других образных языковых единиц на том основании, что в устойчивых оборотах раскрывается некоторая особенность и национального мышления, и жизненного уклада, и специфика восприятия либо отражения реальной / ирреальной действительности народа.

Для каждого Валентин Ильич останется своим, неповторимым. Но, думаю, каждый скажет, что Валентин Ильич – человек знаний, юмора, души...